Человек не сдается

Иван Стаднюк

SHOUT
SHARE
IT

- Стаднюк Иван

Стаднюк Иван
Человек не сдается

Иван Фотиевич СТАДНЮК
Человек не сдается
Повесть
1

Вагон мягко вздрагивал на стыках рельсов и дробно пристукивал колесами. За окном стелилось зеленое с сизыми проседями тумана поле. Затем поплыли отцветшие сады, среди которых белели под соломенными замшелыми крышами мазанки. Под самым окном замигал крынками и горшками на кольях хворостяной с крутобедрым изгибом плетень, где-то внизу тускло блеснула взлохмаченная ветром заводь с раскоряченными ветвями затонувших верб.

Петр Маринин был в купе один. Час назад он проснулся, и первая мысль, пришедшая в голову, заставила его радостно засмеяться. Ведь не надо, как было два года подряд, суматошно вскакивать с постели, торопливо одеваться, чтобы успеть через три-четыре минуты после подъема встать в строй. Можно лежать сколько душе угодно, не боясь грозного окрика старшины или замечания дежурного по роте. И тем не менее Петр вскочил с постели быстро, как по тревоге, оделся, умылся и только позволил себе не сделать физзарядку, хотя отдохнувшие за ночь мышцы сладко ныли, требуя разминки.

И вот он, накинув на плечи плащ, сидит у открытого окна, наблюдая, как там, за вагоном, разгорается утро, как по земле рассыпается под первым лучом солнца росное серебро.

Не верилось, что это он едет в поезде - вчерашний курсант военно-политического училища, что это на его гимнастерке, если поднять руку и потрогать петлицы, холодят пальцы два квадратика, а на рукаве горит красная звезда с золотыми серпом и молотом... Да, теперь он уже не рядовой, а политработник, младший политрук. И не будет больше для него казармы, строгого старшины, не будет привычных и так надоевших команд: "Подъем", "Строиться", "Шагом марш", и многого другого не будет, без чего немыслима курсантская жизнь и вполне мыслима жизнь младшего политрука, самостоятельного человека, назначенного на солидную для двадцатидвухлетнего парня должность секретаря газеты мотострелковой дивизии.

Петр с благодарностью вспомнил старшего лейтенанта Литвинова - своего командира роты в училище. Это он

выхлопотал у начальства для него, Маринина, разрешение сделать по пути к месту службы короткую остановку в Киеве, чтобы повидаться с Любой...

При мысли о Любе, о скорой встрече с ней гулко забилось сердце, стиснутое радостью - безотчетно-тревожной и нетерпеливым желанием быстрее оказаться там, в Киеве... И чем ближе встреча, тем беспокойнее, что окажется она не такой, какую видел в мечтах. Ведь сколько раз уже так бывало: задумает одно, а получается все наперекор. Вроде судьба, если есть она, испытывает его сердце, его мужское самолюбие и делает все так, чтобы не Люба страдала по нему, а он терзался оттого, что счастье, казавшееся таким близким, вдруг исчезало, как мираж, и снова манило к себе откуда-то издалека...

Они вместе с Любой кончали десятилетку. Маринин мыслями уносится в родной Тупичев (есть такое село на Украине), вспоминает, как все было.

...После десятилетки условились продолжать учиться в Харькове: она в институте иностранных языков, он в институте журналистики. Уехал Петр из Тупичева к брату в Чернигов, где и готовился к поступлению в институт. Переписка с Любой прервалась. Но это не беда, раз они скоро должны были встретиться в Харькове.

Однако в Харьков Люба не приехала. Только потом узнал Петр, что мать уговорила ее поступить в Киевский медицинский институт: и к дому ближе, и родичи в Киеве живут.

Но и с этим можно было смириться: существовала же почта, летние каникулы. Верил Петр в скупые - вполнамека, стыдливые девичьи заверения... Дружба продолжалась.

Из института Петра Маринина призвали на военную службу. Располагая неделей свободного времени, он не мог удержаться, чтобы не съездить в Киев. Да и зачем удерживаться? Должен же он повидаться с Любой перед уходом в армию!

И поехал... Лучше было бы ему не ездить. Разыскивая общежитие мединститута, Петр на улице случайно увидел Любу. Или это не она? С парнем под руку?.. Стройная, тонкая, в знакомой ярко-зеленой кофточке, Люба хохотала, поигрывая дугами бровей, когда парень наклонялся к ней и что-то говорил. Смеялись ее губы, глаза, вся она светилась и смеялась - весело, самозабвенно, то и дело встряхивая гордо приподнятой головой, чтобы откинуть золотистый локон, спадавший на лоб. Все это Петр отметил сразу и в короткое время успел перечувствовать многое: недоумение, сомнение, обиду от того, что Любе может быть так весело, когда его, Петра, нет рядом с ней, и, наконец, ревность - мучительную, злую.

Петр хотел было свернуть в переулок, но Люба заметила его. Остановилась, перестала смеяться и потускнела, точно не обрадовалась Петру. Ее ясные, всегда доверчивые глаза источали тревогу. Она быстро высвободила свою руку из-под руки парня.

Петр подошел к ней, холодно поздоровался и, будто ему очень некогда, тут же попрощался: "Уезжаю в армию, счастливо оставаться..." - и стремительно зашагал по тротуару.

Ждал, что вот-вот раздастся голос Любы, что она остановит его, скажет слово, объяснит... Ведь он, Петр, уходит, уходит совсем, а она... с другим... О, как он ждал ее оклика!

Итак, Петя Маринин уехал. Он нашел в себе силы ни разу не написать Любе.

Прошел год. Петр учился в военно-политическом училище в одном из южных городов Украины. Неожиданно его постигло несчастье. Пришла телеграмма, сообщавшая о смерти отца. В тот же день, получив двухнедельный отпуск, Маринин уехал домой.

Через десять дней возвращался в училище. Когда поезд остановился в Киеве, Петр вышел на перрон, чтобы отправить Любе заранее написанную открытку: все же они были друзьями, школу вместе кончили. Дважды прошелся мимо почтового ящика и точно не замечал его: открытку опускать не хотелось.

Раздались звонки отправления, Маринин бросился в вагон, схватил свой чемоданчик и сошел уже на ходу поезда.

В общежитии Любу не застал. Пошел в институт. Слонялся у входа, пока наконец на ступеньки широкого парадного не вывалила из дверей пестрая толпа студентов. И снова почти сразу же увидел Любу. С замирающим сердцем шагнул ей навстречу. Но вдруг остановился: Люба опять шла с тем же парнем...

Петр повернулся спиной к журчавшему говором и смехом потоку студентов и полез в карман за папиросой. Когда зажег спичку, возле него остановился студент, чтобы прикурить.

- Простите, вы Любу Яковлеву случайно не знаете? - неожиданно для самого себя спросил у него Петр.

- Знаю. Вон она Диму повела в общежитие.

- Какого Диму?

- Студент наш. Он плохо видит, почти слепой... По очереди его в общежитие водим.

- Слепой? - переспросил Петр, чувствуя, как запылало его лицо.

- Угу. - И парень громко позвал: - Яковлева! Люба!

Сколько затем пришлось Петру умолять Любу, чтобы она простила его, дурака...

Воспоминания Петра вспугнул задорный, с наглинкой голос, раздавшийся в раскрытых дверях купе:

- О чем так глубоко и обстоятельно думаем, товарищ младший политрук?

Петр оторвал взгляд от окна и повернул голову. Перед ним стоял...

- Морозов! Виктор! Ты откуда? - радостно удивился Маринин.

- Оттуда же! - глухо хохотнул Морозов. - Мы с Гарбузом к поезду чуть не опоздали. В соседнем купе загораем...

- Гарбуз тоже здесь? Куда же вас назначили?

- Угадай!

- Я не знахарь...

- Политруки танковых рот!.. В танковой бригаде служить будем... У самой границы.

Виктор Морозов - высокий костистый парень с худощавым лицом спортсмена - славился в курсантской семье своим неуемным аппетитом (в столовой всегда требовал добавки) и ворчливым характером (он был недоволен всем на свете: частым посещением бани и редким увольнением в город, придирками старшины в казарме и чрезмерной заботой преподавателей о том, чтобы курсанты конспектировали лекции). Сейчас это был совсем другой Морозов - довольный собой и всеми, сияющий и не в меру разговорчивый.

Не дав Петру раскрыть рта, он подхватил его чемодан и понес в свое купе, где сидел, томимый бездельем, третий их товарищ по роте, такой же вновь испеченный политработник - младший политрук Гарбуз...

Опять говорили о том, кто куда назначен, вспоминали командира роты старшего лейтенанта Литвинова. Литвинов, прощаясь со своими бывшими подчиненными, то ли в шутку, то ли всерьез советовал не спешить с женитьбой. "Послужите, осмотритесь, - напутствовал бывалый армеец, может, в академию кто надумает поступить. А женитьба не уйдет..."

- Видать, горький урок получил наш командир роты, - глубокомысленно рассуждал сейчас Морозов.

Младший политрук Гарбуз - вислоносый чернобровый кубанец, - сверкнув глазами, стукнул огромным кулачищем по острой коленке и категорически заявил:

- А я все равно женюсь! В первый же отпуск.

И Гарбуз, тая в уголках губ счастливую усмешку, нарочито грубовато стал рассказывать, что в Краснодаре ждет не дождется его девушка, да такая девушка, что по ней хлопцы всей Кубани сохнут.

Маринин слушал товарища и улыбался. Улыбался своим мыслям. Нет, он, Маринин, никогда не сумел бы так просто и открыто рассказать кому-нибудь о своей любви. Да и зачем

рассказывать? Где найдешь такие слова, чтобы передать, сколько настрадался Петр Маринин из-за Любы Яковлевой?

За разговорами и воспоминаниями не заметили, как поезд сбавил ход и за окном поплыли привокзальные здания.

- Киев! Подъезжаем! - заволновался Петр, бросив на стриженую голову фуражку и надвинув ее на крутой лоб. Схватив чемодан и плащ, он в волнении кинулся к дверям купе, но здесь ему преградил дорогу Гарбуз.

- Не спеши, хлопец. Так не годится, - Гарбуз деловито вырвал у Петра из рук чемодан и, сдвинув черно-смоляные брови, приказал Морозову: - Бери, Виктор, его плащ! Проводим жениха с музыкой.

- Не надо, ребята!.. Не выходите на перрон, неудобно, - смущенно отбивался Петр.

- Ха! Ему неудобно! - басовито рокотал Гарбуз, направляясь к выходу. - Сейчас познакомлюсь с твоей Любой. Имей в виду, и отбить могу...

И вот они все трое, одетые в новое, с иголочки, командирское обмундирование и хромовые сапоги, стоят на людном говорливом перроне. Из глубокой сини неба поднявшееся солнце лило слепящие потоки света, в которых клубилась станционная гарь, искрились вокзальные окна и смеялись на перронном асфальте лужицы воды.

Петр Маринин, тонкий, подтянутый, с литыми плечами и крепкой грудью, пламенея румянцем под смуглой кожей лица, взволнованно и нетерпеливо оглядывался по сторонам.

- Где же твоя Люба? - скрывая за беспечным тоном тревогу, удивлялся Гарбуз.

- Видать, телеграмму не получила. Это точно, - высказал благополучную догадку Морозов, стараясь не встретиться взглядом с Петром.

А Петр все надеялся. Напряженно всматривался он в людскую сутолоку, и чем больше перрон пустел, тем грустнее делались его глаза, блекло лицо.

- Ну, я пойду, хлопцы, - наконец выдохнул он. - Оставайтесь.

- Проводим! - категорически заявил Гарбуз, все еще делая вид, что ничего не случилось. - Наш поезд больше часа простоит здесь.

- Не надо, - устало попросил Маринин.

2

Нельзя сказать, что Виктор Степанович Савченко не нравился Любе Яковлевой. Ей было приятно ощущать на себе во время практических занятий по хирургии пристальный, чуть насмешливый взгляд его серых цепких глаз. Она замечала в них

иногда горячий блеск, немой вопрос и таила в своих глазах и уголках губ улыбку. Было любопытно, как это такой взрослый человек (Савченко - за тридцать), перед которым на экзаменах трепещут все студенты, и вдруг пытается за ней, девчонкой, ухаживать. Однажды он даже приглашал ее на спектакль в театр русской драмы. И хотя ей очень хотелось пойти в театр, она отказалась.

Отказалась потому, что однокурсницы, уловившие необычное отношение хирурга Савченко к студентке Яковлевой, уже шептались по углам, снедаемые ненасытным девичьим любопытством.

И сегодня Люба, выбежав из дверей общежития, ничуть не удивилась, что ее окликнул Савченко. Он стоял напротив, на бульваре, в белом элегантном костюме, соломенной шляпе, высокий, широкоплечий, красивый той определившейся мужской красотой, которая приходит после тридцати лет при налаженном ритме жизни и устоявшемся характере.

- Здрасте, Виктор Степанович! - шустро поздоровалась Люба, скользнув по точеному лицу хирурга озорными глазами.

- Вы куда-то спешите, - не отвечая на приветствие, не то спросил, не то утвердительно произнес Савченко.

- Да. На вокзал, поезд встречать. - Люба неспокойно мотнула кудряшками выбившихся из-под синего берета волос: ей передалась неизъяснимая тревога.

- Положим, не поезд, - дрогнули в короткой усмешке резко очерченные губы хирурга. - Мне очень надо поговорить с вами. Сейчас же...

Они разговаривали и медленно шли по бульвару, вдоль которого во всю мочь цвела акация. В напоенном солнцем воздухе первого июньского дня вился тополиный пух.

- Какой вы непонятливый, Виктор Степанович. - Люба уже поборола смущение, охватившее ее при неожиданной встрече, отогнала тревогу, сообразив, о чем хочет говорить с ней Савченко. - Я ведь могу опоздать!

Виктор Степанович остановился, взял Любу за руку и испытующе посмотрел в ее улыбающееся лицо с большими зеленоватыми глазами, которые в тени густых ресниц казались темными.

- Неужели вы верите, что ваша привязанность к школьному другу - это любовь?.. Ведь улетучится она!.. Поверьте мне, - убеждал он.

- Нет, - тихо отвечала Люба. - Не улетучится. - В глазах ее полыхнул жаркий огонек девичьего упрямства.

Савченко горько усмехнулся и отпустил Любину руку. С

чувством превосходства взрослого над ребенком сказал:

- Удивляюсь еще, как это вы вдвоем не оказались в медицинском институте.

- А вы угадали! - Люба вдруг засмеялась звонко - так, что умолкли свиристевшие в белой кипени акации воробьи. - Петя, верно, хотел вместе со мной идти в медицинский.

- И чего же не пошел?

- А я ему не разрешила! Велела в военное училище поступать, чтоб мужчину там из него сделали. - И Люба снова засмеялась звонко и самозабвенно.

- И он послушался? - безразлично спросил Савченко.

- А меня все хлопцы слушаются!

Савченко помолчал, вздохнул и с грустью промолвил:

- Я бы тоже был счастлив вас слушаться...

- Пожалуйста! - Люба, тонкая, гибкая, как молодая березка, крутнувшись на каблучках, резко повернулась к Савченко и озорно повела глазами. - Исправьте на нашем курсе все тройки на пятерки!

- Не удастся, Люба, - устало улыбнулся Савченко. - Меня призвали в армию... Завтра уезжаю в Гродно и сейчас хотел бы...

- А кто у нас будет вести практику по хирургии? - встревожилась Люба.

- Да не об этом речь! - морща лицо, с досадой махнул рукой хирург. У меня очень, очень важный разговор... - И как человек, решившийся на все, вдруг выпалил: - Люба... выходите за меня замуж!

Люба с изумлением смотрела в лицо Виктору Степановичу, в его застывшие в ожидании, полные страсти глаза, не зная, что ответить. Чувствовала, как горели ее щеки и навертывались слезы. Ей стало мучительно жалко этого хорошего большого мужчину и почему-то нестерпимо стыдно. Отвернувшись и потупив взгляд, она срывающимся голосом произнесла:

- Я вам не давала повода, Виктор Степанович... Но я понимаю: вы уезжаете... Я... я вам очень благодарна...

Савченко молчал, выжидая. А Люба, вдруг овладев собой, посмотрела на него ясными, честными глазами и очень будничными, как ей показалось, слишком простыми, не подходящими для такого случая словами досказала:

- Благодарю вас... Многим кажется, что я лишь хохотушка. Даже на комсомольском собрании прорабатывали. А вы поверили, поняли, что я не только озоровать умею...

- Все это понимают! - воскликнул Савченко. - Вы же умница, лучшая студентка! - И лицо его оживилось, посветлело, в глазах загорелись трепетные счастливые огоньки.

- А мне кажется - меня забавным ребенком считают, - продолжала Люба, волнуясь оттого, что Виктор Степанович не понял, к чему она клонит. Благодарю пас... Только зря вы... Я действительно очень люблю Петю. А вот сказать ему все стесняюсь. Но сегодня скажу...

Петр Маринин, держа в одной руке чемодан, а на другую перекинув плащ, стоял у подъезда вокзала и сумрачно смотрел на шумную, наполненную перезвоном трамваев и гудками автомобилей привокзальную площадь. Захлестывала обида, подступая к горлу твердым комом и медной звенью стуча в виски. Не пришла... Не нашла времени встретить его. А может, случилось что?..

И вдруг губы его задрожали в улыбке, из глаз лучисто брызнула радость, полыхнул по щекам огонь и теплой волной разлился по телу. Петр увидел, как с подножки подошедшего трамвая легко спорхнула... она, Люба!.. Быстро ступая по каменным плитам, Люба, запрокинув голову, озабоченно смотрела куда-то вверх. Петр догадался - смотрела на часы, что схлестнулись стрелками высоко на фасаде серого вокзального здания. Окликнул.

- Петенька-а! - звонко крикнула Люба, увидев Маринина.

Вихрем налетев на Петра, чмокнула его в щеку, обдав ароматом недорогих духов.

- Петенька, извини! Только на десять минут опоздала... Ой какой смешной! - тараторила Люба, повизгивая от восторга и со всех сторон рассматривая Маринина. - А важный!.. И взаправду командиром стал!

- Младшим политруком, - осторожно поправил ее Петр, смущенно улыбаясь и не отрывая глаз от Любы.

- А почему не старшим?.. Ну ладно, - смилостивилась Люба, - ты мне младшим еще больше нравишься. Не будешь нос задирать.

- А я и не собираюсь задирать.

Люба вдруг перестала смеяться и тихо проговорила:

- Ты бы хоть поцеловал меня, Петя...

Румянец на щеках Маринина погустел. Он поставил чемодан, оглянулся на сновавших вокруг людей и с досадой проговорил:

- Народу кругом пропасть...

- Ну и пусть! - счастливо засмеявшись, Люба стала на цыпочки и коротко прильнула своими губами к губам Петра. Затем, смутившись, тоже оглянулась на людей и взяла его чемодан. - Пойдем, а то опоздаю. Через сорок минут у меня консультация, а завтра экзамен по анатомии.

- Люба! - Петр испуганно посмотрел на девушку. - Я ведь только на три часа. Следующим поездом на Сарны должен уехать.

- Никуда ты не поедешь! Я договорюсь с нашими мальчиками, переночуешь у них в общежитии.

- Нет, нет. Ты пойми: не имею права опаздывать. Лучше не ходи на консультацию... В загс пойдем!

- Куда? - Люба смотрела на Петра смеющимися, во влажной зелени, глазами, высоко подняв тонкие брови.

- Пойдем распишемся... Мы же договорились: кончу училище - и ты выйдешь за меня замуж.

Люба вдруг затряслась от смеха, запрокидывая голову и обнажая иссиня-белые мелкие зубы. Петр смотрел на нее с недоумением, тревогой и обидой.

- Чего ты гогочешь?

- Ой, не могу, - сквозь смех отвечала Люба, скрестив руки и прижав их к маленьким тугим грудям. - У меня сегодня урожай на женихов!

- Ну, знаешь... Ничего смешного!.. - Петр, обиженно взглянув на девушку, отвернулся.

- Не дуйся, Петух! - все еще смеясь, говорила Люба. Взяв его под руку, она заглянула ему в глаза. - Разве так сразу можно? Что мне мама скажет? И тебе со своими поговорить надо... Пойдем, а то я опаздываю.

- Никуда ты не пойдешь.

- Сумасшедший! Хочешь, чтоб я завтра на экзамене провалилась?

- А ты хочешь, чтоб я начал службу с опоздания в часть?

- Ну тогда уезжай! - В голосе Любы зазвенели металлические нотки, хотя в глазах продолжал теплиться смешок.

- И уеду! - Петр взялся за чемодан. - Поезд, которым приехал, еще не ушел.

- Уезжай... Только не забудь, что у меня консультация заканчивается через три часа, а потом я свободна.

- Люба, я не шучу... Уеду.

- Уезжай, уезжай. Чего ж стоишь?

И Люба метнулась к тронувшемуся с места трамваю. Уже с подножки, удаляясь, крикнула со смешком:

- Не забудь чемодан в камеру хранения сдать!..

И снова знакомая обстановка вагона, снова татакают под полом колеса. У дверей купе митинговал, размахивая длинными руками, младший политрук Морозов:

- Правильно сделал, что уехал! Вот дурак только, что переживаешь!

Петр Маринин, к которому обращены эти слова, дугой согнув спину, сидел у столика, уставив неподвижный взгляд в окно, где томился в июньском зное день. Напротив Петра - младший

политрук Гарбуз.

Сдвинув черно-смоляные брови, Гарбуз стучал кулаком по своей острой коленке и не соглашался с Морозовым:

- А по-моему, надо было растолковать ей, что к чему, - скрипел его хрипловатый голос. - Ты же сколько этой встречи ждал! А она консультация! Плевать на консультацию! Сдала бы экзамен в другой раз.

- Не верила, что уеду, - с грустью и оттенком виноватости заметил Петр. - Раньше я всегда ее слушался.

- Ну и дурак! - гаркнул Гарбуз и, сердито засопев, достал папироску.

- Оба вы тюфяки! - безнадежно махнул рукой Морозов. - А еще политработники... Ведь война может грянуть! А вы?.. Только и разговоров, что про женитьбу. Приспичило!.. Я б на твоем месте, Петро, года три послужил бы, а потом в Военно-политическую академию. Женитьба не уйдет!

- Постой, постой! - Гарбуз, подбоченившись, дьяволом посмотрел на Морозова. - А что это за студенточка провожала тебя на вокзале?

Морозов заморгал глазами, облизал сухие губы.

- Ну, я - другое дело, - развел он руками. - Во-первых, я на целый год старше вас. А во-вторых...

Что "во-вторых", трудно было услышать, так как Гарбуз загромыхал раскатистым смехом. Не выдержав, рассмеялся и Петр.

- Хватит ржать! - рассердился Морозов. - Давайте лучше "козла" забьем.

После пересадок в Сарнах и Барановичах приехали в Лиду. Разыскав в городишке автобусную станцию, направились от Лиды на восток - в Ильчу.

И вот - небольшое местечко Ильча, о существовании которого ни Петр, ни его друзья раньше и не подозревали. Узкие, пыльные улицы со щербатыми мостовыми, островерхие черепичные крыши домов, заросшая камышом речушка приток Немана. За речушкой на горе - костел. Его долговязое серое тело двумя шпилями тянулось высоко в небо и бросало угловатую тень на плац, растянувшийся между костелом и казармами. В этих казармах размещались штабные подразделения и сам штаб мотострелковой дивизии.

Дивизия только формировалась. Рождение ее и подобных ей частей означало тогда рождение нового рода войск Красной Армии - моторизованной пехоты. Части молодого соединения пополнялись только что призванной в армию, необученной молодежью. Командиры - одни переводились из разных частей

Западного Особого военного округа, другие, как Маринин, Морозов, Гарбуз, приходили из военных училищ. Костяком будущего соединения явилась танковая бригада, которая находилась близ границы в летних лагерях и готовилась к переформированию в два танковых полка.

Старший батальонный комиссар Маслюков - начальник политотдела формирующейся мотострелковой дивизии - сидел в своем кабинете за непокрытым канцелярским столом и листал личное дело младшего политрука Маринина Петра Ивановича. Сам Маринин был здесь же. Он уселся на уголке табуретки и со смешанным чувством любопытства, робости и удивления рассматривал Маслюкова. Близко встречаться с таким большим начальником ему приходилось впервые.

"Губы толстоваты", - мелькнула у Петра нелепая мысль, и он усмехнулся, потупив взгляд. Боялся, что Маслюков заметит на его лице улыбку.

Подавив в себе беспричинный приступ смеха, Маринин снова стал рассматривать лицо старшего батальонного комиссара - полное, чуть румяное, с ямочкой на подбородке. Неопределенного цвета глаза - внимательные, задумчивые, взгляд прямой и требовательный. В Маслюкове угадывался властный, настойчивый характер, выработанный трудной армейской службой.

- Учились в институте журналистики? - нарушил вдруг тишину старший батальонный комиссар, уставив на Петра внимательные глаза.

Во взгляде этих глаз и в голосе, каким был задан вопрос, Петр уловил нечто такое, что заставило его встревожиться...

- Да. Из института призван на действительную.

- Хорошо-о, - протяжно вымолвил Маслюков, и это "хорошо" усилило неизъяснимую тревогу Маринина.

- Вы, конечно, знаете, - начал издалека старший батальонный комиссар, - что вас рекомендуют секретарем дивизионной газеты.

- Знаю.

- А не лучше ли вам месяца два поработать политруком роты? Посмотрите, чем живут солдаты, как складывается их служба в условиях нового рода войск... Потом будет легче в газете...

- Я готов, - облегченно вздохнул Маринин.

- Очень хорошо. Идите представьтесь редактору и работайте пока в газете. А как только поступят бойцы в дивизионную разведку, пойдете туда политруком.

Петр поднялся, сказал краткое "есть!", круто повернулся кругом и рубленым шагом вышел из кабинета.

А в крохотной приемной сидели притихшие Морозов и Гарбуз. Теперь наступила их очередь представляться "высокому

начальству", прежде чем ехать к месту службы - в танковую бригаду.

3

Уже прошло полмесяца с тех пор, как Петр Маринин прибыл после окончания училища к месту службы. Успел обвыкнуть в редакции маленькой дивизионной газеты, подружился с инструктором-организатором газеты младшим политруком Гришей Лобом, а дивизионная разведрота еще не комплектовалась...

- Кто же за тебя в редакции будет работать, если уйдешь в роту? удивлялся Лоб. - Это не дело...

Гриша Лоб - стройный, собранный, невысокий парень с черной жесткой шевелюрой, острым, суровым взглядом и побитым оспой лицом. Не в меру горячий и резкий, Лоб вначале не понравился Петру.

Недавно, когда приехал вновь назначенный редактор политрук Немлиенко, Маринин и Лоб вместе вышли в поле, где мотострелки занимались тактикой. Нужно было написать "гвоздевую" статью для первого номера газеты. Не надеясь на Маринина - новичка в газетном деле, - Лоб суетился, записывал фамилии солдат, фиксировал в блокноте каждое их действие. Часто подбегал к командиру взвода, засыпая его вопросами.

Петр же, когда отделенные командиры производили боевой расчет, только записал их фамилии и фамилии солдат. После в течение двух часов не вынимал блокнота из кармана, ограничиваясь наблюдением. Лоб посматривал на Маринина с недоброй усмешкой. А когда Петр, заметив, что один сержант неправильно поставил задачу ручному пулеметчику и употребил неуставную команду, поправил его и попросил взводного командира указать на это другим сержантам, Лоб резко бросил:

- Не вмешивайся не в свое дело!

Маринин смутился, ибо действительно не знал, правильно ли поступил.

По пути в редакцию Маринин спросил:

- Как будем писать?

- Почему ты говоришь "будем"? - едко заметил Лоб. - Ведь тебе нечего писать - блокнот пуст.

Петр с удивлением посмотрел на товарища и ничего не ответил. Придя в редакцию, он сел за работу. А через несколько часов явился к политруку Немлиенко, редактору газеты, с готовым материалом. Но редактор уже читал корреспонденцию, которую написал Лоб.

Не замечая растерянности младшего политрука Маринина, Немлиенко взял его рукопись.

Затаив дыхание Петр следил, как глаза редактора бегали по строчкам. Кончив читать, редактор сказал:

- Ничего. Начало статьи - о подготовке к занятиям - возьмем у Лоба, а ход занятий - у Маринина...

После работы Лоб подошел к столу Петра:

- Идем хватим по кружке пива.

Когда вышли на улицу, он спросил:

- Обижаешься?

- Нет, - ответил Маринин.

- И правильно делаешь. Не стоит.

С тех пор они и подружились. Петр узнал, что Гриша, несмотря на резкость характера и внешнюю суровость, добрый, отзывчивый парень. Он все время тревожился о своей беременной жене Ане, боялся, что не успеет вовремя отвезти ее в родильный дом.

Петр видел Аню только мельком, когда она однажды принесла Грише в редакцию забытую дома планшетку. Запомнилось простое, полногубое, чуть курносое лицо, светлые, гладко причесанные с пробором волосы, застенчивые, добрые глаза. Несмотря на беременность, которая портила фигуру, от Ани веяло домашним уютом и располагающей простотой.

Сегодня Гриша Лоб был особенно насторожен. Ждал, что вот-вот прибежит за ним соседка. Надо было бы совсем не ходить на службу, но редактор политрук Немлиенко уехал в Смоленск за своей семьей, и Лоб замещал его.

В маленькой комнатке-клетушке, где располагалась редакция, было жарко и накурено. В раскрытое окно, из которого виднелся широкий унылый плац между казарменными зданиями, лениво тянулся табачный дым.

Лоб сидел за столом и с сердитым видом правил написанную Марининым статью. Перед ним - чугунная пепельница с горой окурков.

За соседним столом - Петр. Гранки, тиснутые на длинных лоскутах бумаги, уже вычитаны, и Петру нечем заняться. Он делал вид, что снова читает корректуру, а на самом деле рассматривал фотографическую карточку, на которой был изображен он сам. Это первый фотоснимок, где Петр Маринин выглядел солидно - в командирской форме, по два кубика в петлицах, сверкающая портупея через грудь. А взгляд!.. Глаза Петра смотрели со снимка строго, с достоинством и, нечего скрывать, самодовольно. Жаль только, что волосы не успели отрасти. А без них коротко остриженная голова казалась совсем мальчишеской.

Петр думал над тем, стоит ли посылать Любе фотоснимок

или дождаться ответа на письмо, которое он послал ей недавно. Что она ответит? Обиделась? Ну и пусть! У него тоже характер. А вообще-то зря он тогда уехал. Ничего бы не случилось, если б задержался на сутки. И все было бы по-иному. А теперь?.. Если б Люба приехала в Ильчу!

Маринин посмотрел вокруг себя, и ему стало горько. Уж слишком скромно размещена редакция - в одной комнатке, а во второй - типография.

Очень захотелось, чтобы Люба увидела его за каким-нибудь важным делом, в строгой, солидной обстановке или во главе танковой разведроты на параде, чтоб поняла, что он уже не тот Петька, которому она столько попортила крови.

Но это мечты. Люба не такая, чтобы приехать. Прислала бы хоть письмо...

И Петр так глубоко вздохнул, что из его груди вырвался стон.

Лоб метнул на него насмешливый взгляд и не без едкости произнес:

- Ох и здоров же ты слюни распускать, товарищ ответственный секретарь!

- При чем здесь слюни?!

- Работать надо!..

- А я что, пузо на солнце грею?

- Было б оно у тебя. - И Лоб так засмеялся, что Петру стало обидно. Скоро в щепку сухую превратишься от своего любовного психоза... Эх ты, Отелло недопеченный!.. Деваха на письма не отвечает. Плюнь и разотри!

Петр, уставив на Лоба негодующие глаза, мучительно подбирал самые злые и резкие слова. Но так ничего и не придумал. Только поднялся за столом, одернул гимнастерку и с подчеркнутой официальностью спросил:

- Какие будут приказания, товарищ исполняющий обязанности редактора?

Лоб взорвался густым хохотом. Не выдержал серьезного тона и Петр: он тоже прыснул смехом, отвернулся к распахнутому окну и вдруг заметил, что через плац, зажатый с двух сторон казарменными зданиями, идут полковник Рябов - командир дивизии и старший батальонный комиссар Маслюков.

Маслюков - тучный, с широкими, немного вислыми плечами, полногубым, распаренным от жары лицом. Рябов по сравнению с могучим Маслюковым казался мальчишкой - сухощавый, невысокого роста, но собранный, стройный, что называется - с военной косточкой.

- Долго что-то формируют нас, Андрей Петрович, - вытирая платком смуглую шею, говорил Маслюков Рябову. - Только

наименование мотострелковая дивизия. Вместо полков номера одни: людей мало, а транспорта вовсе нет.

- Брось ты говорить о том, что мне и без тебя известно, - с усмешкой ответил Рябов. - Новый же род войск рождается. Через какой-нибудь месяц будут и машины, и людьми полностью укомплектуемся. Потом не забывай пословицу: берегись козла спереди, коня сзади, а плохого работника со всех сторон. Вот и подбирают нам достойные кадры, командиров я имею в виду.

- Вообще-то неплохими ребятами нас комплектуют, - сказал Маслюков и вдруг разразился хохотом.

- Чего смеешься?

- Больно расторопные работнички попадаются. Младший политрук Маринин есть у меня в редакции... Только приехал, а следом за ним уже невеста мчится. Даже не посоветовался...

Лоб и Маринин настороженно следили в окно за начальством. Вдруг они заметили, что Маслюков, отдав честь и пожав руку Рябову, направился к их домику.

- Наводи порядок! - взволнованно кинул Маринину Лоб и начал быстро складывать на своем столе бумаги.

Маринин, схватив в углу веник, принялся торопливо разметать на полу во все стороны сор. Лоб бросил в пепельницу недокуренную папиросу и заметил, что там окурков уже целая гора. Высыпал их на лист бумаги, завернул. Поискал глазами, куда бы бросить, и сунул сверток в карман.

Когда зашел старший батальонный комиссар Маслюков, Лоб и Маринин были "углублены" в работу. Лоб, словно невзначай, заметил ухмыляющегося начальника политотдела, вскочил на ноги и громко скомандовал Маринину:

- Смирно! - Затем начал докладывать: - Товарищ старший батальонный комиссар, редакция газеты "За боевой опыт" занимается...

- Вольно, вольно, - махнул крупной рукой Маслюков. - Вижу, что горите на работе... Что это?..

Из брючного кармана, в который Лоб спрятал окурки, струился дым. Лоб перепуганно хлопнул обеими руками по карману, окатил полным страдания взглядом начальство и вылетел в коридор.

Несколько минут не утихал в комнате басовитый хохот Маслюкова. Затем старший батальонный комиссар обратился к Маринину:

- А вы, товарищ младший политрук, извольте свой домашний адрес девушкам давать. Чтоб на штаб депеш не слали, - и он подал Маринину телеграмму.

Петр, растерянно захлопав глазами, развернул телеграфный

бланк.

"Еду к тебе. Встречай поезд Лиде воскресенье 12 часов дня. Люба", прочитал вполголоса.

- Это значит - завтра, - глубокомысленно констатировал Лоб, незаметно возвратившийся в комнату. - А говорил - холостой. Или только женишься?

- Не знаю, - еле проговорил ошарашенный Петр. - Ничего не знаю. - На его сиявшем радостью лице блуждала глупая, блаженная улыбка.

Тут же встал перед Петром до неприятного будничный вопрос: как с квартирой? А вдруг Анастасия Свиридовна, хозяйка дома, в котором он снимает комнату, заупрямится? Одинокому же сдавала!

И Маринин, взволнованный, побежал домой.

От радости не чуял под собой ног. Ведь было чему радоваться. Кто бы мог поверить, что все так хорошо устроится! Любаша едет к нему. Та самая Любаша, которая когда-то не разрешала взять себя под руку, которая насмехалась над Петькой. А теперь едет! И они поженятся. А вообще-то Люба, конечно, дуреха. Пошла учиться в киевский, а не в харьковский институт. И зачем столько крови попортила Петру? Может, потому он так и любит ее?

Над узким тротуаром, выложенным из каменных плит, томились в полуденном зное ветвистые молодые клены. Со стороны недалекой речки слабый ветерок доносил пряный запах скошенного, привядшего разнотравья. В мари сине-блеклого, без единого облачка неба плавилось солнце. Так же безоблачно было на душе у Петра Маринина. Вот только квартира...

За поворотом улицы он увидел идущих в том же направлении, что и он, высокого чопорного военврача второго ранга Велехова и его дочь Аню стройную и гибкую, как хворостина краснотала. Замедлил шаги, чтобы не догнать их и дольше побыть наедине со своей радостью.

Но мысли переметнулись к Ане. Петр познакомился с ней на второй день после приезда в Ильчу, когда блуждал по местечку в поисках квартиры. Он стоял у калитки тенистого двора и расспрашивал у сидевших на скамейке женщин, где бы можно снять комнату. Мимо проходила девушка. Услышав, о чем идет речь, она остановилась и непринужденно вступила в разговор.

- Наша соседка ищет квартиранта, - сказала она, окинув Маринина смелым, дружелюбным взглядом. - Пойдемте, я вас провожу.

И они пошли вдвоем. Это была Аня Велехова - дочь начальника санитарной службы дивизии. Она рассказала Петру,

что приехала из Москвы к отцу погостить и ужасно скучает в этом тихом городишке. В прошлом году Аня окончила десятилетку, поступала в Московский театральный институт, но не прошла по конкурсу и теперь снова готовится к экзаменам.

Сейчас Петру вдруг захотелось поделиться с Аней радостью. Он нащупал в кармане хрустящий телеграфный бланк и ускорил шаги. Вот уже совсем рядом дробно перестукивали по каменным плитам каблучки Аниных туфель и размеренно, со скрипом ступали сапоги военврача Велехова. Доносился знакомый, трогающий задушевностью звонкий голос Ани:

- Папочка, ты не спеши отправлять меня в Москву... Знаешь, мне здесь так хорошо отдыхается.

- А по маме не скучаешь? - спрашивал густой, уверенный голос Велехова.

- Чуточку, но это ничего.

- Ой, смотри, дочка. Не влюбилась ли ты в нашего молодого соседа?.. Как этого младшего политрука фамилия?

Петр почувствовал, что в лицо ему будто плеснули горячим. Замедлил шаги, растерянно озираясь, куда бы спрятаться: боялся, что Аня сейчас оглянется и увидит его.

- Папочка! И тебе не стыдно? - доносился между тем ее ласково-негодующий говорок. - Он такой застенчивый, этот Маринин, смешной. Я еле уговорила его вчера пойти со мной на танцы...

Что Аня говорила дальше, Петр не слышал. Он, с опаской глядя ей в спину, нырнул в первую попавшуюся калитку. На удивленный взгляд бравшей из колодца воду молодицы спросил:

- Квартира не сдается?

- Одинокому ай семейному? - Женщина взвела дуги густых черных бровей, с любопытством оглядывая ладную фигуру младшего политрука.

Петр потоптался, раздумывая над вопросом, затем сказал:

- Женатому. - И, не дожидаясь ответа, вышел со двора.

Аня и ее отец успели отойти за перекресток. Маринин, облегченно вздохнув, поплелся следом. Со смущением раздумывал над невольно подслушанным разговором, припоминал вчерашний вечер.

...В клубе было людно. Он замечал, что на Аню и на него устремлены многие взгляды, и ему было приятно, что она, такая красивая, какая-то по-особому светлая, занята только им, запросто держит его под руку, непринужденно, вроде они знакомы уже много лет, ведет разговор. Петр танцевать не умел, и они вскоре ушли из клуба. Долго бродили над речкой, вдыхая в дремотной тишине густой аромат разнотравья и запах болотной

плесени. В сонной воде купалась звездная россыпь неба и рожок луны.

Аня читала стихи Есенина, а Петр молчал и боялся, как бы она не догадалась, что он ничего не знает на память из Есенина. Аня как бы угадала его мысли и спросила, кого он любит больше всего из поэтов. Он назвал Тараса Шевченко и Степана Руданского и очень обрадовался, когда Аня созналась, что о Руданском даже не слышала. Тогда Петр по-украински начал читать ей великолепные юморески, и над речкой долго звенел ласкающий слух Анин смех.

А сегодня ему удалось раздобыть потрепанный томик Есенина...

Петр вспомнил о приезде Любы и подумал, что ее надо будет обязательно познакомить с Аней. Они наверняка подружатся...

"Едет Люба! Едет Люба!" - билась в голове мысль, и радость с необыкновенной силой захлестывала его всего.

Не заметил, как оказался возле своего дома. Увидел, что у калитки напротив стоит Аня и с приветливой улыбкой глядит на него.

- Вы почему такой сияющий, Петр Иванович? - спросила она через улицу.

- Вас увидел, - смутился Маринин.

- Подойдите-ка сюда.

Когда перешел улицу, Аня, потупив взор, тихо проговорила:

- Петя, что вы будете завтра делать? Выходной ведь...

- Я с утра еду в Лиду.

- Чего вы там не видели?.. В лес лучше пойдем.

- Не могу. Мне поезд надо встретить. - И Петр, утопив свой взгляд в глубокой сини Аниных глаз, почему-то не сказал, кого едет встречать.

Отвел взгляд, остановив его на ромашке, выглядывавшей на улицу сквозь забор. Бездумно сорвал ее, подал Ане и молча зашагал через улицу в свой двор.

Предстояло объяснение с квартирохозяйкой - Анастасией Свиридовной. Как она отнесется к приезду Любы?

Анастасия Свиридовна - крупная, дородная женщина с властным голосом и рябым мясистым лицом. Своим квартирантом она распоряжалась, как собственностью: "Столуйся у меня, дешевле обойдется", "Не сиди вечером дома. Молодость прохлопаешь", "Смотри, чтоб Сонька Кабанцева из соседнего дома не окрутила тебя. Поганые они люди".

Анастасию Свиридовну он застал дома. Она сидела на широкой скамейке у окна и, зажав в коленях огромную глиняную миску, терла большим деревянным пестом размоченный горох.

Завтра воскресенье, а по воскресеньям Анастасия Свиридовна печет пироги с горохом.

Хозяйка встретила Петра хитроватым взглядом; догадался, что она видела в окно, как он разговаривал с Аней. Молча подал телеграмму и с замирающим сердцем уселся на топчан. Хозяйка читала телеграмму медленно, потом подняла на Маринина гневные глаза:

- Чего ж раньше молчал?

- Полная неожиданность... - развел руками Петр.

- Рассказывай! Какая дура так ехала б? - Анастасия Свиридовна отставила в сторону миску, спустила ноги на пол и посмотрела в окно. Там, у калитки, что напротив, все еще стояла Аня и медленно срывала с ромашки лепестки.

- Неразумный ты хлопец, - покачала головой Анастасия Свиридовна и снова покосилась на окно. - Вон твоя судьба! Як ягодка дивчина, и отец начальник большой. Думаешь, я не вижу, как она караулит тебя, когда на службу идешь или домой возвращаешься?

- Да не выдумывайте! - испуганно махнул рукой Петр, чувствуя, как у него загорелись уши, лицо. - Знали бы вы Любу...

- А-а, заладил: Люба, Люба! - сердилась хозяйка. - Комната у меня тесная! Как вы там вдвоем поместитесь?

Петр захлопал глазами:

- Почему вдвоем? Я буду спать на чердаке сарая или на службе...

Анастасия Свиридовна с изумлением смотрела на своего квартиранта...

4

Вот-вот должно было выглянуть из-за покрытого лесами горизонта солнце. Возвещая об этом, кричали красно-кровянистым цветом пластавшиеся в блекнущей небесной хмури облака. Наступил еще один день на земле, еще раз Земля-планета, вращаясь в вечном своем движении, показывала солнцу необъятные, наполненные живой жизнью просторы.

Прошла минута, и слепящий поток солнечных лучей, скользнув по земле, высек мириады неугасающих искр на белесых росных травах, на колосьях желтых разливов хлебов, на листве буйно-зеленого лесного половодья. Ясным взглядом смотрело солнце на Белоруссию, и румяная улыбка его отражалась в светлых, живых водах Немана и Березины.

Даже малая речонка Ия, над которой в зеленом паводке молодого сосняка маячили паруса брезентовых солдатских палаток, подрумяненно щурилась в усмешке, тихо перешептываясь с берегами, радуясь солнцу и птичьему

разноголосому щебету в березовой рощице, что прильнула к молодому сосняку.

Сладко зоревал лагерь танковой бригады: мирно спали под парусиной палаток солдаты; на фланге лагеря, куда убегали ровные линейки, задернутые тонким покрывалом желтого песка, дремотно стыл в ожидании дневного тепла танковый парк.

Бодрствовал только суточный наряд. Топтались у грибков дневальные, другие подметали дорожки между палатками и у закрытых пирамид с оружием, звякали ведрами, наполняя питьевой водой бачки в глубоких погребках, вылавливали окурки из вкопанных в землю бочек. Все делали неторопливо, с ленцой: сегодня воскресенье - выходной день, и команду "Подъем" горнист заиграет на целый час позже, чем обычно.

В эти сутки дежурным по лагерю был младший политрук Виктор Морозов. Уже третью неделю служит он вместе с Гарбузом в этой части. Оба политруки танковых рот.

Возвращаясь после проверки постов в свою палатку, Морозов услышал, как в кустах за передней линейкой затрещали сучки. Он замер на месте, прислушался. Кто бы это мог перемахнуть через переднюю линейку? Посмотрел на желтое покрывало песка: ни одного следа... Еще прислушался Тишина. Доносилось только журчание родника на берегу речушки, да в парке хлопал брезент, слабо натянутый на танке.

"Показалось", - вздохнул Морозов и тихо двинулся по линейке вперед. У грибка, под которым застыл дневальный - щупленький, с облупившимся носом солдат, - остановился и, когда тот, вдохнув воздух и смешно выпучив глаза, намеревался по всем правилам отдать рапорт, махнул рукой.

- Порядок? - тихо спросил у дневального.

- Полный, товарищ младший политрук! - бодро рубанул солдат.

Морозов зашагал дальше вдоль линейки в направлении видневшегося впереди резного деревянного постамента. На нем стояло под ажурным навесом зачехленное боевое знамя бригады. Поравнявшись с постаментом, Морозов отдал честь знамени, придирчивым взглядом скользнул по ладной фигуре часового - широкогрудого спортсмена со значком ГТО на гимнастерке. Часовой, держа приклад у ноги, откинул винтовку на вытянутой руке в сторону, приветствуя "по-ефрейторски на караул" дежурного и шельмовато улыбаясь - не придерешься, мол.

Хотелось хоть где-нибудь заметить непорядок, чтобы проявить власть дежурного, но, как назло, солдаты несли службу исправно, и придраться было не к чему. Морозов, поеживаясь от утренней прохлады, постоял у огромного фанерного щита, лениво

перечитал знакомые объявления: "В воскресенье, 22 июня, состоится концерт артистов эстрады", "Выезд на рыбалку в 5 часов утра. Сбор у клуба...", "Сегодня в пионерском лагере родительский день..."

Из недалекой палатки послышался приглушенный говор. Морозов узнал бубнящий голос младшего политрука Гарбуза и вспомнил, что сегодня Гарбуз уезжает в свой первый отпуск - на Кубань. Вздохнул с завистью, подошел к палатке и, увидев откинутый полог, нырнул под парусину.

На пирамидальной верхушке палатки играли блики только что взошедшего солнца, и изнутри казалось, что парусина источает мягкий желтый свет. При этом свете Морозов разглядел в палатке трех офицеров, среди них - Гарбуза. В одних трусах и тапочках на босу ногу все они занимались кто чем, беззлобно переругиваясь.

- Уже поднялись, краса и гордость танковых войск? - насмешливо спросил Морозов, присаживаясь на табуретку.

- А я почти не спал, - ответил Гарбуз, откусывая нитку, которой пришивал к гимнастерке свежий подворотничок. - Попробуй усни: три года дома не был... Эх, и погуляю! На всю Кубань свадьбу отгрохаю!

- Зря командир бригады отпускает тебя сейчас, - недовольно заметил чистивший на гимнастерке пуговицы белоголовый лейтенант.

- Ты насчет футбола? - насторожился Гарбуз.

- Угу. Продуем без тебя артиллеристам как миленькие.

Гарбуз, сверкнув своими глазищами, помолчал, сердито посопел, раздумывая, как бы едче, по своему обыкновению, ответить, и, видать ничего не придумав, приглушенно зашипел:

- Знаешь что, хлопче?.. Я родился человеком, а не футболистом. Вот вернусь с молодой женой, тогда и в футбол будем играть.

- С женой? - изумился Морозов, хитро щуря глаза.

Молодежь грохнула смехом. Густо захохотал и Гарбуз.

- Тише, черти! - затряс кулаками Морозов. - Лагерь разбудите!

И вдруг, словно в насмешку над его словами, прокатился тяжелый, стонущий гул. Мелко задрожала земля от артиллерийских ударов.

В стороне границы, от края до края, полыхали вспышки орудийных залпов, отражаясь в широко раскрытых, встревоженных глазах выскочивших из палатки Морозова, Гарбуза, белоголового лейтенанта.

- Братцы, война! - выкрикнул лейтенант. Его глаза горели жаждой подвига.

- Война! - хрипло повторил Гарбуз.

- Война! - шепнули побелевшие губы Морозова.

Умолкли птицы в недалеком березняке, стыдливо спряталось за багровую тучу взошедшее солнце. А на западе бухало и гремело; серая ветошь редких курчавых облаков озарялась кровавыми отсветами.

Младший политрук Морозов вдруг вспомнил, что он дежурный. Опрометью бросился к штабной палатке. Влетел туда вихрем, чуть не сбив с ног заспанного сержанта - помощника дежурного, который уже тянулся к зеленой коробке полевого телефона.

Опередив сержанта, Морозов схватил трубку, ожесточенно крутнул ручку.

- "Неман"! "Неман"! Алло!.. "Неман"!

Штаб бригады не откликался.

Морозов рванул трубку второго телефона.

- Застава!.. Погранзастава! Алло! Погранзастава!

На лбу младшего политрука выступили крупные капли пота: не отвечала и ближайшая пограничная застава. Чья-то рука уже успела перерезать все провода. Молчал и квартирный телефон полковника - командира танковой части. Он жил в местечке Свинеж, где находились зимние квартиры танкистов. Там же размещались штаб, склады, парк не выведенных в лагерь боевых и транспортных машин.

Морозову ничего не оставалось, как объявить тревогу.

Вдоль палаток, от дневального к дневальному, перекатывалась холодящая душу, разноголосая команда:

- Тревога! Тревога!.. В ружье!..

Где-то на краю лагеря рассыпал серебряную трель горнист.

Лагерь ожил. Танкисты и шоферы, чьи машины находились в лагерном парке, стремглав мчались туда. Все остальные, захватив оружие, бежали на тыльную линейку, где уже раздавались команды к построению.

...С дороги, ведущей к лагерю, на переднюю линейку свернула легковая машина и на большой скорости подъехала к палатке дежурного. Из машины выскочил моложавый полковник с заспанным, небритым лицом - командир бригады.

Морозов, подав собравшимся здесь офицерам команду "Смирно", кинулся к нему с рапортом, но полковник, нетерпеливо махнув рукой, коротко спросил:

- Приказы есть?

- Никак нет. И связь почему-то не работает.

Измерив Морозова суровым взглядом, точно он, дежурный по лагерю, чего-то недоглядел, командир бригады задумался, нервно

потирая ладонью небритую щеку.

В стороне, в просветленной сини неба, плыла на восток еле различимая армада бомбардировщиков. Проводив ее глазами, в которых гнездились тревога и желчная горечь, полковник обратился к командирам:

- Обстановка неизвестна. Приказов никаких. Надо полагать, немцы напали без объявления войны... А это значит... Сами понимаете: до границы тридцать километров.

Он еще с минуту прислушивался к артиллерийской пальбе, отчетливо доносившейся с запада, а затем отдал распоряжение:

- Действовать по плану боевой тревоги! Майор Новиков!..

- Я! - отозвался из группы командиров щеголеватый майор.

- Поставьте мотоциклистам задачу на разведку.

- В наличии только два экипажа, товарищ полковник, - доложил Новиков. - Остальные на соревнованиях мотогонщиков.

- Какие там мотогонщики? Ах, да... - Полковник зло сплюнул, почесал затылок и приказал: - Пошлите два экипажа и бронеавтомобиль.

- Есть!

- Первому батальону... - Командир бригады выжидательно смотрел на офицеров, кого-то искал глазами. - Командир первого батальона!

- Майор Бабинец с вечера уехал на зимние квартиры, к семье, - доложил Морозов.

Негодующе ворохнув глазами, полковник спросил:

- Капитан Волков здесь?

- Я! - раздалось из группы командиров.

- Приготовить батальон к бою...

- А как с боеприпасами? - послышался чей-то, похожий на бабий, голос. - В лагере ни одного снаряда!

- Знаю! - зло прервал полковник говорившего. - Командиру автороты ("Я!" И один из офицеров взял под козырек) доставить личный состав второго и третьего батальона на зимние квартиры. Там загрузиться боеприпасами и прибыть сюда.

- Есть доставить людей на зимние квартиры и привезти в лагерь боеприпасы!

- Второму и третьему батальонам - на зимних квартирах снять с консервации танки, получить боеприпасы и выдвинуться к месту сосредоточения бригады согласно плану боевой тревоги.

- Есть! - в один голос произнесли два командира.

- Штабной автобус на месте? - повернулся полковник к младшему политруку Морозову.

- Никак нет. Ушел в Гродно за артистами... Сегодня концерт...

- Концерт... - Полковник кивнул головой в сторону границы,

где бушевала война.

5

В лагере ждали снарядов с таким напряженно-тревожным нетерпением, с каким ждут врача, уже одно появление которого может спасти жизнь умирающему человеку, беспредельно дорогому всем.

Солнце поднималось выше и выше, синева неба блекла, делалась белесо-голубой; в ней непрестанно гудели моторы, уносившие косяки крестатых бомбардировщиков на восток. На западе же, там, где находилась государственная граница, вскипал грохот канонады...

А снарядов не было.

Примчались из разведки мотоциклисты. Сообщили, что немецкие танки пересекли границу, достигли Августовского шоссе и движутся одной колонной на Гродно, другой на Домброво. Не позже чем через двадцать минут они будут здесь, в лагере...

А снарядов нет.

Нет и танковых батальонов, которые должны прибыть с зимних квартир сюда - в район лагеря, к поросшим непролазью мелколесья оврагам, что раскинулись за недалекой березовой рощей. Там - место сосредоточения по тревоге.

Полковник - командир бригады - хотел было отдать приказ единственному танковому батальону, который находился в лагере, выдвинуться к оврагам с тем, чтобы там, рассредоточившись, загрузиться снарядами, как только подоспеют грузовики. Но вспомнил, что автомашинам не пробиться сквозь одичалые кустарники к оврагам... Приказал вывести танки из парка и разбросать в сосняке - на случай бомбового удара.

В воздухе вдруг послышался надсадный нарастающий свист. За речушкой Ия ухнули, всколыхнув землю, разрывы тяжелых снарядов. После небольшой паузы, зазвеневшей тишиной, снаряды легли за речкой целой серией. Два взрыва взметнулись среди палаток, кинув в небо обломки нар, обрывки парусины и солдатских постелей. По лесу пополз приторный запах гари.

У полковника между бровями врубилась складка, тугими узлами заходили на скулах под кожей желваки. Стало ясно, что лагерь - под непосредственным ударом. Надо действовать.

Но снарядов нет.

Нет потому, что по инструкции они выдаются со склада только для боевых стрельб на полигоне. Полковник со злостью отшвырнул незажженную папиросу и с горечью подумал:

"А инструкции о боеготовности?.. Почему я не имел права

держать в лагере хоть по одному боекомплекту на танк?.."

И все надеялся, что вот-вот появится офицер связи с приказом из штаба армии, в котором будет сказано, какая стоит перед танковой бригадой задача и что ему, командиру бригады, надо делать сейчас...

С зимних квартир примчались наконец груженные снарядами и патронами машины.

Командир автороты, высокий, сутуловатый старший лейтенант, плакал, как мальчишка, растирая на посеревшем лице слезы, и рассказывал полковнику, что он убил на зимних квартирах, в местечке Свинеж, человека. Застрелил красноармейца, потому что не было иного выхода...

Полковник, туго сжав челюсти и уперев в старшего лейтенанта потемневшие от негодования глаза, слушал его рассказ...

Когда авторота прибыла в Свинеж, местечко дымилось в пожарах. Шесть немецких бомбардировщиков разгрузились над казармами военного городка, над штабом бригады. Первая фугаска попала в караульное помещение, похоронив под обломками всех, кто там находился...

Грузовики автороты пересекли местечко, миновали военный городок и остановились у колючей проволоки, которой было обнесено складское помещение. Надо было открыть склад и взять снаряды. Но у склада стоял часовой - молоденький синеглазый солдат с комсомольским значком на груди.

- Стой! - крикнул часовой ломким голосом.

Старший лейтенант остановился и объяснил солдату, что приехал за снарядами.

- Без разводящего или начальника караула не подходи!

- Убиты! Война, - коротко объяснил старший лейтенант и подумал, что даже такими доводами не убедить солдата.

Согласно Уставу караульной службы часового мог снять или отдать ему приказание о допуске в склад только разводящий или начальник караула. При их гибели - дежурный по воинской части, начальник штаба или начальник гарнизона. Но никого не было. Начальником гарнизона являлся командир бригады. Он - в лагере. Дежурный по части - тоже там. Ведь наряд для несения службы в гарнизоне посылался из лагерей.

- Война, немцы напали. Танки без боеприпасов, - доказывал командир роты часовому.

А тот, часто моргая полными слез глазами, держал на изготовку ружье и твердил одно:

- Не подходи! Буду стрелять!

- Ты же сам видел, как самолеты бомбили городок!

- Видел, но не могу.

- Черт с тобой! Стреляй! - взбесился старший лейтенант и двинулся на часового.

Тот, не задумываясь, загнал патрон в патронник и вскинул винтовку. Командир автороты остановился:

- Что ты делаешь?!

У машин зашумели водители и красноармейцы-грузчики. Всей толпой начали уговаривать солдата.

- Сволочи! - плаксиво закричал на них часовой. - Сами устав знаете! При чем здесь я?!

- Тогда я буду стрелять, - твердо сказал старший лейтенант, расстегивая кобуру.

Часовой поставил к ноге винтовку и, глядя в упор побелевшими от страха и волнения глазами, из которых медленно катились слезы, сказал трясущимися губами:

- Стреляйте!.. Так-то будет лучше...

Старший лейтенант вскинул пистолет, прицелился в затвор винтовки, надеясь заклинить оружие часового. Выстрелил. Часовой тихо вскрикнул, повалился на землю, скорчился, засучив, как подстреленный зайчишка, ногой... Пуля, скользнув по затвору, срикошетила и попала солдату в живот...

В лагере кипела работа. Торопливо разгружали автомобили и тащили тяжелые ящики к открытым люкам танков. Загрузившись боеприпасами, танки один за другим уходили сквозь сосняк и березовую рощу к оврагам.

Артиллерийский обстрел внезапно прекратился. Было явственно слышно, как где-то близко трещали пулеметные очереди и ревело множество моторов.

В лагерь примчался еще один мотоциклист.

- Фашисты близко! - взволнованно сообщил он, вытирая со лба холодный пот.

Командир части уже не нуждался в докладе разведчика. Он отчетливо видел, как далеко за пересохшей речушкой Ия по болотистому полю ползли широко развернутой цепью танки, похожие на дымящиеся копны. Скоро они нырнут в зеленое половодье мелколесья, раскинувшегося за Ией, и вынырнут у самого лагеря...

- Товарищ полковник, - вдруг взволнованно заговорил мотоциклист, часто моргая покрасневшими глазами, - что же это такое? Может, недоразумение? Может, поговорить надо с немцами? Как же это? Мы же никого не трогали... Неужели сразу стрелять?..

- К бою! - хрипло скомандовал полковник экипажу своего командирского танка.

Легко скомандовать к бою, нетрудно зажечь сердца людей, готовых сделать все, чтобы победить лютого врага. Но как, не имея приказа, завязать этот бой, как победить врага, не зная его численности, не видя, как широк фронт, на котором развернулись его силы, не имея поэтому замысла боя и, главное, при наличии всего лишь одного танкового батальона и двух батальонов где-то там, в тылу, спешащих из местечка Свинеж и уже явно опаздывающих и ускоряющих этим опозданием неминуемую трагическую развязку.

По мнению полковника, оставалось только одно: скопив батальон на склонах большого, поросшего ивняком оврага, ощетиниться жерлами пушек и бить по тем фашистским машинам, которые, выйдя к оврагу, попадут под прямой выстрел, а затем атаковать на узком участке, надеясь, что у оврага окажется фланг стальной армады. А потом? Что потом?.. Как воевать без линии фронта, не чувствуя ни справа, ни слева локтя? Ответственность за жизнь многих людей, за дорогостоящую материальную часть легла на плечи одного человека тяжелым грузом...

Случилось так, что фашисты не вышли к оврагу, а, перемахнув через мелководную Ию, левым крылом проутюжили линейки опустевшего лагеря, обстреляли неизвестно для чего безмолвные парусиновые палатки, ударили из пушек по деревянному зданию столовой и, подминая скрежетавшими гусеницами молодые сосенки, устремились в сторону огромного изумрудно-зеленого квадрата клеверного поля и желтых хлебных массивов. Фашисты спешили вперед, на восток, туда, где за лесом, за железнодорожной насыпью, пролегали из Осовца и Белостока дороги на Гродно.

...Танк младшего политрука Морозова стоял на пологом скате оврага так, что из его забросанной срубленными ветвями башни можно было наблюдать за просвечивающейся насквозь березовой рощей, разделявшей овраг и лагерь. Не отрываясь от бинокля, Морозов, высунувшись из люка, сумел разглядеть несколько танков с черными на тускло-желтоватой броне крестами. Что за люди сидят в железных внутренностях этих машин, чего они хотят и что думают?.. С ненасытным любопытством и острым чувством опасности смотрел, как танки, выбрасывая тучи перегоревшей солярки, пофыркивая, со стальным равнодушием кромсали молодой лес, прокладывали себе дорогу вперед.

"Почему с открытой грудью встречаем врага? - обжигали мозг страшные мысли. - Почему все так неожиданно?.."

И было странно, что там, в лагере, где он только сегодня, совсем недавно ходил по линейкам как хозяин, там уже все стало

недоступным, чужим. Туда уже нельзя запросто вернуться...

В груди шевельнулся страх. Стало страшно оттого, что все случилось вот так непонятно, когда он и его товарищи почти бессильны, когда можно погибнуть, ничего не успев сделать и даже толком не узнав, что же произошло... Нет места для разбега, нет времени для раздумий. Неизвестно, что ждет через минуту, что будет через час... Не хотелось смириться со всем случившимся, не верилось, что это не дурной сон.

Пришла в голову нелепая мысль об оставленном в палатке чемодане. Некстати стало жалко альбома с фотографиями. Там - она, девушка Поля, с которой связаны пылкие юношеские мечты о будущем. Там коллективный снимок друзей - выпускников военно-политического училища. Училище... Сколько раз на тактических занятиях разыгрывались жаркие бои, атаки, засады! Но ничего не было похожего там вот на все это.

Кажется, Морозов только сейчас по-настоящему ощутил страшную опасность, всем существом почувствовал, что действительно пришел враг грозный, неумолимый и пока непонятный...

Из оцепенения вывела команда полковника:

- В атаку!.. Пристраиваться в хвост и бить без команды!..

- Вперед! - крикнул Морозов, ныряя в башню.

Механик-водитель, томившийся от неизвестности, резко включил скорость, и машина рванулась с места.

Фашистская танковая колонна широким фронтом шла вперед. Немцы стремились к дороге, чтобы там свернуться в походный строй. Видать, были уверены фашисты, что впереди никто не посмеет оказать сопротивление.

Не заметили гитлеровцы, как вслед им из лесу вышли десятки чужих машин. Да где там заметить! От пыли и копоти, казалось, солнце потемнело. А гитлеровцев и при хорошей видимости до этого никто еще не учил оглядываться назад. А если бы оглянулись? Разве разберешь в таком угаре, чьи машины замыкают строй?

Под гусеницы часто попадали твердые кочки, пни - здесь когда-то был лес. Танк клевал носом, бодался, устремляясь всем своим бронированным телом вперед. На развороте в смотровую щель, в прицел попадал косой, ослепляющий луч солнца. Морозов щурился, старался сквозь рябящие в глазах расплывчатые пятна разглядеть цель, чтобы верно послать снаряд.

- Стоп!

Младший политрук увидел, как над башней одного вражеского танка поднялась крышка люка. Над люком показалась голова гитлеровца. Морозову почудилось, что он встретился с

ним взглядом. Мучило желание поймать голову фашиста в перекрестие прицела. Немец, видимо узнав чужие машины, нырнул в люк. И тотчас рявкнула пушка танка Морозова. Снаряд высек из вражеской машины столб огня. Из клубов дыма вынырнула сорванная башня и, описав дугу, грузно рухнула под гусеницы проходившего невдалеке танка. Танк вздыбился и замер.

- Огонь! - скомандовал Морозов, уступая место у прицела наводчику...

Справа и слева от танка Морозова выползали из зарослей тридцатьчетверки, и из стволов их пушек вырывались грозные вспышки. Резко ахали выстрелы. Снаряды легко прошивали тыльную броню немецких машин...

6

Виктор Степанович Савченко двадцать дней назад получил назначение в танковую бригаду. Прибыв в лагерь, принял от уезжавшего на учебу врача санчасть и включился в размеренную, однообразную жизнь. В этом высоком, плечистом военном с цепкими серыми глазами - военврача третьего ранга трудно было узнать того Виктора Степановича, который совсем недавно предлагал руку и сердце Любе Яковлевой.

Канонаду у границы он услышал, когда был на кухне, где следил за закладкой в котлы продуктов. Сбросив халат, он выбежал из кухонного помещения и направился к палатке дежурного по лагерю.

Савченко был свидетелем, как примчался в лагерь взволнованный командир бригады, как авторота отправилась на зимние квартиры за снарядами, увозя с собой экипажи тех танков, которые находились на консервации в местечке Свинеж. Хотел было подойти к полковнику за указаниями, но подумал, что комбригу не до него, и начал заниматься тем, чем должен был заниматься войсковой врач в подобном случае.

Созвал санинструкторов батальонов и санитаров рот, приказал получить индивидуальные пакеты и раздать их танкистам, напомнил, что медпункт организуется в отроге ближайшего оврага и что раненых, если они появятся, надо эвакуировать в Свинеж после оказания первой помощи на медпункте.

Виктор Степанович понимал: это довольно общие указания, но что скажешь более конкретное, если пока неясно, какую задачу и где будет решать танковая бригада.

Так было шесть часов назад.

А сейчас... Сейчас кругом грохот снарядов и визг пуль. Он уже потерял счет раненым, которым оказывал помощь. Сбились с

ног санинструкторы и санитары. Из оврага они тащили раненых на опушку березовой рощи, где стояли машины, и грузили их в кузова.

Обстановка накалялась с каждой минутой. Танковый батальон, вырвавшись из оврагов, вклинился в боевые порядки немецкой танковой колонны, нанес врагу огромные потери, но и сам лишился больше половины танков. Он был бы уничтожен полностью, потому что немецких танков было во много раз больше. Но из Свинежа подоспели еще два батальона. Они с ходу атаковали врага в направлении лагеря... Это был первый в этой войне танковый бой. На зеленом квадрате клеверного поля, в разметах ржи темными дымящимися копнами стояли десятки подбитых и сгоревших танков.

Немцы откатились за речушку Ия. Тотчас подоспела их мотопехота и артиллерия. Наблюдатели сообщили, что много танков обходят овраги с юга, пытаясь окружить бригаду.

Виктор Степанович стоял возле вернувшейся из боя тридцатьчетверки командира бригады, переступая в нерешительности с ноги на ногу. Он сам не замечал того, что держал в руках черноталовую хворостину и ломал на мелкие кусочки. Сейчас только Савченко перевязывал тяжелую рану полковника. Осколок раздробил ему правую ключицу, задел легкое. Надо срочно эвакуировать раненого. А полковник, бледный, обессиленный, расстелил на земле топографическую карту и лежа смотрел в нее, точно надеясь найти там выход из положения, труднее которого даже на войне быть не могло.

- Вы почему не уезжаете? - сурово спросил полковник у Савченко, морщась и глядя на него помутневшими от боли глазами.

- Я должен вас эвакуировать. Рана очень серьезная, - твердо произнес Виктор Степанович и непроизвольно убрал голову в плечи от взвизгнувшей над ухом пули.

- Сколько у вас раненых?

- Четыре машины нагрузил. Легкораненых не берем...

- Пробивайтесь с ними на Гродно, - ослабевшим голосом произнес полковник. - А может... может, и дальше... Санинструкторов и санитаров в машины не брать...

- Я не могу вас оставить, - Савченко беспомощно развел руками, понимая свою правоту и не имея власти над этим суровым человеком.

- Выполняйте приказ!..

Взяв под козырек, Виктор Степанович повернулся кругом и с тяжелым чувством направился к машинам. Где-то справа загрохотала целая серия разрывов, и он подумал о том, что и ему

с ранеными вряд ли удастся вырваться из этого пекла...

Когда Савченко был уже далеко, к командиру бригады подбежал с окровавленным лицом младший политрук Морозов.

- Товарищ полковник, знамя в опасности!.. - взволнованно доложил он.

Услышав это, полковник, ухватившись левой рукой за гусеницу своего танка, с трудом поднялся на ноги, уставив на Морозова мутные, точно хмельные глаза, в которых одновременно томились боль, тоска и испуг.

- Немцы прорвались в соседний овраг, окружили знаменный взвод. Командир взвода погиб, танк подбит, - задыхаясь, продолжал докладывать Морозов. - Красноармейцы отбиваются гранатами...

- Третью роту к бою! - тихо скомандовал полковник. - Садитесь в мой танк, младший политрук!.. Знамя... Знамя... - Полковник не договорил. Лицо его покрылось крупными, с горошину, каплями пота, побледнело вдруг, и он, потеряв сознание, упал на землю, ударившись головой о гусеницу танка.

7

В это воскресное утро Маринин поднялся в шесть часов, хотя автобус уходил в Лиду в девять. Было не до сна.

День предвиделся жаркий. Но Петр надел суконную гимнастерку, синие галифе, до черного огня начистил хромовые сапоги. К ремню пристегнул портупею, нацепил кобуру с наганом.

В комнату вошла Анастасия Свиридовна. Сложив руки на большом вялом животе, она, скупо улыбнувшись, залюбовалась бравым видом молодого квартиранта.

- Почему железную дорогу к вашей Ильче не проведут? - обратился к ней Петр, расправляя под ремнем складки гимнастерки.

- А ты меньше спрашивай. Плащ лучше захвати, а то на дождь гремит, добродушно ворчала хозяйка.

- Какой там дождь! - махнул рукой Петр, прислушиваясь, как от далекого гула мелко дрожат стекла в окне. - Летчики бомбить учатся.

И, робко осведомившись, все ли Анастасия Свиридовна приготовила к приезду Любы, он вышел из дому, хотя до отхода автобуса оставалось больше часа.

Заметив, что девушки, собравшиеся у ворот поболтать, с любопытством провожают его взглядами, Маринин деловито перешел на левую сторону улицы и правой рукой взялся за портупею, чтобы была виднее новенькая кобура с наганом.

...Десять часов утра. На узком, мощенном плитами тротуаре, у телеграфного столба, на котором был прибит фанерный щит с

надписью: "Остановка автобуса Лида - Ильча - Лида", томилась группа пассажиров. Автобус опаздывал, и Маринин озабоченно посматривал на ручные часы. Не хватало еще не поспеть к поезду!..

Мимо проходил строй солдат. Над строем жаворонком взмывал звонкий тенорок запевалы:

...Артиллерией, танками, конницей

Мы дорогу проложим вперед.

Солдаты дружно, сильной, стоголосой глоткой подхватили песню:

Белоруссия родная,

Украина золотая,

Ваше счастье молодое

Мы штыками, штыками оградим!..

В плывущей над улицей песне утонули все звуки, даже рубленый шаг кованых солдатских сапог по булыжнику.

К старшине, шедшему во главе колонны, вдруг подбежал красноармеец с противогазом через плечо и тесаком на ремне.

"Посыльный", - догадался Маринин.

Посыльный что-то взволнованно зашептал старшине, а тот, сбившись с шага, смотрел на него ошалелыми глазами, затем резко повернулся к строю и отрывисто скомандовал:

- Отставить песню!.. Правое плечо вперед, бегом марш!..

Оборвалась на полуслове песня. Часто и размеренно затопали солдатские сапоги...

Петр с недоумением смотрел вслед повернувшемуся назад и удаляющемуся строю. Вдруг обратил внимание: то тут, то там снуют по местечку посыльные, спешат в направлении штаба командиры.

Мимо, запыхавшись, пробегал младший политрук Лоб. На его покрытом оспинками лице - раздражение и недовольство.

- Что случилось, Григорий Романович?! - кинулся к нему Маринин.

Сверкнув потемневшими от негодования глазами, Лоб сокрушенно махнул рукой:

- Штаб не успели сформировать, а уже тревогу затеяли! Да еще в выходной! А у меня жена на боевом взводе: вот-вот в роддом надо...

- А мне как? Ведь я в Лиду еду. - Петр с надеждой и опаской ждал ответа Лоба, а тот, поразмыслив, оглянулся вокруг и зашептал:

- Ну и давай бог ноги! Я тебя не видел. Ясно?

Скользнув насмешливо-удивленным взглядом по нарядной форме Петра, Лоб уже на ходу спросил:

- Зачем вырядился как на свадьбу?

- Как зачем? - конфузливо улыбнулся Маринин.

- Чудак! Ты бы попроще. Прилизанный можешь не понравиться. - И, невесело засмеявшись, Лоб побежал в направлении мостка через речонку, за которой размещались казармы и штаб мотодивизии.

А автобуса из Лиды все не было.

Петр подумал уже о попутной машине, как вдруг рядом, скрежетнув тормозами, остановилась, сверкая черным лаком, "эмка".

- Петр Иванович! - раздался из нее звонкий голос Ани Велеховой. Поехали с нами, мы тоже в Лиду - гулять едем.

Маринин растерянно глядел на Аню, нарядную, улыбающуюся, светлую, на военврача Велехова, важно восседавшего рядом с шофером, и не знал, как поступить. Он догадался, что Аня ради него уговорила отца ехать в Лиду, и его охватило чувство неловкости. Ведь не знала Аня, что он, Петр, едет встречать другую девушку - невесту свою...

С надеждой посмотрел вдоль улицы: не покажется ли автобус, и уже собрался было шагнуть к машине Велехова, как вдруг у "эмки" остановился распаренный солдат-посыльный. Скороговоркой, взволнованно, проглатывая слова, он затараторил, обращаясь к Велехову:

- Тва-иш-воэ... вач вто... ого... анга!.. В штаб...

Последние слова посыльного были заглушены нарастающим непонятным грохотом. Неожиданно скользнули по земле и замелькали на островерхих черепичных крышах размашистые тени; это откуда-то из-за недалекой рощицы вырвались на бреющем полете три бомбардировщика с черными крестами на желтовато-пепельных крыльях. Всколыхнулся от взрыва бомб воздух, брызнули стеклянной звенью окна домов, застонала земля. Железной дробью отчетливо заклекотали пулеметы, над соседним домом вскинулись в небо клубы рыжего дыма. Ошалело метались по улицам и дворам люди...

Ошеломленный Петр так и остался стоять на тротуаре, не сообразив, что случилось, и не успев испугаться. Напряженно смотрел вслед самолетам, по которым из расположения казарм яростно ударили счетверенные пулеметы и откуда-то из-за речки начала бить зенитная артиллерийская батарея. Бомбардировщики круто набрали высоту и стороной начали обходить местечко.

Петр оглянулся вокруг. Увидел, что из кювета поднимаются, отряхиваясь, военврач Велехов и солдат-посыльный. Велехов, кривя полные губы, жалко улыбнулся дочери, которая так и осталась сидеть в "эмке". Потом, словно очнувшись, со

сдержанным волнением заговорил:

- Аня! Собирайся в Москву. Немедленно!..

Затем к шоферу - строго, внушительно:

- Довезите ее до Минска... Посадите в поезд.

Тон, каким говорил Велехов, был строгим, деловым, выражал глубочайшее понимание военврачом нависшей опасности, и лишь глаза... глаза Велехова выдавали его смятение.

Впрочем, ничего в этом удивительного не было. Душевная сумятица охватила и Петра. Он силился собраться с мыслями и ответить себе на какой-то очень важный вопрос, томивший его.

В это время рядом с ним оказался солдат-посыльный.

- Товарищ младший политрук, война. Немцы напали, - "по секрету" шепнул он на ухо Маринину, со страхом следя глазами за самолетами, которые уже снова бороздили над онемевшим от ужаса местечком глубокую синь неба.

8

В штабе дивизии Маринин узнал, что всем приказано прибыть с личными вещами и приготовиться к отъезду.

Чтобы сократить путь, он бежал на квартиру по берегу речушки, через огороды. В сенцах встретил Анастасию Свиридовну и не узнал ее. Рябое лицо хозяйки - красное от слез, толстые губы стали еще толще, и вся она, большая, полнотелая, была сейчас беспомощной, растерянной, совсем непохожей на ту властную и твердую Анастасию Свиридовну, которую знал раньше Маринин.

- Беда!.. Ох, беда!.. - стонала она. - Неужто придут хвашисты?..

- Пускай просят бога, чтобы помог им унести ноги от границы! ответил Петр и как бы в неопровержимое доказательство этого вынул из кобуры револьвер и, невольно заставив притихнуть Анастасию Свиридовну, с деловитым видом протер его тряпочкой. Маринин, походивший сейчас на молодого задиристого петушка, нисколько не сомневался в том, что так именно и будет, что фашисты не пройдут дальше границы. Он был убежден, что, хотя их дивизия еще не сформировалась, ее все равно немедленно бросят в бой.

Мысли о том, что ему, Петру Маринину, возможно, сегодня или завтра придется участвовать в настоящем бою с врагами, наполняли его чувством нетерпеливости, торжественной приподнятости. Фантазия рисовала необыкновенные подвиги. Петр даже позабыл, что он занимает скромный пост секретаря редакции дивизионной газеты и что не ему поручат вести солдат в атаку на штурм вражеских позиций.

Хозяйка, несколько успокоенная, вдруг опять заголосила.

- Сыночек мой несчастный, не дождался ты своей голубки! Как ей-то, бедненькой? Куда она денется одна? Чего же ты не встречаешь ее? Ищи голубку и присылай ко мне. Как родненькую приму...

Причитания хозяйки вернули Петра к суровой действительности.

"Эх, Люба!.. Хоть на один бы день раньше!" Ему представилось, как на вокзале выходит из вагона Люба и смотрит на пылающие дома, ищет его, Петра...

Где выход? Как попасть в Лиду? Как отлучиться из части, когда, может, сейчас прикажут идти в бой?

Война... Она где-то у границы, малоощутимая еще, а большое горе Петра было уже здесь, рядом с ним - в его мыслях, в сердце, в его комнате. Маринин, подавленный им, собирал свои вещи, укладывал книги, снова протирал револьвер...

С двумя чемоданами, с плащом под мышкой, через огороды, по берегу речки он бежал, задыхаясь, к штабу - в редакцию.

Возле домика, в котором размещалась редакция дивизионной газеты, стояли два грузовика с откинутыми бортами кузова. Шла спешная погрузка. По двум бревнам втащили в кузов печатный станок, два рулона бумаги. Погрузили кассы со шрифтами, запас бензина и прочее имущество. Чемоданы уже некуда было класть. Пришлось часть личных вещей вместе с подшивками газет, свертками корректуры оставить под замком в помещении типографии.

- Никуда не денутся. Всыплем фашистам и вернемся, - говорил Маринин, оставляя один свой чемодан в типографии.

Лоб, который тоже здесь бросал половину вещей, заметил:

- Тебе, Петро, болтать - точно воде с горы бежать...

Жители с тревогой смотрели вслед машинам, уходящим с войсками к границе. По местечку полз слух, что гитлеровцы придут не сегодня-завтра и будут расстреливать тех жителей, у которых квартировали командиры Красной Армии, что с фашистами идут польские паны и будут отбирать бывшие свои владения. Со стороны Лиды навстречу автоколонне штаба мотострелковой дивизии ехали грузовики с женщинами,

ребятишками, с домашним скарбом.

...День был погожий, жаркий. Дорожная пыль, поднятая машинами, почти неподвижно висела в воздухе, прилипая к разгоряченным, потным телам людей, оседая на их одежду, оружие. На диск солнца можно было смотреть сквозь серую пелену, не прищуривая глаз. Он казался багрово-красным. А по сторонам от дороги, на которой клубилась пыль и кипел людской поток, стояли дозревающие хлеба. Налившиеся ядреные колосья скорбно склонялись к разомлевшей под солнцем земле, словно прислушивались к тому, что происходит вокруг.

Маринин примостился в кузове на рулоне бумаги и всматривался вперед. Надеялся попасть в Лиду: дорога лежала туда; не свернули б только в сторону.

Впереди зеркальной поверхностью блеснул приток Немана - Гавья. У Петра внутри словно все оборвалось: броневик, шедший в голове колонны, не доезжая реки, повернул к лесу, а за ним потянулась вся длинная вереница машин.

...Машины были быстро замаскированы в молодом ельнике. Штабные командиры готовились к работе в непривычных условиях - без прочной связи с полками, в неведении, где противник.

День клонился к исходу - незабываемый, длинный день. Сколько впечатлений, чувств, сколько передумано и пережито в это жаркое воскресенье!

9

Второй день войны...

На опушке леса стоял командир дивизии полковник Андрей Петрович Рябов. Его невысокая фигура подалась вперед, серые внимательные глаза были устремлены на дорогу, бежавшую к Лиде через Липнишки, затем одним рукавом - в Субботники, вторым - в Ильчу.

Худощавое, гладко выбритое лицо полковника не то опечалено, не то озабочено. Он обдумывал каждое слово, услышанное вчера днем от командующего армией.

Андрей Петрович Рябов был знаком с командующим - моложавым пехотным генералом с посеребренными висками - многие годы. Когда-то Рябов служил в его полку, затем в дивизии.

Генерал встретил полковника радушно. Но в глазах его Рябов уловил тревогу и напряженное раздумье.

- Полки дивизии на марше? - спросил генерал.

- Так точно, товарищ командующий. Но полки-то... Номера одни. Нечего сосредоточивать...

- Знаю... - Генерал сочувственно посмотрел на Рябова, потом, растягивая слова, точно сам прислушиваясь к ним, заговорил: -

Постараемся держать вас подольше в резерве. Продолжайте формирование и готовьте личный состав к бою. Ждите пополнения. И учтите, что привилегия вам дана ненадолго. Противник может лишить вас этой привилегии, может навязать бой.

- Все понятно, товарищ генерал.

- Если понятно, то и с богом... Ознакомьтесь у начальника штаба с приказом.

- Какие последние новости с фронта? - спросил Рябов, прежде чем уйти.

Генерал помолчал, потом, не отрывая глаз от стола, где лежала карта, сказал:

- Могу сообщить вам, что бывшая ваша танковая часть нанесла немцам сильный контрудар. Сейчас ее непрерывно бомбят. На других участках тоже туго. Словом, хорошего мало. Напали же тайком... По-бандитски!.. А как удержаться на границе, если войска мы не подтянули? Не было приказа. Командующий зло усмехнулся и продолжал: - Придется отступать... Но забудьте это слово, полковник. Никто из ваших подчиненных не должен услышать его от вас.

Лицо генерала покрылось нездоровым румянцем. Он на минуту замолчал, вытирая платком испарину со лба.

- Забудьте это слово! - повторил командующий. - Нужно сдерживать врага, гибнуть, но сдерживать, пока наша армия не отмобилизуется и не примет полную боевую готовность. Иначе... катастрофа...

Вспоминая вчерашний разговор с командующим, полковник Рябов глядел на дорогу. Там все чаще появлялись беженцы, группами и в одиночку - пешие, на подводах, машинах. Многие везли свой скарб на тележках, в детских колясках. Среди этой пестрой, распыленной толпы нередко можно было увидеть красноармейцев - раненых и здоровых, с оружием и без оружия. В поблекшем небе часто на восток и запад проходили немецкие бомбардировщики.

Андрея Петровича Рябова беспокоила полученная шифровка. В ней сообщалось, что еще вчера вечером немцы мелкими танковыми группами прорвались на рокадную дорогу Гродно - Белосток и с юга и с севера пытаются обойти Гродно и оседлать шоссе, идущее на Скидель и Лиду. В любую минуту здесь можно ожидать появления прорвавшихся танков врага.

К Рябову подошел начальник штаба подполковник Седов, пожилой, с бледным, несколько измятым годами; но еще красивым лицом.

- Что нового? - обратился к нему командир дивизии.

- Без изменений.

- Мотоциклисты задержались в разведке... Почему, как думаете?

- Видать, случилось что-то.

- Нужно послать броневик по тому же маршруту, - приказал полковник и, немного помедлив, добавил: - И предупредите по радио командиров полков, чтоб тоже о разведке не забывали. Вот-вот с гитлеровцами встретятся.

Два грузовика, в которых размещалась типография дивизионной газеты, стояли среди зарослей ельника. В одном со звоном хлопала печатная машина. В другом над шрифтовыми кассами склонились наборщики. Петр Маринин, примостившись на пне, вылавливал корректорские ошибки из приготовленной к печати газетной полосы.

Рядом, устроившись под кустом орешника и положив на планшетку лист чистой бумаги, страдал младший политрук Лоб: хмурил брови, грыз кончик карандаша, потом чесал им за ухом. Он сочинял листовку.

Раздвинулись кусты, и на полянку вышел старший батальонный комиссар Маслюков.

Заметив начальника политотдела, Маринин и Лоб проворно вскочили на ноги, расправили под поясными ремнями гимнастерки и отдали честь.

- Что нового по радио? - спросил Маслюков.

- Сводка та же, товарищ старший батальонный комиссар, - отчеканил Лоб.

Маслюков потоптался на месте, потом полез в карман за папиросами, устремив на младшего политрука Маринина вопрошающий взгляд.

Прикурив от зажженной спички и глубоко затянувшись табачным дымом, Маслюков спросил:

- Удалось вам встретить вчера свою девушку?..

Начальник политотдела ждал ответа, а Петр не находил слов. Ему почему-то было совестно. Совестно оттого, что он столько думает о Любе, что ночью почти не сомкнул глаз.

- Война же... Не до этого, - наконец произнес Маринин, отводя в сторону ввалившиеся за ночь глаза, в которых светилась тоска и боль.

- Это верно, - вздохнул Маслюков. Помолчав, добавил: - Плохо, что девушка оказалась ближе к фронту, чем мы с вами... Вот что! - вдруг оживился старшин батальонный комиссар. - Пойдемте к комдиву. Он сейчас броневик посылает в разведку. Доедете до Лиды и ищите там свою невесту. Если разыщете - везите на попутных машинах в Ильчу. Там эвакуируются сейчас

наши семьи; отправьте и ее в тыл...

Броневик мягко катился по шоссейной дороге. Тесно стоять, высунувшись из башни, рядом с плечистым сержантом-пулеметчиком, но Петр предпочитал тесноту духоте. В броневике, там, где сидели командир машины лейтенант Баскаков и водитель, от накалившегося под солнцем металла нечем было дышать, а здесь, над башней, лицо обвевал свежий поток воздуха.

Впереди уже виднелась Лида. Над ней поднимались столбы дыма, образуя в небе сплошное серое облако.

Броневик миновал одинокий двор. Это, впрочем, был только след от двора. В щепы разнесен фугаской сарай, перевернута взрывной волной цементная надстройка колодца, а от дома осталась куча пепла с высившейся посредине порыжевшей трубой. Во дворе лежала корова с раздутым брюхом. Нигде ни души.

...Въехали в местечко. Машина медленно пробиралась по улицам, местами заваленным обломками. У стыка дорог на Гродно и Ораны броневик остановился. Еще в лесу, ориентируясь по карте, Маринин и лейтенант Баскаков условились здесь расстаться.

Баскаков, невысокий крепыш с широким смуглым лицом, разминая затекшие ноги, сказал Маринину:

- Проеду в сторону Ораны километров двадцать. Через час вернусь. Дорогу на Скидель и Гродно разведаем вместе. Если же задержишься или уедешь - приди и переверни вон тот камень, - лейтенант указал на небольшую известковую глыбу у ворот ветхого домишка.

Маринин с потемневшим от бессонной ночи лицом побежал на вокзал, а Баскаков, заметив, что по дороге, ведущей из Радуни, едет несколько грузовиков, решил подождать их здесь, на перекрестке, чтобы расспросить у шоферов и сидящих в кузовах людей об обстановке под Гродно.

Петр Маринин шагал вдоль железнодорожных путей, забросанных обломками вагонов, кирпичом, грудами земли. Местами зияли огромные воронки, и от их закраин дыбились в небо рельсы. Где-то за водокачкой бушевал пожар.

Среди рельсов заметил распластанное тело. Сжалось сердце, по спине побежали мурашки. Приблизившись, увидел девушку. Раскинутые руки, растрепанные белокурые волосы, лицо, покрытое ровным слоем пыли, будто густо напудренное. Ни царапины, ни следов крови.

С запада явственно донесся гром, а затем глухие тяжелые удары. Казалось, что где-то далеко по щербатой мостовой перекатывают громадную пустую бочку.

Навстречу шел старик железнодорожник.

- Папаша, - обратился к нему Маринин, - посоветуйте, пожалуйста, как мне быть?

- Небось уехать побыстрее хочешь? - со злой усмешкой спросил старик. - Много вас таких. Дорога не работает! - И, нахмурив брови, пошел дальше.

- Постойте! - кинулся вслед за ним Петр.

Железнодорожник остановился.

- Ко мне вчера днем должна была приехать... сестра. Я не мог встретить ее... Где теперь искать?

Старик внимательно посмотрел в усталое лицо молодого офицера, уловил в напряженно-ожидающих глазах затаенную боль и, вздохнув тяжело, уже мягче ответил:

- И не ищи, сынок. Не пришел вчера этот поезд. Разбомбили его на последнем перегоне...

10

Грузовики, шедшие из Радуни (их оказалось четыре), были битком набиты ранеными. Лейтенант Баскаков, стоя на перекрестке у броневика, энергично махнул рукой шоферу передней машины. Небольшая колонна остановилась, и из кабины переднего автомобиля вышел измученный, запыленный военный. Это был военврач третьего ранга Савченко Виктор Степанович.

Баскаков, рассмотрев по одной шпале в петлицах военврача, лихо откозырял и попросил разрешения обратиться. Савченко окинул его усталым, безразличным взглядом и, повернувшись к остановившимся на дороге машинам, хриплым голосом скомандовал:

- Пополнить запасы воды, залить радиаторы!..

Только после этого стал отвечать на вопросы лейтенанта.

К недалекому колодцу суматошно бежали с ведерками в руках шоферы, спешили с флягами и котелками ходячие раненые. Через борт кузова заднего грузовика с трудом перевалил младший политрук Морозов, держа на весу перебинтованную левую руку и болезненно морща отекшее желтое лицо; на голове Морозова, охватывая затылок и лоб, сидела огромная, порыжевшая от пыли и проступившей крови, похожая на шапку-ушанку повязка. Морозову подали из кузова котелок, и он тоже побрел к колодцу.

К остановившимся грузовикам со всех сторон устремились беженцы. Угадав в военврачe Савченко старшего, дружно атаковали его.

- Товарищ начальник, подвезите, - с мольбой и надеждой в голосе просила красивая большеглазая женщина, держа на одной руке запеленутого ребенка, в другой - узелок.

- Сынок, умаялась я совсем, - молила немощная старуха,

вытирая слезящиеся глаза, - ноги не несут...

Подошла пожилая женщина с цепочкой детей. Шесть ребятишек, примерно от пяти до двенадцати лет, еле ковыляли, широко расставив руки. Оказывается, рукава их рубашонок пришиты друг к дружке, чтобы не растеряться в дороге. Самый маленький - пятилетний мальчишка, как только цепочка детей остановилась, сел прямо в дорожную пыль, и его поднятая рука, прикрепленная к руке сестренки, как бы молила о помощи, а глаза большие, умные и печальные - смотрели на людей, на мир с немым укором.

Савченко, увидев детей, точно впервые ощутил всю глубину детской беды, которую принесла война. Встретился с грустным взглядом мальчика, свалившегося с ног от недетской усталости, и почувствовал, что ему нечем дышать, что к горлу подступило, кажется, само сердце...

- Родные... куда же я вас? - с трудом выговорил он. - У меня раненых полно... Иные стоя едут.

И все-таки жалость взяла верх. Из кузова передней машины столкнули на обочину дороги бочку из-под бензина, бочку, которую так надеялись наполнить. Подсадили в кузов пожилую женщину. Коренастый шофер в замусоленном комбинезоне начал разрезать ножом нитки на сшитых рукавах, дробить цепочку детей и по одному ребенку подавать в кузов.

- Товарищи, идите! - устало уговаривал Савченко остальных беженцев, столпившихся у машин. - Ни одного человека не могу больше взять...

Вдруг Виктор Степанович, словно почувствовав на себе еще чей-то особенный взгляд - пристальный, напряженный, - повернулся лицом к проулку, выходившему к перекрестку, и увидел девушку с чемоданом в руке... Запыленная, усталая и... такие знакомые глаза! Недоумевающие и скорбные...

- Люба?.. - прошептал Савченко.

Это была действительно Люба Яковлева - невеста Петра Маринина... И никакой случайности. Впрочем, конечно, случайность... Но на войне ничему удивляться не приходится. Тебя случайно может задеть шальная пуля; или ты пройдешь по минному полю и случайно не наступишь на мину; в людской сутолоке ты случайно столкнешься с братом или совсем не встретишься с ним, хотя, может быть, ночь и ненастье загнали вас под одну крышу... Случайность на войне еще в большей мере, чем в других условиях, проявление необходимости. Это всем известно, однако все и всегда поражаются случайностям.

- Яковлева?.. Как?.. Как вы сюда попали?

Люба горько улыбнулась потрескавшимися губами и почти

шепотом ответила:

- К Петру своему ехала... А теперь иду... после бомбежки... Со вчерашнего дня иду, - обессиленная, она села на чемодан, облокотилась на колени, закрыла руками лицо.

- Куда? Зачем в такое время?

- В Ильчу, - сквозь слезы ответила Люба.

- Куда же вас посадить? - Савченко озадаченно посмотрел на свои машины.

- Ишь, для девки найдется небось место!..

- Совести никакой! - раздались из толпы голоса.

Савченко нахмурился и повернулся к Любе:

- Идемте, я вас посажу...

Люба отрицательно покачала головой.

- Мне в Ильчу, к Пете...

- Товарищ Яковлева! - повысил голос хирург. - Вы же медик! Смотрите, сколько раненых!.. К тому же я на Ильчу еду...

Неторопливо возвращался Петр Маринин к перекрестку дорог, где должен был встретить броневик лейтенанта Баскакова. Последняя надежда разыскать Любу потеряна...

Увидев, что броневик до сих пор стоит на оживленном перекрестке, Петр ускорил шаг и вдруг узнал в раненом, несшем в руке котелок с водой, младшего политрука Морозова:

- Виктор!..

- Маринин!.. Петька!..

Хотя не прошло и месяца с тех пор, как расстались друзья, встретились они, словно после предолгой разлуки. С любопытством смотрели друг на друга, стараясь уловить новое во взгляде, в улыбке, в движениях, в манере говорить. Первые два дня войны, казалось, на несколько лет отбросили те недавние времена, наполненные радостным стремлением в будущее, когда Маринин, Морозов, Гарбуз заканчивали училище, когда они впервые надели офицерскую форму...

- Уже воевал? - с некоторой завистью спросил Маринин, глядя на забинтованную голову и перевязанную руку Морозова.

- Пришлось, - устало улыбнулся Морозов.

- И Гарбуз?..

- Убили Гарбуза... В танке сгорел...

Не хотелось верить, что нет больше в живых Гарбуза - того самого Гарбуза, который собирался ехать в отпуск на Кубань, чтобы жениться...

В один-два дня все перевернулось! Мечты, радость жизни, близкое счастье, да какое счастье!.. И все сразу рухнуло. Все стало не так... Гарбуза убили, Морозов ранен... Разбомбили поезд, в котором ехала к нему Люба...

А Морозов тем временем рассказывал о боях на границе, о беспримерном танковом сражении, в котором он участвовал.

- Большое дело - победа в первом бою, - заканчивал свой рассказ Морозов. - Хоть маленькая, с птичий нос, но победа. Черт возьми! И сказать не знаю как. Понимаешь, солдата она рождает. Вот мы... Растрепали танковую колонну немцев. А потом нас растрепали. Но первыми набили фашистам морду мы! А это большое дело. Каждый понял, что можно бить фашистов в хвост и в гриву.

Морозов умолк, поправил повязку на своей раненой руке и задумался. Маринин вынул блокнот, но записывать ничего не хотелось. И без этого помнился до мельчайших подробностей рассказ Морозова, живо представлялась вся картина танкового боя.

- Как же теперь? - спросил Маринин. - Неужели не остановим их на границе?

Морозов снисходительно засмеялся.

- Эх, Петр, Петр, ты еще не веришь, что фашисты перешагнули границу. Мы на этих машинах из-под самого носа немцев выскользнули, а от бригады нашей почти ничего не осталось.

- Вся бригада погибла?! - Петр вскинул брови, в глазах его полыхнул горячечный блеск.

- Почему погибла? Живет бригада! - И Морозов, поставив на землю котелок, сдвинул вперед сумку от противогаза, расстегнул ее. Маринин увидел там сверток красного атласа.

- Что это?

- Боевое знамя. Комбриг приказал в штаб дивизии доставить.

- Знамя бригады?! - шепотом произнес Петр, благоговейно притрагиваясь к свернутому полотнищу и изумленно глядя на Морозова.

С неба донесся грозный гул бомбардировщиков.

- Воздух! - послышался чей-то взвинченный голос.

Друзья поспешно распрощались...

11

Через несколько минут броневик мчался по дороге на Скидель. Петр занимал то же самое место - в башне, рядом с сержантом-пулеметчиком.

Навстречу все чаще среди беженцев попадались группы красноармейцев с посеревшими от усталости и пыли лицами, воспаленными глазами.

- Где немцы? - спрашивали у них.

Толкового ответа ни от кого нельзя было добиться. Но из рассказов можно заключить, что танки противника далеко

углубились в нашу территорию. Нужно быть готовыми к встрече с ними.

Чем больше удалялись от Лиды, тем заметнее пустело шоссе. Люди, шедшие на восток, сворачивали на проселочные дороги, а то брели и напрямик - через леса и поля дозревающей пшеницы. Нередко, заметив катившийся по дороге броневик, они вдруг исчезали, словно проваливались сквозь землю. А на том месте, где только что шли люди, спокойно колыхались белесые хлеба, переливаясь волнами, которые бесшумно разбивались об опушки лесов, обступивших зреющие нивы.

Маринину казалось, что пустынная дорога таила в себе какую-то опасность. Он напряженно всматривался вперед, вопросительно глядел на лейтенанта Баскакова, когда тот останавливал машину, вываливался из-за бронированной дверцы и, низкорослый, плотный, расставив ноги и подав корпус назад, подносил к глазам бинокль.

Миновав неширокую речку Лебеду, заметили на дороге двух людей. Один красноармеец, второй - в гражданском платье. Боец, угрожающе направив на гражданского винтовку, что-то требовал от него. Когда бронеавтомобиль приблизился, Маринин расслышал резкий голос:

- Руки вверх! Застрелю!..

Броневик остановился, и Баскаков с Марининым, выскочив на дорогу, торопливо подошли к неизвестным.

- В чем дело?..

Не успел Баскаков произнести эти слова, как боец и гражданский мгновенно направили на него и на Маринина оружие:

- Руки вверх!

Человек в красноармейской форме четырехгранным штыком прикасался к груди Баскакова. В лицо Петра смотрел пистолет коренастого мужчины в рыжем поношенном костюме.

Это случилось так неожиданно, что Маринин, не успев ничего сообразить, машинально сделал шаг к своему так внезапно появившемуся противнику.

- Приехали, комиссары. Ни с места! Машина под прицелом, на водителя не надейтесь... - И человек в гражданском, чуть скосив глаза в сторону придорожных кустов, крикнул по-немецки:

- Schnell hierher!*

_____

* Скорее сюда! (нем.)

В эту долю секунды перед глазами Петра встало родное училище, спортивный городок и старший лейтенант Иванов - преподаватель физподготовки. Два года учил он курсантов

рукопашному бою, твердя на каждом уроке: "Нападай, соображай, парируй и снова нападай..." Будущие политработники восхищались его искусством и добросовестно учились владеть штыком, прикладом, лопатой, кинжалом...

И в это мгновение, когда Петру впервые в жизни глянул в глаза вражеский пистолет, из которого вот-вот могла вырваться пуля, он вдруг отчетливо увидел своего преподавателя...

Миг - и Маринин носком сапога резко ударил своего противника в пах, схватил и вывернул правую руку. Мужчина в рыжем костюме заскрежетал от боли зубами, свалился на пыльную дорогу. Его пистолет отлетел далеко в кювет.

Лейтенант Баскаков тоже сделал движение, но оглушительно грохнул выстрел, и он, ухватившись руками за штык винтовки, начал медленно оседать на землю. Петр метнулся к лейтенанту и, позабыв, что при нем наган, цепко ухватился за цевье винтовки. Баскаков выпустил штык и затих на нагретой солнцем дороге, словно стараясь прижаться раной к земле.

Справа, из кустарника, к месту схватки и к броневику спешила группа людей. Пепельного цвета мундиры, засученные рукава, пилотки набекрень, черные автоматы. Так вот какие они, фашисты!

По бегущим неожиданно хлестнули пулеметные очереди из броневика. Это вступил в бой сержант - башенный стрелок бронеавтомобиля. О его присутствии враги, видимо, не подозревали, так как было известно, что экипаж броневика состоял всего лишь из трех человек.

Маринин крепко держался за винтовку, отводя ствол в сторону. Не выпускал ее и человек в красноармейской форме. Секунду, может, меньше, они смотрели друг другу в лицо. Глаза фашиста - холодные, чужие, напуганные. Заметив страх врага, Петр с силой потянул к себе оружие. Фашист начал яростно вырывать винтовку, словно чувствуя, что в своих руках он держит собственную жизнь.

А из броневика непрерывно палил пулемет. В ответ из кустарника ударила по машине длинная автоматная очередь.

Маринин сильнее потянул винтовку и стал пятиться к броневику, таща за собой гитлеровца. Тот вдруг выпустил из рук оружие и, как заяц, метнулся через кювет в поле, в рожь. От неожиданности Петр упал почти под колеса своей машины.

На дороге лежал Баскаков, по полю удирал фашист, застреливший его, по кювету уползал на карачках человек в рыжем костюме. И из кустов стреляли немецкие автоматчики.

Маринин вскочил на ноги и метнулся за броневик, чтоб укрыться от пуль автоматчиков. Водитель распахнул

бронированную дверцу и, бледный, перепуганный, крикнул:

- Залезайте скорее!..

В десяти шагах впереди лежал мертвый Баскаков. Маринин кинул на него взгляд, полный недоумения, горечи и еще какого-то чувства, смежного со страхом, растерянностью, ошеломленностью. До его сознания не доходило, что все это произошло на самом деле, - ведь все случилось так неожиданно, нелепо, в одну минуту... Водитель, включив скорость, медленно, чтобы не оставить открытым Маринина, подал броневик вперед - к мертвому Баскакову.

- Помогай! - крикнул ему Маринин.

А над головой, из башни броневика, хлестали по кустарнику пулеметные очереди.

Водитель и Маринин втиснули в узкую дверцу машины тело лейтенанта. Еще десяток секунд - и бронеавтомобиль развернулся в сторону Лиды.

- Стоп! Стоп! - вдруг закричал Маринин. Петру живо представились строгие глаза полковника Рябова - командира дивизии. "Что буду ему докладывать? Где враг?" - мелькнула мысль.

- Задний ход!

Броневик медленно пополз по дороге назад. Когда напротив открытой дверцы показался скорчившийся в кювете фашист в рыжем костюме, машина остановилась. Петр вместе с водителем быстро втащили фашиста в броневики затолкали под ноги сержанту-пулеметчику.

Бронеавтомобиль помчался к Лиде.

...В штабе пленному оказали медицинскую помощь и допросили его. Фашист рассказал немногое: с отрядом десантников выброшен ночью с парашютом; десантники имели задачу - захватывать в плен солдат и офицеров и узнавать от них о передвижениях советских частей. Фашистское командование преследовало цель - всеми средствами воспрепятствовать отходу боеспособных единиц Красной Армии в глубь своей территории.

12

Когда над лесом сгустились сумерки, хоронили лейтенанта Баскакова. Вечер был тихим, в небе мерцали первые звезды. На опушке, вокруг свежевырытой могилы, стояли командиры, политработники, солдаты. Никому не хотелось верить, что пришла война, что она уже здесь, рядом, что вот ее первая жертва из штаба мотострелковой дивизии. Баскаков лежал на носилках, такой же полный коротыш, каким его все знали. Рядом шелестела колосьями рожь. Легкий ветерок бил в лицо запахами ромашек, полыни, мяты. Где-то неугомонно стрекотал кузнечик, кричала на

дождь лягушка.

Вдруг откуда-то со стороны Гродно докатились глухие удары. Только тогда все обратили внимание, что небо там багровое и этот багрянец то густел, то бледнел, точно его смывали и снова подкрашивали...

Треснул нестройный залп, второй, третий - воинская почесть погибшему. Затрепетали листья на деревьях, и по лесу волной прокатился ветерок, путаясь в ветвях, заставляя их громче шелестеть листвой.

Баскакова опустили в яму. Его товарищи, склонив головы, прятали оружие.

Ночь была неспокойной. По дороге, раскинувшейся рядом с лесом, непрерывно шли беженцы, подразделения, потрепанные в первых схватках с фашистами, одиночные бойцы и командиры, которым удалось после неравного боя на границе оторваться от противника. Над дорогой стоял скрип телег, шум автомашин, приглушенный говор множества людей. Ветерок заносил в лес облака невидимой в темноте пыли. Она била в лицо знакомым сухим, терпким запахом.

В стороне границы продолжало греметь. Отсветы пожаров кровенили небо. Очевидно, Гродно... Сколько пожаров перенес на своем веку этот древний город! Расположенный близко к границам нескольких враждовавших в старину государств, он являлся важным стратегическим пунктом. Дороги от него вели на Августов, Сувалки, Мариамполь, Вильнюс, Лиду, Волковыск, Барановичи, Белосток, Ломжу. В своей истории многострадальный Гродно побывал в руках ливонских рыцарей, поляков, шведов. И вот сейчас он снова охвачен огнем, снова на его улицы ступила нога захватчика.

- Приготовиться к выезду! Всем командирам - к хозяину! - пронеслась по дремавшему лесу приглушенная команда.

У Лоба глаза зоркие, как у кошки. Он уверенно шагнул в темноту, в сторону палатки полковника Рябова. Следом за ним, прикрывая руками лицо от упруго хлеставших веток, часто спотыкаясь о пни, которые днем даже не замечались, пошел Маринин...

Туго натянутая огромная брезентовая палатка была битком набита военными. В одном углу, под крохотной, но очень ярко горевшей электрической лампой, развешана большая топографическая карта. Возле карты - полковник Рябов, командир дивизии. Андрей Петрович держал в руках свежесломанный прут-указку и нетерпеливо смотрел, как раз за разом откидывался клапан-дверь палатки и входили командиры.

Маринин стоял недалеко от полковника и, точно

загипнотизированный, смотрел на карту, на грозные синие стрелы, обозначавшие направления ударов танковых дивизий, вклинившихся в территорию Советского Союза и продвигавшихся в направлениях Вильнюса, Гродно, Белостока, Барановичей.

- Начинаем, товарищи! - полковник несколько раз хлестнул прутом по голенищу сапога. - Я собрал вас, чтобы ознакомить с задачей, которую получила дивизия. Но прежде всего коротко об обстановке... - Рябов помедлил, обводя озабоченным взглядом хмурые, встревоженные лица собравшихся. Затем повернулся к карте и заговорил приглушенным, с душевной болью, голосом: - Сплошная линия фронта с нашей стороны, как указывается в утренней оперативной сводке штаба армии, отсутствует. Поэтому судить с полной определенностью об обстановке трудно. Ясно одно: наши войска не успели выдвинуться в районы прикрытия и принимают бой на местах расквартирования. А это значит - врага надо ждать в любом месте, в любую минуту...

Наша мотострелковая дивизия находится в стадии формирования. Мы не готовы для того, чтобы вступить в бой. Поэтому нам приказано передислоцироваться вот в этот район... - И указка полковника обвела на карте кружок вокруг Дзержинска, небольшого районного города километрах в сорока юго-западнее Минска.

- Отступаем?! - вырвалось у младшего политрука Маринина.

Воцарилась напряженная тишина. Маринин, нахохлившийся, чуть побледневший, стоял прямо перед полковником, уставившись на него немигающими, застывшими глазами. Рябов в упор глядел на Маринина - строго, задумчиво, с какой-то затаенной тоской. Казалось, полковник забыл обо всем на свете и напряженно вдумывался в страшное слово "отступаем", смысл которого, может быть, только сейчас дошел до него. Тишина становилась невыносимой. Люди точно задержали дыхание и мучительно ждали момента, когда можно снова дышать. А полковник все молчал. Наконец заговорил:

- Разумеется, наш марш к Дзержинску наступлением не назовешь. Но приказ есть приказ... Понятно, товарищ младший политрук?

- Так точно, - Маринин потупился, шумно вздохнул.

- Так вот. Вперед нам идти не приказывают; полки наши, прямо скажем, малобоеспособны. Дивизия месяц как родилась и даже не успела как следует укомплектоваться, не говоря о том, что и людей своих мы только-только начали обучать. Но обстановка такова, что в бой нам вступить придется, и очень скоро. - Полковник повернулся к карте: - Видите, главные магистрали, ведущие на Минск, находятся севернее и южнее. За

спиной у нас верховья Немана - местность малоудобная для ведения боя, для маневра... В ходе передислокации нам приказано пополниться людьми, подготовиться к встрече с врагом. Наша задача - занять оборону в районе Дзержинска, чтобы прикрывать Минск с юго-запада... - И командир дивизии расстегнул планшетку, доставая оттуда исписанные листы бумаги с боевым приказом.

Наступал третий день войны.

В середине ночи штаб дивизии покинул лес. Предстоял двухсоткилометровый путь к Дзержинску. В обычных условиях его можно было бы преодолеть за одну ночь, но сейчас дороги запружены эвакуировавшимися в тыл, к тому же штаб дивизии не мог отрываться от мотополков, которые только назывались "мото", а на самом деле были обыкновенными пехотными полками, так как машины еще не успели получить. Иначе говоря, дивизия могла занять указанный ей рубеж обороны не ранее чем через пять дней.

Золотая россыпь пустынного "Чумацкого шляха" перечеркнула глубокое ночное небо. Подслеповато щурились далекие звезды. Кажется, и до них доносился пресный терпкий запах пыли, брошенный ввысь многими сотнями автомобильных колес.

Длинная колонна машин цедила из затемненных фар на утопающую в мареве пыли дорогу туго натянутые струйки синего света и шла на восток. А с запада сполохами далеких зарниц доносилось грозное, опаляющее дыхание войны.

Вот и местечко Ильча, в котором до войны (всего лишь два дня назад!) располагался штаб мотострелковой дивизии.

В местечке, на магистральной улице, колонна почему-то остановилась. Этим воспользовались командиры, чтобы сбегать домой и узнать эвакуировались ли их семьи. По улицам и переулкам засновали люди. Скрипели и хлопали калитки.

Побежал на квартиру и младший политрук Лоб. Он даже почернел от тревоги за свою беременную жену: уехала ли она, и если уехала, то как перенесет дорогу, не разродится ли в пути?

Спешил к дому Анастасии Свиридовны и Петр Маринин: вдруг там дожидается его какая-нибудь весточка от Любы? У знакомых ворот Петр столкнулся со своей квартирохозяйкой. Анастасия Свиридовна скорбно смотрела на запруженную машинами улицу и прикладывала к глазам подол фартука.

- Утекаете! - набросилась она на Маринина. - На погибель покидаете нас?! Панам да хвашистам?..

- Что вы! - возмутился Петр. - Никто не удирает! Война, она тоже по плану ведется...

- Вижу, доплановались... Иди лучше ищи свою, может, не уехала еще.

- Люба?! - почти шепотом спросил Петр. - Где? Где же Люба?!

13

Как только грузовики с ранеными остановились в центре Ильчи, военврач Савченко побежал хлопотать о продуктах и медикаментах, а Люба, не имея ни малейшей надежды застать дома Петра, все-таки пошла искать его квартиру.

Анастасия Свиридовна встретила Любу во дворе. И хотя уже второй день мимо ее дома катился со стороны Лиды поток беженцев и многие заходили во двор или в дом напиться, передохнуть, умыться, Анастасия Свиридовна сразу угадала в Любе невесту своего квартиранта - угадала по пытливому, с затаенной надеждой взгляду девушки, еще по чему-то необъяснимому - и кинулась ей навстречу, обливаясь горючими слезами.

Зашли в дом. Люба остановилась у порога, обвела грустным взглядом комнату, в которой жил Петр, уловила невыветрившийся запах табака и с болью подумала, что вот здесь, именно здесь, и нигде больше, ждало ее счастье. И она не поспела к нему...

Подошла к столу, с уголка придвинула к себе стопку тетрадей, исписанных таким знакомым, родным почерком. Это были конспекты Петра, привезенные из училища. Бездумно перелистала верхнюю тетрадь, остановила взгляд на какой-то странице, заметив, что слово "надломленный" написано с одним "н". Взяла в стакане карандаш и, исправив ошибку, жирно подчеркнула ее.

За спиной в голос, по-бабьи рыдала Анастасия Свиридовна. Брызнули скупые слезы и из глаз Любы. Она тут же вытерла их, присела на стул, не зная, что делать дальше, о чем говорить с этой некрасивой, но такой сердечной женщиной.

- А он-то, бедненький, как убивался по тебе! - причитала Анастасия Свиридовна. - Я и комнату приготовила, двуспальную кровать поставила...

- Это Петя так распорядился?! - с горечью улыбнулась Люба.

- А то кто же? Ты ведь невеста ему... И нет вам счастья - молоденьким да славным... Только жить да жить бы...

- Невеста... - тихо повторила Люба, как бы прислушиваясь к звучанию этого чистого, весеннего слова - "невеста".

Вскоре Анастасия Свиридовна провожала Любу. Вышли на улицу, остановились у калитки. У двора напротив Аня Велехова - гибкая и подвижная - складывала в "эмку" чемоданы и узлы. Шофер ведерком наливал в радиатор воду, готовясь в дальнюю

дорогу.

Увидев Анастасию Свиридовну, Аня кинулась к ней:

- Петя не приезжал?! Ничего от него не слышно?..

Люба настороженно посмотрела на девушку, затем перевела вопросительный взгляд на Анастасию Свиридовну.

- Нет, не приезжал, - ответила та. - Это соседка наша, - пояснила она Любе, указывая на Аню. - Дочка Велехова - начальника военных дохторов. А это, - обращаясь к Ане и кивая головой на Любу, - невеста моего квартиранта... Не довелось встретиться...

- Невеста Пети? - не то с испугом, не то с крайним удивлением прошептала Аня. Она критически оглядела Любу. - Ты... вы его невеста?..

- Да, невеста! - вызывающе ответила Люба, уловив в словах Ани не праздное девичье любопытство. После некоторого раздумья добавила: - Была невеста, а теперь вот... жена.

"Бреши, бреши!" - усмехнулась про себя Анастасия Свиридовна, догадавшись о тревоге Любы и смятении Ани, глядя на последнюю с сожалением.

- Так, значит, это он вас вчера собирался встречать? - заметно побледнев, допытывалась Аня.

- А то кого же? - Люба не сводила с Ани откровенно враждебного и чуть торжествующего взгляда. - Конечно, меня.

Так они и расстались. Не успев познакомиться, уже ненавидели друг друга. Никто из них не подозревал, что расстаются ненадолго и что это внезапно родившееся чувство очень скоро, так же внезапно, пройдет и сменится другим, но самой дорогой ценой заплатит одна из этих милых девушек за то новое чувство...

Машины с ранеными стояли в узком переулке, в тени высоких ясеней. В кузовах остались только лежачие и те, кто не мог передвигаться, да в передней машине - женщина с шестью ребятишками. Все остальные разбрелись по ближайшим дворам, сидели на завалинках. Ильчанские женщины, девушки, старики угощали раненых молоком, медом, пирогами, расспрашивали о боях у границы, все еще не веря, что враг вторгся в пределы Белоруссии.

Когда Люба подошла к машинам, ее окликнул младший политрук Морозов:

- Сестрица, просьба у меня к вам.

Люба подошла к Морозову, который сидел на подножке кабины грузовика и, прислонив свою перебинтованную голову к дверце, с трудом откусывал и жевал хлеб с маслом.

- Беспокоят раны? - участливо спросила Люба.

- Рука терпимо, а голова... Жевать трудно. Но это ничего, усмехнулся он. - В жару пить меньше буду хотеть... Просьба у меня к вам: напомните военврачу насчет штаба дивизии. Я ему уже говорил. Дело у меня туда. - И Морозов поправил на коленях сумку от противогаза, в которой было спрятано знамя бригады.

- Он еще не возвращался? - спросила Люба о Савченко.

- Вон в тот дом недавно зашел.

Люба направилась к дому с высоким крыльцом. Поднялась по ступенькам, прошла по пустому коридору и остановилась у полуоткрытой двери, из которой доносился разговор.

Заглянула в кабинет и увидела в кресле за столом моложавого капитана - щеголеватого, важного, с черными усиками и бакенбардами на самодовольном лице. Это был капитан Емельянов. Перед ним стоял Виктор Степанович Савченко и взволнованно доказывал:

- Мне надо обработать раненых и запастись на дорогу продуктами. Вы же старший сейчас в гарнизоне. Возьмите медикаменты в аптеке, а продукты в магазине!

- А денежки? Кто денежки будет платить? - Капитан Емельянов ехидно сощурил глаза, нагловато улыбнулся.

- Какие там денежки?! - Савченко сердито махнул рукой. - Завтра немцы здесь будут. А у меня раненые!

Лицо Емельянова вдруг побагровело, глаза остекленели.

- Что-что?! - прохрипел он и, вскочив на ноги, схватился за пистолет. - Панику сеете в близком тылу Красной Армии? Слухи распускаете? Пораженческие настроения?! Предъявите документы!

Савченко с горькой усмешкой подал удостоверение личности.

- Ну вот, военный врач третьего ранга, а такие разговорчики! - важно хмурился Емельянов, листая документ. - Кишка тонка у немцев, чтобы заставить нас потесниться. Да мы им как наступим на мозоли, вмиг опомнятся. А там, глядишь, и международный пролетариат зашевелится. Через три месяца в Берлине будем!

По коридору заухали чьи-то шаги, и Люба, поймав себя на том, что подслушивает чужой разговор, решительно зашла в кабинет. Хотела передать Савченко просьбу раненого младшего политрука и напомнить о комплекте красноармейского обмундирования для себя. Как-никак она же медсестра.

Но сказать ничего не успела. Вслед за ней стремительно вошел запыхавшийся незнакомый лейтенант в запыленном комбинезоне. Представившись офицером связи, он доложил:

- Товарищ капитан, срочный приказ...

- Слушаю, - насторожился Емельянов.

- Готовьте гарнизонное хозяйство к эвакуации...

- Как?! - не поверил своим ушам капитан.

- Прут немцы, - хмуро пояснил офицер связи.

Наступила тишина. В ней родилось вначале тихое, прерывистое урчание моторов, затем оно усилилось, стало нарастать. На Ильчу шли самолеты.

Шестерка немецких бомбардировщиков плыла в вылинявшей голубизне неба. Над местечком она выстроилась в цепочку, и вдруг передний самолет сорвался в крутое пике. За ним - второй, третий... Стенящий свист бомб... Тяжело охнула земля под первым ударом, стряхнув с себя и превратив в груду развалин деревянный дом над речкой. Затем застонала под серией новых взрывов.

По магистральной улице неслась "эмка". Это шофер военврача Велехова пытался вывезти из-под бомбового удара его дочь Аню, замешкавшуюся в местечке. Вдруг впереди машины взметнулся столб земли. "Эмка" вильнула в сторону, взвизгнула тормозами и завалилась в кювет. На руль безжизненно упала голова сраженного насмерть шофера.

Распахнулась дверца "эмки", и из нее выскочила Аня - бледная, растерянная, не зная, куда деть себя, что предпринять. Упала в кювет и подняла лицо с трясущимися губами к небу. Зачем? Зачем они бомбят?

Рядом пылал дом. Из него донесся истошный детский крик. Он точно подхлестнул Аню. Девушка вскочила на ноги и бросилась в распахнутую дверь, из которой валил дым. Вскоре выбежала на улицу с плачущим трехлетним мальчишкой. Посадила его в кювет и снова кинулась в дом. С силой вытолкнула на улицу упиравшуюся, очумевшую от ужаса старуху.

Над самыми крышами домов прогрохотал моторами бомбардировщик. Хвостовой стрелок выбивал железную дробь из пулемета, поливая свинцом дворы, улицу, дома. На мостовой густо вспыхнули облачка каменной пыли. Упали на землю ссеченные ветки клена. Вскрикнула, скрежетнув зубами, Аня. Она точно наклонилась за упавшими ветками, но выпрямиться уже не могла. Лицо ее перекосилось от нестерпимой боли, ослабевшие руки подломились, и девушка ударилась лицом о горячую каменную плиту тротуара, приникла к ней всем телом...

Из дверей дома с высоким крыльцом выбежала Люба. Увидев Аню, она кинулась к ней, упала на колени, повернула лицом кверху. Тут же подоспел Савченко. Он поднял на руки обмякшее тело Ани, посмотрел в ее искаженное мукой лицо и понес в дом. На тротуаре осталось черное пятно крови.

Ветер трепал на голове Ани рассыпавшиеся волосы, колыхал лацкан жакетки с комсомольским значком.

Машины с ранеными задержались в Ильче до поздней ночи. Здесь, в местной больнице, Люба Яковлева впервые стояла у операционного стола с хирургом Савченко. Виктор Степанович оперировал Аню Велехову... А потом перевязка раненых.

Когда на магистральной улице остановилась огромная колонна машин, идущих на восток, Савченко побежал искать среди них санитарный автобус. А вдруг окажется такой в колонне! Надо было эвакуировать в госпиталь Аню Велехову: в кузов грузовика ее не положить после тяжелой операции.

Виктору Степановичу повезло. Где-то в середине колонны он увидел "санитарку" - малогабаритный газовский автобус. В кабине его дремал военврач второго ранга Велехов... О, если б знал Савченко, что это отец той самой девушки - Ани, которую он сегодня вырвал из лап смерти. Но он не знал этого, как и не знал, что Велехов - прямой его начальник, прибывший недавно в дивизию, и униженно молил:

- Возьмите, ради бога... У вас подвесные носилки, амортизация. В кузове она может не выдержать... Три часа назад я снял ее с операционного стола.

- Понимаю, всем сердцем понимаю, - отвечал, недовольно морщась, военврач Велехов. - Но у меня нет места. Потом я привязан к штабу, а раненую надо везти в госпиталь. Не могу.

- Как же быть? - разводил руками огорченный Савченко. - Девушка дочь военнослужащего. Где ее оставишь?

- Извините, никак не могу. - Велехов захлопнул дверцу кабины. Поймите меня правильно...

А в это время в другом конце колонны Петр Маринин делал еще одну попытку разыскать Любу, надеясь и не надеясь, что девушка может быть еще здесь. Он останавливался то у одного, то у другого грузовика и неизменно спрашивал:

- Яковлевой Любы нет среди вас?.. Яковлева!..

Чаще отвечали молчанием, реже - шуткой.

Из кузова одного грузовика в ответ на вопрос Петра раздался хриплый старушечий голос:

- Я! Я Яковлева! Здеся! Вы от Володи? Где он, живой? Где Наденька с детьми? - в голосе женщины послышались слезы.

- Нет, я другую Яковлеву... - растерянно ответил Петр, устремившись дальше вдоль колонны.

У одной машины он заметил девичьи стройную фигуру, которая показалась ему знакомой.

Кинулся к ней. Но... к нему повернула заплаканное лицо незнакомая молодая женщина. Она задыхалась от слез. Даже в темноте было заметно, что в глазах ее - мука и жаркий ужас.

- Скажите, где оперативный отдел? - с трудом выговорив слова, спросила женщина.

- В голове колонны... А чего вы плачете? - не удержался Петр от вопроса.

- Ой, не могу, - прошептала женщина дрожащими губами. - Обоих, обоих насмерть - Витеньку и Олю... Бомбой...

Пошатываясь, она побрела вперед, а Маринин, потрясенный, с болью глядел ей вслед.

- К маме хочу! - раздался в соседней машине сонный плач девочки. Где моя мама?..

- Найдем маму твою, - успокаивал ее мужской голос. - И папу найдем...

Зажав голову руками, Петр стремительно зашагал к своей машине. Ему показалось никчемным собственное горе по сравнению с тем, что творилось вокруг... Было только жалко Любу.

Но где ее найдешь? Ничего не мог сделать человек, чтобы отыскать в водовороте войны другого человека. Ведь встали на колеса миллионы. Надеяться на случай, на неожиданную счастливую встречу? Но такие встречи бывают чаще в романах... И все же могла состояться их встреча и здесь, наткнись Петр на четверку машин с ранеными в соседнем переулке. Эти машины готовились влиться в колонну, которая шла на восток.

Разыскав свой грузовик, Маринин молча забрался в кузов. В кабине сидел наедине со своим горем младший политрук Лоб. Он узнал, что его жена уехала из Ильчи вместе с другими семьями военнослужащих сегодня утром и мало надежды, что вынесет она трудную дорогу к Полоцку, куда держала путь. Ведь родовые схватки начались у нее еще вчера вечером - так сказала Лобу соседка по квартире.

...Ехали долго, медленно, но без остановок. Дорога ровная, широкая. Справа лес - темный, зловещий; слева - разметы хлебов. На западе небо мерцало огнями ракет и зарниц от артиллерийской пальбы.

Приближался рассвет. Шедшие впереди мотоциклы и броневик загремели колесами по мостку через небольшую речушку, а потом свернули на узкий проселок. За ними направилась вся нескончаемо длинная вереница машин, кроме тех, которые не относились к штабу дивизии и штабным подразделениям. Проселок завихлял вверх, и вскоре колонна втянулась в густой лес, разбудила его, и он уже не казался таким мрачным и молчаливым.

15

Обстановка на минском и вильнюсском направлениях

накалялась с каждым днем. Части нашей армии вели упорные оборонительные бои с фашистской пехотой на рубеже Волковыск - Лида, вдоль Немана и по обе стороны его притока Шара. А немецкие танковые колонны уже протаранивали себе путь к Минску, прорываясь крупными массами со стороны Барановичей и Вильнюса. Немецкое командование собиралось замкнуть клещи и сразу покончить с группировкой советских войск, ожесточенно обороняющихся на дальних подступах к Минску. Фашисты бросали в бой все новые и новые дивизии, стараясь своей массовостью, своими во много раз превосходящими по численности силами окончательно парализовать действия частей Красной Армии, лишить их воли к сопротивлению.

А дивизия полковника Рябова продолжала марш к Дзержинску. Полки шли параллельными дорогами, чтобы дивизия сильно не растянулась в глубину; шли главным образом ночью. Штаб дивизии днем пережидал, пока полки обгонят его, и ночью делал очередной бросок на юго-восток.

Медленно тянулось время в эти "пережидания". Досаждали немецкие бомбардировщики, которые, выискав цель, начинали остервенелую бомбардировку; томила сама обстановка - напряженно тревожная, с различными слухами, с забитыми дорогами, с происками фашистских диверсантов, разведчиков, агентов.

Четвертый день шла война...

На опушке леса стояли старший батальонный комиссар Маслюков и полковник Рябов. Круглое жестковатое лицо Маслюкова нахмурено, в ввалившихся глазах - тревога. Андрей Петрович Рябов - стройный, подтянутый - не отрывал глаз от бинокля. Оба они смотрели на лежавшую внизу дорогу, по которой шли пешие, ехали повозки и автомашины.

- Пойдем потолкуем, - предложил начальник политотдела, кивая головой в сторону дороги. - Глазами других посмотрим на события.

Полковник Рябов, опустив бинокль, молча зашагал по косогору вниз, к дороге. За ним пошел Маслюков.

Слова старшего батальонного комиссара: "Глазами других посмотрим на события" - напомнили Рябову совсем недавние дни, когда он командовал танковой бригадой, и Маслюков, так же как и сейчас, был замполитом и возглавлял политотдел. Между ними состоялся однажды острый разговор, в котором старший батальонный комиссар употребил почти эти же самые слова, прозвучавшие тогда для Рябова не очень приятно.

Андрей Петрович вспоминает, как это было...

Он зашел в кабинет начальника политотдела, чтобы

поговорить о завтрашней охоте. Был канун выходного дня, и заядлые охотники уже начинали волноваться.

- Значит, на косачей, Андрей Петрович? - спросил тогда у Рябова Маслюков.

- Апрель, самое время, - ответил Рябов. - Соорудим шалашик. Я тут одно токовище знаю...

- Шалаш сами будем строить? Или бойцов возьмем?

- Конечно, сами! - удивился Рябов и, уловив непонятную иронию в голосе старшего батальонного комиссара, спросил: - Зачем же бойцов?

- В помощь. Ты же, Андрей Петрович, привык, чтоб тебе во всем помогали. Даже по хозяйству.

Рябов в упор глядел на своего заместителя по политчасти и чувствовал, как лицо его заливала краска. Он вспомнил, что не в меру расторопный комендант штаба без его ведома прислал к нему на квартиру целое отделение солдат, которые должны были идти на стрельбище, и те за несколько часов перепилили, покололи и сложили в сарае все дрова, привезенные накануне.

- Ты на дрова намекаешь?

- И на дрова, Андрей Петрович, и на то, что жинка твоя на базар ездит в твоей легковой машине и что конюха специального держишь при рысаке, который тебе для парадных выездов служит. Поставь-ка себя на место этих бойцов. Пришел ты в армию Родине служить, выполнять свой самый почетный долг гражданина, а тебя вместо этого превращают в батрака.

Все это было так неожиданно, что Андрей Петрович не находил слов в свое оправдание. Многое, что говорил Маслюков, казалось преувеличенным. Однако была в его словах и правда. В самом деле, почему он до сих пор не наказал коменданта штаба, почему сквозь пальцы смотрит на то, что заведующий подсобным хозяйством бригады толстяк Сорока каждую субботу привозит ему на квартиру всякой всячины? Почему он не мог нанять пильщиков?..

Старший батальонный комиссар Маслюков, прервав молчание, спросил:

- Скажи, Андрей Петрович, откуда у тебя такие барские замашки? Можно подумать, что ты и твоя жена - люди белой кости, привыкшие равнодушно взирать, как ухаживают за ними другие. Ты, конечно, можешь и не отвечать мне. Ты командир, я хожу под твоим началом. Но можешь и ответить: ведь мы товарищи, ну и... коммунисты.

Андрей Петрович оторвал взгляд от лица Маслюкова и перевел его в окно, где виднелась унылая, по-весеннему раскисшая улица, подсохший спуск к реке. Какая там белая кость!

Перед его взором прошла трудная, напряженная жизнь: в гражданскую войну мальчишкой ушел на фронт. Потом служба на Дальнем Востоке, командирские курсы, служба в Средней Азии, военная школа, Халхин-Гол, академия...

Как на экране, проходили перед мысленным взором Рябова прожитые им годы. Что мог ответить он этому человеку - простому, беспощадно-справедливому? Рассказать о прошлом, рассказать, как стал он солдатом революции, как посвятил себя военной службе? Ведь все это ему известно. И все это не вяжется с тем, что говорил Маслюков.

Ничего не мог ответить полковник Рябов начальнику политотдела.

- Я помогу тебе, дорогой Андрей Петрович. - И Маслюков начал говорить сам. Каждое его слово - что капля расплавленного металла: - Я так думаю: ты полагаешь, что тебе, ветерану гражданской войны, орденоносцу, человеку заслуженному, все дозволено. Ты видишь себя и забываешь, что в гражданской войне участвовали миллионы. Тебе кажется, что ты занимаешь какое-то особое место среди людей. Короче говоря, ты, дорогой Андрей Петрович, зазнался чуток! Поверь, что это так! Мне со стороны видней...

Рябов молчал. Упреки начальника политотдела казались ему несправедливыми, но он не находил слов, чтобы возразить, чтобы доказать его неправоту, чтобы по-иному объяснить эти факты, которые назвал Маслюков.

А Маслюков между тем продолжал:

- Запомни мой совет, Андрей Петрович. Каждому человеку нужно уметь видеть себя со стороны. Нужно глазами других иногда посмотреть на себя. Еще Ленин учил нас, что о человеке мы судим не по тому, как он сам о себе говорит. Теперь пораскинь умом: как могут думать о командире бригады, который умышленно или по недомыслию (это безразлично) использует труд подчиненных для удовлетворения своих личных потребностей?

- Но ведь это не совсем так! - возразил наконец Рябов. Ему хотелось сказать, что у него больная жена, что самому ему недосуг заниматься домашними делами, что, наконец, ничего зазорного нет в заботе подчиненных о старшем начальнике, если начальнику действительно нужна помощь.

- Это тебе так кажется, - опередил его Маслюков. - А люди составляют свои представления о вещах и понятиях по своим собственным восприятиям, впечатлениям. Верно? Верно! И ты обязан заботиться о том, чтобы у тебя было доброе имя. Ты ведь государственный человек. И партии, государству нашему нужно,

чтобы тебя уважали, верили тебе, без тени сомнения в душе повиновались твоей воле. А вот ты зазнался...

Рябов поморщился: ему показалось, что тот малозначительный, как теперь кажется, полузабытый разговор имеет прямое отношение ко всему происходящему сейчас. Да, возможно, он, полковник Рябов, подзазнался. Командир дивизии ведь, единоначальник! Мечтал побыстрее укомплектовать полки и полюбоваться их силой, выучкой в строю, на параде... А в бою?..

С досады Рябов отшвырнул ногой кем-то брошенную во ржи каску и, шагая рядом с Маслюковым к дороге, кусал нижнюю губу. Почему не приходили ему в голову мысли о том, как будет управлять дивизией в бою? Впрочем, приходили. Думал он и об этом. Ведь о возможности нападения на нас говорилось много - в приказах, на совещаниях, на сборах в штабе армии... Вот именно - говорилось... И даже неплохо обучали войска и штабы. А как же организовать оборону в случае нападения? Плохо об этом думали. И главное должных мер не приняли. Убеждали себя в другом, что, если грянет война, будем воевать только на чужой территории, малой кровью, на территории того, кто нападет на нас. А то, что готовится нападение, проглядели, не отмобилизовали вовремя армию, не сосредоточили в нужных местах силы.

И лично он, Рябов, еще надеялся, что в случае нападения Германии на Советский Союз - первое в мире пролетарское государство - немецкий пролетариат поднимет революцию. Об этом он вчера спросил у пленного гитлеровца, которого доставил в штаб младший политрук Маринин. Гитлеровец усмехнулся и ответил:

- Когда мы завоюем Россию, вы узнаете, что такое гестапо, виселица и концентрационный лагерь. А для немецкого народа, кроме этого, существует еще пропаганда. Фюрер продумал все...

"А что же происходит сейчас? Нужно, как говорит Маслюков, глазами других посмотреть на события".

За этими мыслями полковник Рябов не заметил, что осталось позади ржаное поле и они, перепрыгнув через запыленный кювет, оказались на людной дороге.

Остановили первую подошедшую группу красноармейцев.

- Из какой части? - спокойно спросил Рябов.

- Из разных, - невпопад ответили солдаты.

- Куда путь держите?

- На сборный пункт.

- Где же он находится?

- Кто его знает... Где остановят, там и собираться будем. Говорят, формируют части не то в Минске, не то под Минском.

- Так, так, - помедлил полковник, - а где же ваши роты?

- От наших рот остались рожки, ножки да мы. Окружили всех - и амба. Кто вырвался - драпает без оглядки, - ответил высокий солдат с воспаленными глазами на небритом лице.

- А наш инженерный батальон саперными работами занимался, когда фашисты напали, - стал рассказывать рыжеусый солдат с перевязанной рукой. - Оружие наше в козлах стояло, а фашисты вдруг по этому месту из минометов ударили. В пять минут из винтовок и пулеметов щепки сделали. А мы с лопатами остались. Дрались, сколько могли...

- Как же понимать вас, товарищи "окруженцы"? - недоумевал полковник Рябов. - Говорите - всех разбили, разгромили. Но где же фашисты? Почему их до сих пор здесь нет? Кто же не пускает вражескую пехоту, артиллерию к этим отдельным танковым группам, которые прорвались в наши тылы? Молчите? Может, послушаем, что другие скажут?.. Садись! - скомандовал полковник.

Солдаты расселись на обочине. Каждый глядел на полковника, на старшего батальонного комиссара внимательными глазами, с какой-то надеждой, с готовностью делать все, что они прикажут. А Рябов и Маслюков смотрели вдоль дороги, по которой, вздымая пыль, шел танк Т-34.

Когда танк подъехал ближе, все обратили внимание на его изуродованную пушку, обилие вмятин на броне. Танк тащил на буксире огромнейший автоприцеп, битком набитый ранеными солдатами и командирами, женщинами и ребятишками. Рябов решительно махнул рукой, машина остановилась. Мотор ее заглох, из люков высунулись головы танкистов.

- Подойдите сюда, - приказал им полковник.

Танкисты, заметив на петлицах начальства шпалы, поспешно вылезли из машины, подошли и отдали честь. Один из них оказался младшим лейтенантом.

Женщины и раненые смотрели из прицепа настороженно, боясь, что начальство прикажет им высадиться.

- Куда следуете, товарищ младший лейтенант? - спросил Рябов.

- До первой станции, где смогу сдать своих пассажиров, - улыбаясь, ответил танкист.

- Гитлеровцы машину покорежили?

- Так точно. Но мы им тоже накорежили.

- Где дрались?

- Под Гродно.

- Какова там обстановка?

- Атакуют. Фашисты город забрали. Наш танковый полк понес

большие потери, но сейчас держит оборону - отход пехоты прикрывает. Много немецких танков сожгли.

Полковник Рябов многозначительно посмотрел на сидевших красноармейцев.

- Один наш броневик даже самолет сбил, - продолжал рассказывать младший лейтенант. - Пикировал бомбардировщик на него, а командир орудия не растерялся и пушку - под наивысший угол. Как ахнул, так самолет в щепки.

- А как пехота дерется? - спросил Маслюков.

- Да, да, расскажите, как пехота дерется и почему это так много людей сборные пункты ищут? - поддержал комдив, указывая рукой на сгрудившихся на дороге красноармейцев.

- Ничего здесь непонятного нет, товарищ полковник. Фашистов много, а нас мало. Самолетов и танков у них больше. Наступают они по всем дорогам, а у нас сил нет обороняться везде. Так и оказываются немцы в нашем тылу. А то еще обманом берут.

- Но все же, говорите, наши не бегут? - спросил Маслюков.

- Всяко бывает. В окружении дерутся до последнего патрона. Потом вырываются. А собраться после этого уж трудно, особенно если ночью пробивают кольцо. Вот и ищут сборный пункт. Да вы лучше вон с капитаном поговорите. - И младший лейтенант кивнул головой в сторону автоприцепа.

Полковник Рябов взялся руками за борт запыленного кузова и взобрался на колесо. Капитан, смежив вздрагивающие веки, лежал среди густо сидевших людей; его перебинтованная голова покоилась на коленях молодой женщины с большими испуганными глазами. Под расстегнутой гимнастеркой капитана тоже виднелись бинты с ржавыми следами крови.

Рябов некоторое время молча смотрел в посеревшее, небритое, с заострившимися чертами лицо раненого, потом участливо спросил:

- Говорить можете?

Капитан медленно открыл глаза, тяжело вздохнул, и все услышали его хриплый, негодующий голос:

- Говорить?.. Кричать нужно, а не говорить! - В воспаленных глазах раненого сверкнули злые огоньки. - Вдалбливать всем в головы, чтобы никогда не выветрился из памяти урок, который фашисты нам дали!.. Да, да! Позабыли мы, что среди волков живем! Вот и учат нас уму-разуму - пулями, бомбами учат!

Было похоже, что этот израненный человек обезумел от физических страданий и всего того, что он видел.

- Успокойтесь, капитан. Толком расскажите, - тихо, но твердо промолвил Рябов.

Капитан подобрал под себя руки и с трудом приподнялся.

- А что рассказывать?.. Напали, а мы не готовы... Думаете, только в беспечности дело? Черт его знает в чем! В субботу еще командиры в отпуск уезжали, на воскресенье смотр боевой техники затеяли. И никто не догадывался, что фашисты уже пушки на нас навели, диверсантов в наши тылы забросили... А мы... мы... - В переполненном душевной болью голосе капитана послышались слезы. - Разве такая нужна готовность, когда змея рядом?! Нужно было дневать и ночевать на огневых позициях, летчикам из самолетов не вылазить. А мы... И вот народ гибнет, часть техники бросили. Ведь из моих пушек фашистские танки насквозь можно пробивать!.. Эх!.. Капитан крепко зажмурился, и по его темным щекам скатились две прозрачные капли.

Всхлипнула и молодая женщина, поддерживавшая голову капитана, потом истерично закричала:

- Кого ж проклинать?! Кто виноват, что там дети и женщины под бомбами?..

- Фашистов проклинать, - хмуро бросил Рябов, слезая с колеса на землю.

- Их бить нужно, как собак бешеных! - Женщина уставила на комдива гневные глаза. - А с вас, с начальства, спросить нужно...

Рябов и Маслюков возвращались в лес молчаливые, задумчивые. Старший батальонный комиссар рвал колоски ржи, рассматривал их, бросал и снова рвал. Наконец не выдержал и заговорил:

- Хоть и не виноваты мы с тобой, Андрей Петрович, а все же стыдно перед людьми.

- А перед собой? - Рябов даже остановился. - От себя, от совести своей никуда не уйдешь. Вот разумом понимаю: фашисты тайно подготовились, сосредоточили силы и в один миг бросились на нас. А сердце еще и другое знает. Можно было встретить их не так. Надо было знать, что готовится нападение, заранее вывезти из опасной зоны женщин и детишек, по возможности войска подтянуть.

- Слова все это! - с раздражением заметил Маслюков. - Правильные слова, но неуместные сейчас. Факт совершился, фашисты наступают, сил у нас пока мало, и нужно действовать. Ты мне, Андрей Петрович, лучше скажи свое мнение о бойцах, которые бредут по дорогам, сборные пункты ищут.

- Солдаты как солдаты. Напуганные только, подавленные.

- И я так думаю. Бойцы они необстрелянные, неопытные, ошарашенные таким поворотом событий. Может, у некоторых в трудную минуту не нашлось хорошего командира. А многие действительно попали в кольцо и, вырвавшись, не могут найти

пристанища.

- Не собираешься ли ты приютить их, комиссар? - спросил Рябов.

- А что? Это даже необходимо. Ведь в сторону фронта, несомненно, идут войска. Представь себе настроение красноармейцев из свежих подразделений, которые видят на дорогах бегущих солдат и только слышат от них: "Разбили, окружили, уничтожили..."

Комдив слушал внимательно и сосредоточенно думал. Потом усмехнулся какой-то своей мысли и достал портсигар:

- Закурим.

Когда задымились папиросы, Рябов продолжал разговор:

- Что, если из людей, задержанных на дорогах, отобрать обученных солдат, проверить их и усилить наши пулеметные и минометные подразделения?.. А остальных - в стрелковые роты.

- Конечно, стоит. - Маслюков в знак одобрения кивнул своей крупной головой. - Воевать же придется, и фашисты не спросят, молодая мы дивизия или нет.

- Ближе к делу, - прервал его полковник, - поручаю это мероприятие политработникам.

- Есть, товарищ комдив!

К вечеру на опушке леса было собрано около двухсот красноармейцев и сержантов, задержанных на дороге. Их разделили на взводы, составили списки, в красноармейской книжке каждого сделали запись о причислении к войсковой части. Комдив решил пока держать этих людей ближе к штабу, чтобы лучше проверить их, выяснить военную подготовку, а затем влить в полки.

Ночь была неспокойной. На северной опушке леса, где в окопах отдыхали задержанные на дороге солдаты, не стихала ружейная стрельба. Началось со случайных выстрелов, которые всех насторожили. Потом пролетел самолет, и из-за дороги кто-то начал бросать в направлении отдыхающих войск ракеты. В сторону ракетчика пустили добрую сотню пуль. Словом, ночь показала, что собранное на дороге пополнение нервничает.

Утром выяснилось: несколько человек убежали, а двух нашли застреленными. Одного, который выстрелил в своего, красноармейцы поймали. Документы его оказались в порядке, в красноармейской книжке - вчерашняя приписка к части. На допросе выяснилось, что он - переодетый фашистский агент.

Задержали и одного сбежавшего ночью.

- Почему дезертировал? - спросил его старший батальонный комиссар Маслюков.

- Я не дезертировал, а ушел, - ответил солдат, прямо

посмотрев ему в лицо.

Маслюков достал папироску, закурил и глубоко затянулся. Его задумчивый, спокойный взгляд как бы пронизывал душу солдата и читал, что там делается.

- Ну, расскажи, почему ты ушел? Почему изменил Родине?

Красноармеец поднял потемневшие глаза, губы его задергались.

- Не плакать! - сурово приказал Маслюков.

Пересилив спазму, сдавившую горло, солдат быстро, боясь, что разрыдается, начал говорить:

- Товарищ старший батальонный комиссар, я не изменял Родине. Я хочу воевать по-настоящему. А тут не поймешь, где война. Фронта никакого нету. Фашистов в любом месте жди.

- Ну и что же?

- Как что?! Чего мы тут сидим? Уходить нужно отсюда, к Минску, где войск наших побольше, где фронт, наверное, есть. И ни в жисть тогда врагу не пройти! А останемся здесь, так они нас разгонят по лесам и по одному перебьют...

Об этом разговоре старший батальонный комиссар Маслюков рассказывал вечером на собрании партийной организации штаба дивизии.

- Люди неправильно понимают обстановку, не знают своих задач, говорил Маслюков. - Коммунисты должны рассказать бойцам, что фронт здесь, где мы, что наш долг всеми силами задерживать врага, изматывать его силы, не пропускать немецкую пехоту вслед за танками. Этим временем пополнятся ряды нашей армии. Нужно истреблять диверсантов, шпионов, трусов и паникеров. Наша сила - в организованности, в бдительности, в стойкости.

Очень хорошие, правильные слова. Они глубоко западали в душу каждого еще и потому, что их говорил человек большой храбрости, справедливый, умный, проницательный. Маслюков обладал удивительной способностью - по взгляду человека, по интонации его голоса, по еще каким-то только ему известным приметам определить, что человек что-то утаивает, чего-то недоговаривает, кривит душой. Среди таких людей Маслюков искал врагов и нередко находил.

Был такой случай. Маслюков остановил на дороге группу красноармейцев и разговорился с ними о делах на границе. Бойцы рассказывали о боях, о бомбежках. Старший батальонный комиссар слушал, всматривался в лица солдат. От его внимания не ускользнуло то, что сержант, у которого через плечо висел автомат, смотрел на него с каким-то особым напряжением и старался быть подальше. Глаза этого человека щупали звездочки

на рукаве комиссара, прямоугольники в петлицах, добротный ремень с портупеей.

- Кто из вас коммунисты, комсомольцы?.. - обратился Маслюков к красноармейцам и остановил взгляд на сержанте. - Вы, например?..

Сержант с готовностью расстегнул карман гимнастерки и достал коричневую книжечку.

- Кандидат в члены партии, - сказал он, протягивая старшему батальонному комиссару документ.

Маслюков раскрыл кандидатскую карточку, пропитанную солдатским потом, увидел замусоленную фотографию, печать, подпись начальника политотдела; членские взносы уплачены вовремя. Кажется, все в порядке. Но у Маслюкова цепкий глаз. Он обратил внимание, что кандидатская карточка сержанта прошита сверкающей проволочкой из нержавеющего металла, и вспомнил ржавые полоски, сделанные проволочной прошивкой в своем партбилете... Молча возвратил документ и полез в карман за куревом. Сержант настороженно проследил за рукой комиссара, а когда Маслюков вынул "Казбек", кинул любопытный взгляд на скачущего всадника. Старший батальонный комиссар закурил, а затем поднес коробку к самому носу сержанта.

- В Германии таких не видел? - спокойно спросил он. Заметив, как в глазах сержанта метнулась тень страха, Маслюков ловким и сильным движением рук отнял у него автомат.

Сержант попытался выхватить из кармана крохотный пистолет, но бойцы успели скрутить ему руки...

За спиной, в вещевом мешке этого гитлеровского агента обнаружили портативную радиостанцию...

Полковник Рябов одобрил выступление Маслюкова на партсобрании и призвал коммунистов повышать организованность и бдительность.

После собрания большинство работников политотдела во главе со старшим батальонным комиссаром Маслюковым уехали в полки, которые находились на марше.

16

Пятый день шла война...

Уже три раза налетали немецкие самолеты. Воздух раздирал холодящий душу визг сирен, установленных на бомбардировщиках. Взрывы потрясали лес, валили на землю долговязые сосны. Люди прятались в щели и после каждого взрыва тревожно смотрели на свои машины: целы ли?

От работников оперативного отдела Маринин по секрету узнал, что штаб снимается вот-вот, не дождавшись ночи.

Положение весьма опасное. Прорвавшись из района

Барановичей, немецкие танки оказались ближе к Минску, чем мотострелковая дивизия полковника Рябова, которой было приказано занять рубеж под Дзержинском и контролировать дороги, ведущие с юго-запада и запада на Минск.

Фашисты подбрасывали свежие силы, и обстановка на фронте с каждым часом усложнялась. Впрочем, нельзя было сказать "на фронте". Фронта как сплошной линии боевых порядков войск пока не существовало, и в то же время он был везде. Бои шли на каждой дороге, в каждом населенном пункте пограничных районов Западной Белоруссии. Случалось и так, что по одной дороге вырывались далеко вперед немецкие танки. Следом за ними отступала советская часть, сдерживая напор пехоты врага и ведя разведку на флангах.

До леса на высоте, где укрывались машины штаба и штабных подразделений, отчетливо доносились отзвуки боя. Они летели с запада, севера, юга и иногда даже с востока. Это заставляло людей еще больше настораживаться.

И вот приказ: "Выводить машины на дорогу!.."

Двигались на восток. Всех угнетало сознание, что не сегодня-завтра здесь будет враг, который смял наши разрозненные части у границы и сейчас спешит дотянуться бронированными кулаками до Минска, Могилева, Смоленска.

Длинная, растянувшаяся на много километров автоколонна, пробиваясь сквозь висящие над дорогой облака пыли, подъезжала к городу Мир. Это тот самый Мир, который в восемнадцатом веке был столицей цыган. Им покровительствовали тогдашние хозяева Мира князья Радзивиллы. Здесь всегда происходили выборы цыганского старшины, или, как его называли, "короля".

Не доезжая Мира, колонна, уткнувшись головой в деревню Песочную, остановилась. Навстречу ей, со стороны Мира, на предельной скорости мчалось несколько десятков машин. Среди них оказались и четыре грузовика с ранеными, которые вел на восток военврач третьего ранга Савченко и с которыми задержался в Мире, чтобы сделать нескольким раненым не терпевшие отлагательства операции.

Встретившись у Песочной с автоколонной штаба дивизии, машины остановились. И тут полковнику Рябову стало известно, что путь вперед закрыт: в район Мира прорвались крупные силы немецких танков и мотопехоты. Дорога на Столбцы перехвачена. Положение осложнялось и тем, что с севера, запада, востока путь колонне преграждал Неман с притоками Уша и Сервеч, ограничивая свободу маневра.

Полковник Рябов сидел в своей легковой машине и, нахмурив косматые брови, немигающим взглядом смотрел в раскрытую

топографическую карту. Перед ним вырисовывалась обстановка - тяжелая, смертельно опасная для наших войск, находящихся западнее Минска. Было ясно, что фашисты наносят один из главных ударов в направлении Брест - Кобрин - Барановичи - Минск. Сейчас их танковые колонны достигли Мира. До Минска осталось сто километров. Сто километров отделяют танковые колонны врага от столицы Белоруссии! А кто знает, какая обстановка севернее Минска? Вчера было известно о серьезном прорыве немецких танков из района Вильнюса. Над Минском занесены две клешни, которые нужно обрубить во что бы то ни стало. Но как обрубить? Какими силами? Кому решать эту задачу? Превосходство в танках, авиации, в численности пехоты на стороне врага.

Дивизии полковника Рябова приказано занять оборону у Дзержинска и прикрывать Минск. Успеют ли полки достигнуть намеченного рубежа? Вероятнее всего, что не успеют. Имеются ли на этом рубеже другие силы?.. Связь со штабом армии нарушена.

Андрей Петрович поднял голову от карты и чуть охрипшим голосом отдал приказание давно стоявшему у открытой дверцы машины офицеру с усталым лицом:

- От Песочной поверните колонну влево к Неману. Командирам полков передайте по радио новый маршрут.

И снова пыльная дорога, частые остановки, тряска на выбоинах.

Впереди - небольшая речушка Мирянка. Когда первые машины загремели колесами по мосту, на колонну налетели немецкие бомбардировщики. Шестерка самолетов сделала заход и начала пикировать на переправу.

Фашисты бросали бомбы с уже знакомыми всем сиренами. После первых взрывов по обеим сторонам дороги внезапно вырос лес винтовок. Это выполнялось распоряжение командира дивизии, который приказал: при налетах не оставлять оружие в машинах, а обязательно брать с собой и стрелять по пикировщикам.

Выстрелы затрещали недружно. После страшного грохота бомбовых разрывов они казались безобидными щелчками. Но это только казалось. После второго, хотя и нестройного, залпа задымился ведущий бомбардировщик. Под восторженные крики солдат он упал за рекой в лесу. Оттуда донесся тяжелый, глухой удар о землю.

17

...Солдаты часто поглядывали на солнце. Быстрее садилось бы! С наступлением сумерек можно будет не крутить во все стороны головой, не наблюдать за воздухом. Осточертели частые

налеты бомбардировщиков и истребителей. У всех нервы напряжены до предела. Ведь самолетов не услышишь, когда рядом шумит мотор автомобиля, и своевременно не увидишь сквозь непроницаемые тучи пыли, клубящиеся над дорогой. Поэтому наблюдали не только за воздухом, но и за соседними машинами. Остановится одна значит, едущие на ней заметили что-то.

Но никто не придал значения тому, что в колонну, ближе к ее голове, с проселочной дороги влились одна за другой четыре автомашины. В них сидели усталые, запыленные солдаты. Впрочем, ничего удивительного. Уже после переправы через Неман колонна выросла вдвое. Людей влекло к ней то, что машины уверенно двигались по маршруту. Каждый понимал - нужно держаться коллектива, действовать сообща. Тогда не так страшны немецкие танки и парашютисты-автоматчики, тогда сподручнее бить переодетых фашистов, заставлять развертывать и принимать бой целые колонны врага.

...Солнце, словно спеша укрыться от пыли, поднятой на дорогах и брошенной в небо, окунулось за горизонт. Наползали долгожданные сумерки, и вместе с ними спадало нервное напряжение, вызванное непрерывным ожиданием бомбежки. Кажется, и машины прошли ровнее, увереннее.

Плавно катилась по дороге "санитарка" военврача Велехова. Следом за ней бойко шла полуторка капитана Емельянова; бакенбарды и усы капитана серые от пыли, и весь он - серый, измученный.

Один за другим мчались грузовики различных отделов штаба дивизии; в них ехали оперативники, разведчики, артиллеристы, инженеры, связисты, интенданты. Кучно держались машины политотдела, редакции, клуба, партучета. Их возглавляла "эмка", в которой дремал старший батальонный комиссар Маслюков, возвратившийся ночью из полка. Где-то ближе к хвосту колонны шли грузовики с ранеными.

Люба, уже одетая в новое красноармейское обмундирование, сидела в переполненном - семечку негде упасть - кузове, у борта, возле Ани Велеховой. Аня лежала рядом с тяжело раненным майором, покрытая жакеткой, из-под которой белели бинты. Лицо ее заострилось, было искажено страданиями, глаза закрыты. Люба, усталая, задумчивая, устремив взгляд на далекое зарево пожара, слушала тихий разговор, который велся рядом.

Рассказывал младший политрук Морозов. Слова текли неторопливо, в раздумье и были адресованы главным образом его соседу - молоденькому, щуплому бойцу, руки которого от намотанных на них бинтов напоминали огромные культи.

- Боевое знамя - это, брат, что сердце у человека, - тихо, но внятно говорил Морозов. - Есть у части знамя - будет она жить, если даже все до последнего бойца погибли. Потеряли знамя - нет части. Нет и не будет, пусть уцелел ее личный состав. И никакого прощения никому. Позор и презрение! А чтоб искупили вину за потерю знамени, всех командиров и бойцов рассылают по разным полкам, а номер части навсегда вычеркивают из списков Красной Армии.

- Да-а, - поежился раненый солдат, прижимаясь к спинке кабины грузовика. В его широко раскрытых глазах отражались отблески далекого пожара. - Я под знаменем, - задумчиво произнес он, - присягу воинскую принимал...

Любе представилось это знамя - огромное, тяжелого красного бархата; оно чуть колышется во главе выстроенных для парада войск, к нему по очереди подходят солдаты и клянутся в верности Родине... Подходит Петя Маринин - красивый, стройный, такой, каким видела она его на вокзале в Киеве... Это было всего три недели назад, а кажется - целая вечность. Где он - Петя?..

Не догадывалась Люба, что Петр Маринин едет по этой же дороге, в этой же колонне, метрах в двухстах впереди. Не подозревал и Петр, что Люба рядом с ним. Усталый, он пристроился у кабины грузовика и не заметил, как задремал. Ему приснилось, что колонна выехала на асфальтированную дорогу и машина ровно, без тряски, понеслась вперед. Хорошо ехать. Машине тоже легко, не слышно, как и мотор работает. И вдруг - самолеты! Летят над самой дорогой и строчат по колонне из пулеметов. Петр не может подняться. Кажется, ноги и руки свинцом налились.

- Маринин, Маринин! - услышал он голос Гриши Лоба.

А потом:

- Маринина, кажется, убило...

От этих слов Петр одеревенел. Теперь понятно, почему он не может пошевелиться...

- Маринин, Маринин, ты живой или нет?!

И тут Петр проснулся. Машина стояла, в кузове - ни души, где-то били пулеметы, а над машиной пролетали светлячки трассирующих пуль.

- Маринин! - донесся голос Лоба из-под машины.

Придя в себя, Петр тотчас свалился на землю.

- Где мы? Что делается? - растерянно спросил он.

- Черт его знает! Заехали невесть куда - вдруг со всех сторон стрельба. Минут пять как бьют. Ждем, что начальство решит. Наверно, броневик вперед послали...

Лоб и Маринин, припав к земле, настороженно

осматривались. Поле убегало от дороги в густую, непроглядную темень. На фоне неба впереди колонны чернела хребтина не то далекого леса - лиственника, не то близкого кустарника. Ластящийся к земле легкий ветерок дышал в лицо запахами чебреца, тротила и перегоревшей земли.

Огонь прекратился. Впереди загудели моторы, и все бросились к машинам. Но только голова колонны тронулась, как с трех сторон опять раздалась трескотня пулеметов и в воздухе замелькали трассирующие пули. Машины остановились. Обстрел снова прекратился.

От головы колонны прибежал взволнованный старший батальонный комиссар Маслюков.

- За мной! - скомандовал он Маринину и Лобу.

- А что случилось? - заволновался Лоб.

- Черт его знает! - Маслюков зло, раздраженно выругался. - Броневик и передние машины куда-то исчезли. Ни комдива, ни начальника штаба, ни оперативного отдела...

Маслюков был прав. Машины части отделов штаба дивизии вместе с машинами командования исчезли. Остались подразделения саперов, связистов, грузовики политотдела, интендантства, финчасти и те, которые пристали к колонне в пути. Всего - около трехсот автомобилей. Колонна растянулась на несколько километров.

Начали искать шофера и людей с машины, оказавшейся в голове. Требовалось выяснить, куда ушла передняя часть колонны. Но тщетно. Из четырех передних машин исчезли шоферы и солдаты. Водитель пятой машины ответил сонным голосом:

- Я ехал за передней машиной, мое дело маленькое. Спрашивайте с передних...

Начали ориентироваться по карте. Слева колонны лесок, а за лесом, как говорила карта, болото и речушка.

- Правильно, слышно, как лягушки кричат.

Справа - высота.

- Точно. Вон на ней табун лошадей на фоне неба выделяется.

Впереди кустарник и небольшой лес. У леса поворот дороги к деревне Боровая.

- Не проверишь. Впереди ничего не видно.

- Может, эти четыре машины увели нас с маршрута - с дороги на Дзержинск? - высказал предположение Маринин и ткнул пальцем в карту. Зачем? Нужно узнать у тех, кто ехал на передних машинах...

Но куда делись люди с передних машин? Рождалась страшная догадка, что колонну завели в ловушку...

Солдаты тем временем сидели в кюветах, покуривали, некоторые тут же, у колес машин, на всякий случай рыли ячейки. Многие спали, измотанные бессонными ночами и тяжелым днем.

Из хвоста колонны донесся шум, выкрики, ругань. Оттуда шла группа людей.

- Что вы, так-разэдак, разлеглись под колесами? Почему люди спят? гремел сердитый голос из подходившей группы.

- Вон начальство, у него спрашивайте, - ответил кто-то из солдат, указывая на командиров, собравшихся вокруг Маслюкова.

- Кто старший?! - грозно спросил полный высокий мужчина с автоматом через плечо. На его петлицах разглядели четыре шпалы. Полковник. Вместе с полковником подошли два батальонных комиссара с орденами на груди, майор, капитан и еще человек восемь командиров. Все с автоматами.

- Я старший, - выступив вперед, сказал Маслюков, присматриваясь к подошедшим.

- Почему беспорядки в колонне?!

- Выясняем обстановку, товарищ полковник.

- Что вы путаетесь в трех соснах? Продвигаться нужно!

- Как только заводим моторы, кто-то открывает огонь.

- "Кто-то, кто-то"! А кто? - раздражался все больше полковник. - Вот что, товарищ подполковник...

- Я старший батальонный комиссар, - поправил полковника Маслюков.

- Тем более... Я буду распоряжаться, а то мы до утра здесь простоим, пока нам немцы в хвост штык не воткнут... Слушай мою команду!..

- Позвольте, - сделал шаг вперед Маслюков. - Почему вы командуете в чужой колонне? Кто вы такой?

- Во-первых, товарищ старший батальонный комиссар, колонна состоит не только из ваших машин. Эти чьи, например? - Полковник указал на передние грузовики.

- Эти?.. Не имеет значения, - сухо ответил Маслюков, скользнув взглядом по номерному знаку ближайшей машины и убедившись, что она не принадлежит к дивизии.

- Имеет значение, - многозначительно ухмыльнулся полковник и начал рыться в нагрудном кармане своей гимнастерки. - А во-вторых, я уполномочен штабом армии. Вот документы.

В это время откуда-то из-за машины вынырнул высокий, тонкий, как жердь, младший лейтенант и, подбежав к полковнику, бойко отрапортовал:

- Товарищ полковник, ваше приказание выполнено. Раненые красноармейцы и семьи начсостава эвакуированы в Минск.

Появление адъютанта полковника стерло зародившиеся вначале сомнения. Однако Маслюков взял протянутые ему документы. Документы были в порядке.

- По ма-ши-на-ам! - зычно и протяжно скомандовал полковник.

Из кюветов, из-под машин начали вылезать солдаты и поспешно карабкаться в кузова, гремя винтовками, противогазами, котелками. То там, то здесь - в кювете или под колесами грузовиков - оставались уснувшие. Их тормошили, расталкивали, сдобряя толчки шутками:

- Подвинься, чего разлегся!

- Приехали, вставай!

- Не храпи, дьявол, немца накличешь!..

Было заметно, что все подбодрены решительной командой и уверенным голосом полковника, который между тем продолжал распоряжаться:

- Интервал триста метров, по одной машине, первая машина - вперед!

К удивлению Маслюкова, Маринина, Лоба, в первых машинах оказались люди, в кабинах сидели шоферы. Где же они были раньше?

Один за другим уходили в ночь грузовики. Колонну больше не обстреливали. Уехала пятая машина. Полковник и командиры, прибывшие с ним, строго следили, чтобы преждевременно не тронулся с места ни один грузовик.

Вдруг впереди затрещали выстрелы, раздались вопли, вспыхнул свет фар. Яркая полоса света вырвала из темноты бегущих людей.

Грянул пушечный выстрел, свет потух, и вместо него костром загорелась машина.

Снова онемело, застыло все в колонне. Тысячи глаз напряженно устремились вперед, на пылающий грузовик.

- Отставить заводить моторы! - скомандовал с металлом в голосе старший батальонный комиссар Маслюков. - Снять пулеметы! Окопаться...

Команду эту передавали от машины к машине. Услышав ее, полковник забеспокоился:

- Кто приказал?! Очередная машина, вперед!

Но водители видели пылающий впереди костер. Боясь, что их машины может постигнуть такая же участь, и получив приказ "своего" комиссара, они решили уйти от глаз крикливого незнакомого полковника. Кабины грузовиков опустели.

Из темноты к колонне приближалась человеческая фигура. Через минуту перед Маслюковым, Мариниым, Лобом и другими собравшимися в голову колонны командирами и политработниками стоял окровавленный красноармеец. Из рассеченной осколком головы хлестала кровь.

Пока бойца перевязывали, он хриплым, простуженным голосом рассказывал о случившемся:

- ...В первых четырех машинах были фашисты. У танков своих остановились, гады! А когда мы подъехали, вскочили на подножки нашей машины, наставили автоматы, кинжалы и шипят: "Ни звука, слезайте, оружие оставляйте в кузове". Готовились, гадюки, следующую машину встречать. А наш шофер молодец: как дал газ - и в сторону. Мы стрелять начали. Тогда

танк, который стоит посреди дороги, выстрелил из пушки. Многих побило, а машина горит...

- А что на это скажет полковник? - недобро спросил Маслюков, оглядываясь вокруг.

Но... полковник со своей свитой куда-то исчез. Командиры недоуменно и встревоженно переглянулись. Маслюков приказал:

- Всем разойтись по колонне. Проверить готовность пулеметов. Занять круговую оборону... Кто знает артиллерию?

Отозвался Маринин, который перед тем, как попасть в военно-политическое училище, был курсантом полковой артиллерийской школы.

- Сколько орудий в колонне?

- Видел четыре пушки. Может, в хвосте еще есть, - ответил Петр.

- Проверь и прикажи приготовиться на случай нападения танков. Через полчаса собраться у моей машины.

18

Зримая, непосредственно ощутимая опасность не так страшна, как неизвестная. Только не допустить паники в минуту, когда враг - вот он, вот!.. Не допустить, чтобы кто-нибудь побежал от колонны, остановить первого же, бросившего вопль малодушия. Солдаты должны чувствовать, что не каждый из них сам по себе, а что есть железная, направляющая рука, есть командиры, которые знают, как нужно поступить даже в такой трудной, страшной своей непонятностью ситуации.

И паники не допустили. Вовремя, без истерики поданная команда, приказание, близость командиров сделали свое дело. Колонна начала готовиться к обороне. Надо было переждать ночь.

К тому же это - пятые сутки войны. Бомбежки и обстрелы, слухи о прорывах и окружениях, немецкие диверсанты и ракетчики уже были не в диковинку.

Командиры, политработники, интенданты разошлись по колонне.

Петр нашел машины, буксировавшие пушки. Из кабины одного грузовика вышел младший лейтенант и представился:

- Младший лейтенант Павленко. Временно командую второй батареей семьсот пятьдесят четвертого полка!

Маринин сообщил ему, что прислан старшим в колонне начальником, и приказал собрать командиров орудийных расчетов. Через несколько минут артиллеристы узнали, что ожидается нападение немецких танков.

Младший лейтенант Павленко взял инициативу в свои руки. Он указал сержантам места огневых позиций, решив поставить две пушки впереди колонны, а две - справа. Слева же колонну

защищали лес и болото...

Вскоре все разосланные Маслюковым по колонне опять собрались у "эмки" начальника политотдела. Отошли на обочину дороги и улеглись на траве. Начали докладывать Маслюкову о проделанном. Младший политрук Полищук Сергей Иванович, помощник начальника политотдела по работе с комсомольцами, белозубый, чернобровый красавец, рассказал, что люди, пришедшие с полковником - отличить их легко по автоматам и брезентовым ремням на гимнастерках, - заглядывают в кузова машин, распространяют панические слухи. Полищук подозревает, что все они переодетые фашисты, бывшие белогвардейцы и сейчас присматриваются к нашему оружию, оценивают наши силы...

У пушки, которую недалеко окапывали артиллеристы, послышался шум.

- Поставь орудие на левую сторону! - требовал чей-то голос.

- Зачем? По воробьям стрелять? - Это возражал сержант, командир орудия. - Со стороны леса танки не подойдут, товарищ младший лейтенант.

- Не рассуждать! От имени полковника из штаба армии приказываю: сейчас же перетащить орудие на левую сторону! Я адъютант полковника!

Младший политрук Лоб торопливо поднялся и побежал к орудию.

- Ты кто такой? - грозно спросил он и, не дожидаясь ответа, твердо приказал: - Руки вверх! Брось автомат!

Младший лейтенант испуганно вытаращил глаза, скосил их на поднятый пистолет. Вдруг он шарахнулся в сторону, и железная дробь автоматной очереди разбудила задремавшую колонну.

Крутнулась земля под ногами Лоба, стала дыбом вместе с колонной, с мечущимися рядом людьми и тупо ударила по голове...

А младший лейтенант продолжал стрелять. Веером разлетались стремительные светлячки трассирующих пуль, кусали борта машин, секли стекла кабин, уносились в звездную глубину неба.

Лежал на обочине дороги и бился головой о пересохшую землю младший политрук Лоб. Бросились в кювет, в траву все, кто был рядом. А "адъютант" "полковника" все стрелял и быстро пятился в поле, надеясь растаять в предрассветных сумерках. Вот он уже минул огневую позицию орудия...

Сержант, ловкий и крепкий парень, улучив момент, когда "адъютант" повернулся к нему боком, подхватился на ноги и со всего размаху ударил его прикладом винтовки по голове. Автомат

захлебнулся...

К месту схватки подбежали Маринин, Маслюков, бойцы...

Маринин дрожащими руками расстегнул набухшую от крови гимнастерку Лоба, а тот в беспамятстве захлебывался в собственной крови, легшей темной дорожкой между уголком рта и подбородком.

- Не надо, товарищи... Не поможет... - вдруг прошептал он. - Жене... Ане передайте в Полоцк, пусть сына назовет Гришей... Бейте фашистов... Отомстите...

Его мокрые, в запекшейся крови губы еще что-то шептали, но разобрать слов уже было нельзя. Лоб раз-другой вдохнул воздух, и глаза его покрылись смертной мутью, застыли, а голова безвольно свалилась набок*.

_____

* Младший политрук Лоб Григорий Романович погиб на рассвете 28 июня 1941 года близ деревни Боровая (примерно в 45 километрах юго-западнее Минска). Шестнадцать лет спустя автору этой повести удалось узнать, что жена Григория Лоба - Анна Иосифовна Лоб, эвакуировавшаяся вместе с другими семьями военнослужащих из местечка Ивье Барановичской области, в ночь на 24 июня 1941 года добралась до деревни Теплухи, что в пяти километрах от города Осиповичи, и 25 июня родила там сына, которого назвала Григорием. Сейчас семья Лобов живет в городе Полоцке.

Молча стояли вокруг товарищи, потрясенные этой неожиданной, нелепой смертью. Не было больше беспокойного, горячего парня Гриши Лоба - хорошего товарища, настоящего коммуниста...

Подошли к убитому "адъютанту". Сержант уже успел расстегнуть его гимнастерку.

- Полюбуйтесь, - встретил он подошедших горькими словами, полюбуйтесь на этого "адъютанта".

На земле лежал фашист-эсэсовец. Под гимнастеркой оказалась черная танкистская форма. В петлицах блестели металлические черепа над скрещенными костями. На груди - фашистский знак. В карманах - немецкие документы и деньги.

- Ясно, что теперь делать? - сурово спросил Маслюков.

- Ясно.

И все, кто был здесь из командиров и политработников, захватив с собой по два-три солдата, пошли вдоль колонны, чтобы уничтожить переодетых гитлеровцев, которые хотели разоружить колонну хитростью, пытались не дать людям организоваться для отпора. Узнавали их по автоматам, по брезентовым ремням на гимнастерках. Без предупреждения

стреляли в упор. На ходу говорили с солдатами, объясняли им обстановку.

Не удавалось найти "полковника" - "представителя штаба армии". Он как в воду канул.

19

Время шло. Приближался рассвет шестого дня волны. Темень ночи делалась синеватой и не такой густой. И вместе с этим росло напряжение людей. Готовились к бою.

На случай, если фашисты упредят готовившуюся на них атаку и бросят на автоколонну танки, вырыли щели, одиночные ячейки, приготовили связки гранат. Нескончаемая цепь окопов тянулась по обеим сторонам дороги. В некоторых из них теснились женщины и ребятишки. Брустверы ощетинились стволами винтовок и пулеметов.

Машины укрыть было некуда, так как враг - сзади, спереди и справа. Слева лес, обрамленный глубоким рвом, а за ним болото.

Старший батальонный комиссар Маслюков и младший политрук Маринин, держа наготове пистолеты, шли вдоль колонны в ее хвост - один по одну сторону машин, второй по другую. Напоминали людям, что скоро в атаку, подбадривали, отдавали приказания пулеметчикам - в атаке не отставать от цепи... И все надеялись столкнуться с "полковником".

Маслюков - суровый, собранный, непохожий на того добродушного насмешника, каким многие знали его совсем недавно; даже походка комиссара стала какая-то по-особому энергичная, а взгляд - властный, повелевающий. Маслюков и не догадывался, что уже само его присутствие в автоколонне, попавшей в хитро расставленную ловушку, придавало людям силу и уверенность. Но наверняка никто не догадывался, что он - этот крупный мужчина с твердым, суровым взглядом - задыхался от злости на самого себя; ведь это он хоть ненадолго, но позволил переодетым фашистам распоряжаться в колонне. Может, поэтому так мучительно хотелось ему лично, своей собственной рукой расправиться с тем "полковником".

Петр Маринин в другое время был бы очень польщен тем, что начальник политотдела дивизии из всех офицеров в колонне взял себе в помощники именно его. Но недавняя смерть Гриши Лоба и то напряжение, которое, кажется, даже в воздухе витало и мешало дышать полной грудью, та угарно-тяжелая атмосфера ожидания боя с настоящим, стреляющим по тебе врагом и все-таки боя, как в глубине души полагал Петр, н е н а с т о я щ е г о - все это заставляло думать о другом, держать сердце и нервы в кулаке, настороженно приглядываться к окружающему. Петр помнил слова старшего батальонного комиссара Маслюкова, сказанные

мм недавно на партийном собрании, что фронт там, где мы, что главное для нас то, что мы сейчас делаем, сию минуту. Значит, и здесь фронт. Фронт - это мы. Однако предстоящий бой, как и вся эта обстановка, в которую попали многие сотни людей, казался ему нелепостью. И Петр внутренне содрогнулся от таких мыслей. Стало не по себе, что и многие другие (а это точно!) думают так же, как и он. Всем страшно погибнуть в этом ненастоящем бою с каким-то случайно встретившимся на пути отрядом фашистских диверсантов-десантников, страшно безвестно остаться лежать убитым на этом зловещем поле, в то время как автоколонна при первой же возможности устремится на восток, туда, где наверняка уже появилась стабильная линия фронта. И что бы там комиссар ни говорил, но фронт - впереди, где-то на старой границе с панской Польшей... Ах, нет, старая граница уже километрах в семи позади! Значит, фронт под Минском, чего тут сомневаться. И надо скорее вырываться из этого пекла, скорее туда, к фронту, и там уже стоять насмерть.

Да, но чтобы вырваться, надо идти в бой, в атаку, надо кому-то погибнуть и, может быть, остаться несхороненным лежать под открытым небом, под знойным солнцем. И это - необходимость, жестокая и ужасная закономерность войны. И нечего здесь распускать слюни, прикидывать, где бой настоящий, а где нет. Фронт - это мы! Здесь, на этом фронте, погиб сегодня чудесный парень Гриша Лоб, разоблачив смертью своей переодетых фашистов и сохранив этим, может, десятки жизней наших людей...

Значит, чтобы ударить по врагу как следует и вырвать из ловушки колонну, надо приказать идти в атаку всем, а командирам и политработникам - впереди...

- Маринин! - окликнул Петра Маслюков, оторвав его от мыслей, которые после сумятицы в голове начали приобретать стройное течение.

Когда Петр перешел на другую сторону колонны, старший батальонный комиссар сказал ему:

- Надо проследить, чтоб народ из приблудных машин не отсиживался в колонне, когда в атаку поднимемся. Видишь, наиндючились как! - И старший батальонный комиссар указал на группу бойцов, молча куривших у грузовика. - Небось думают: влипли с этой колонной, сами бы проскочили. На таких надежды мало.

Петр с восхищением посмотрел на Маслюкова. Ведь начальник политотдела говорил почти о том же, о чем он, Маринин, только сейчас размышлял...

Когда пошли дальше, Петр неожиданно столкнулся у

санитарного автобуса с отцом Ани - военврачом Велеховым. Поблекший, сникший, с блуждающим взглядом, он не был похож на того недавнего, чопорного и гордо носившего себя Велехова.

- Здравствуйте, мой молодой друг, - первым поздоровался он с Марининым каким-то болезненным голосом.

Петр взял под козырек и хотел было пройти дальше, но Велехов придержал его за руку повыше локтя.

- Не дай бог, чтоб Аня моя в такую заваруху попала, - со вздохом вымолвил он, опасливо взглянув по сторонам своими темными, чуть выпученными глазами. - Как думаете, добралась она до Минска?

- Конечно, добралась, - твердо ответил Маринин, хотя далеко не был убежден в том, что говорил. Ему просто было жаль этого растерявшегося человека и неудобно за него.

- А что толку, - хмуро бросил из автобуса шофер, который раздвигал там на полу ящики, узлы, чемоданы, готовя, видимо, "убежище" для начальства. - Говорят, десант в Минске.

- Болтают, а вы повторяете! - зло сказал Петр и, боясь отстать от Маслюкова, пошел вдоль колонны.

Но тут же опять остановился. Он услышал, что шофер - молодой широкогрудый солдат, стоя у своей полуторки, кому-то говорил:

- Товарищ капитан, ваш окоп готов...

- Поглубже делай, - ответил из кабины притворно-сонный голос. Чертовски голова болит...

"Капитан? - удивился Маринин. - Неужели в колонне есть капитан, который отсиживается в машине, когда вот-вот в атаку?" И он заглянул в кабину полуторки. Встретился с вызывающе-враждебным взглядом мужчины с усиками и бакенбардами. На нем была замусоленная солдатская гимнастерка без знаков различия, измятая пилотка. Это был капитан Емельянов, тот самый Емельянов, который в Ильче грозился пистолетом военврачу Савченко и обвинял его в том, что он "сеял панику в близком тылу Красной Армии".

Но младший политрук Маринин не был знаком с этим капитаном. Правда, видел его несколько раз в колонне - бравого и подтянутого...

Зло сплюнув, Петр пошел дальше. С горечью и омерзением думал о том, что в жизни иные подделываются, играют, маскируются словом и позой, создают видимость. А здесь, когда рядом смерть, все слетает - остается то, что есть. Вот и капитан этот, да и Велехов тоже - тут они настоящие, без подделки - жалкие и трусливые.

А ведь всем было страшно. Очень страшно оттого, что не мы,

а фашисты наступают, что не враг, а мы отходим в глубь своей территории. И пока непонятно многое. Почему так случилось? Но сбросить с себя командирскую форму, спрятаться в кабину?.. Как же могло такое прийти в голову здоровому человеку?

Петр как бы внутренним взором оглянулся вокруг себя. Да, все-таки кое-кто поддался панике. Но это одиночки, те, которые, может, в силу обстоятельств оторвались от коллектива - от своих частей, да такие, как этот капитан с бакенбардами, - трусы и шкурники. Остальные - армия настоящая, советская. Каждый готов повиноваться приказу, готов идти на любое испытание бок о бок с товарищами, хотя всем очень трудно.

- Чего отстаешь? - недовольно спросил Маслюков, когда Маринин нагнал его.

- Да там... на суку одну наткнулся, - хрипло ответил Петр, - сбросил форму командира Красной Армии! А вместе с капитанской гимнастеркой небось и партбилет выбросил...

- Сейчас все дерьмо всплывает на воду, - угрюмо ответил Маслюков. - А не знаешь, откуда этот капитан? Не из нашего штаба?

- Не знаю...

- Ладно, разберемся потом. Вон у машин, где раненые, мелькнул, кажется, тот тип - "полковник". Пошли скорее.

"Полковник", накинув на себя красноармейскую шинель, действительно бродил возле раненых. И причиной этому был... младший политрук Морозов.

Прослышав, что в колонне появились представители штаба армии, Морозов случайно наткнулся на "батальонного комиссара" из свиты "полковника" и по секрету сообщил, что он везет с собой знамя танковой бригады, которое ему приказано доставить в штаб дивизии. "Батальонный комиссар" потребовал немедленно передать знамя ему, разумеется, под расписку и, когда Морозов заколебался, побежал разыскивать "полковника".

А затем по колонне пополз слух, что "представители штаба армии" переодетые фашисты. То там, то здесь начали раздаваться выстрелы. Вскоре младший политрук Морозов увидел на обочине дороги убитого знакомого "батальонного комиссара", разглядел эсэсовскую форму под красноармейским обмундированием. Поеживаясь от мысли, что он чуть самолично не передал врагу святыню, сердце бригады, Морозов достал из противогазной сумки знамя и спрятал его на своей груди под гимнастеркой.

Но "полковник" уже знал о младшем политруке с перебинтованной головой и выжидал удобного случая.

Младший политрук Морозов, приметный среди других ходячих раненых по огромной белой повязке на голове,

руководил отрывкой щелей. Часть щелей была готова, и в них снесли с машин тяжелораненых. Работали все. Люба Яковлева уже успела натереть на руке водяную мозоль. Она приглядывалась ко всему с любопытством и, наверное, была чуть ли не единственным человеком в колонне, который не понимал серьезности сложившейся обстановки.

Держась поближе к Савченко, Люба то и дело донимала его вопросами или делилась впечатлениями.

Вот и сейчас... Ночь поблекла, потускнели на небе звезды, и стала отчетливо просматриваться уходящая вправо и влево, в предрассветную мглу, цепочка окопов. Глядя то на окопы, то на полыхающие где-то в стороне вспышки ракет, прислушиваясь к грому отдаленной канонады, Люба, толкнув локтем стоящего рядом Савченко, восторженно прошептала:

- Как интересно, Виктор Степанович...

- Вы сумасшедшая! - сухо ответил ей Савченко. - Это не война, а черт знает что! - Он забрал из ее рук лопатку и направился к роющим землю солдатам.

Люба еще немного постояла, а потом кинулась вслед за хирургом и тут же натолкнулась на вынырнувшего из-за машины "полковника" - переодетого диверсанта.

- А! Что?! - "Полковник" испуганно шарахнулся в сторону, уронил накинутую на плечи красноармейскую шинель, схватился за автомат.

- Здрасте!.. - Люба стрельнула глазами в "полковника". - Спрячьте свою пушку! - И отвела от себя его автомат.

- Ты что, слепая? - ворчал тот, поднимая шинель и стараясь скрыть бившую его дрожь.

- Только на один глаз. А вторым вижу... - Хохотнув, Люба соскользнула в щель, на дне которой лежала Аня Велехова, зажгла электрический фонарь, подаренный ей кем-то из раненых.

- Пить... пить, - шептали черные, потрескавшиеся губы Ани.

Люба присела к девушке, отстегнула от ремня флягу. Сделав глоток, Аня открыла глаза, страдальчески посмотрела на Любу.

- Спасибо тебе... - зашептала она. - Ты хорошая... а я помру. И мама умрет, если узнает... Передай папе... Ты не знаешь моего папу? Он красивый такой, большой... Военврач Велехов... Ох, если б был папа здесь, он бы меня спас...

- Не надо говорить, тебе вредно. - Люба часто заморгала глазами, сдерживая слезы.

- Мне уже все равно... - тихим, покорным голосом ответила Аня, и в уголках ее губ, в маслянистой сини глаз затрепетала смертная тоска. - А ты его... любишь очень?

- Кого?

- Петю... Маринина?..

- Да-а... Очень люблю.

- Я его тоже полюбила... Первый раз в жизни полюбила... - Голос Ани утих.

- А он?! - Люба прижала к груди руки, чувствуя, как дробно застучало сердце. - А он?..

Но Аня не отвечала.

- Виктор Степанович! - в ужасе закричала Люба, выскочив из щели. Скорее сюда! Она... С ней плохо!..

А дальше Люба не помнила толком, что и как произошло. У машин раздался револьверный выстрел, и тотчас там началась свалка. У самых ног Любы шлепнулась кем-то брошенная граната. Она с шипением завертелась на земле и... соскользнула в щель, где лежала умирающая Аня.

Ужасный взрыв в щели бросил Любу на землю...

Случилось все неожиданно. Старший батальонный комиссар Маслюков, заметив "полковника", ускорил шаг, шепнув Маринину, чтоб тот охранял его сзади. В это время к Петру присоединился коренастый, с бледным актерским лицом мужчина в военном, без знаков различия. В его правой руке был зажат пистолет.

- Зря ходишь один, - безразличным тоном произнес военный. - За переодетого диверсанта могут принять.

- Вот "полковника" этого нужно... - Петр указал глазами вперед.

- Да что его проверять! - раздраженно ответил попутчик. - В Барановичах квартиры наши рядом были...

"Неужели и он фашист?" - похолодел Маринин. И оттого, что сейчас нужно было выстрелить в лицо этому человеку, по спине забегали мурашки.

Но как выстрелить? Наган Маринина находился в его левой руке, а в правой - саперная лопатка, которую некстати подобрал недавно на дороге. И только Петр намерился незаметно перехватить оружие в правую руку, как увидел, что Маслюков настиг "полковника" и поднес к его голове пистолет. Человек, шагавший рядом с Марининым, словно наткнулся на стену. Он метнул взгляд на Петра и догадался, что тот понял его мысли, уловил его страх, разоблачил. Маринин, заметив, как дрогнула у его попутчика рука с пистолетом, стремительно отскочил в сторону и со всей силой замахнулся лопаткой. Но человек ловко увернулся от удара, кинулся за ближайшую машину, в секунду успев выстрелить в Маринина и бросить гранату в Маслюкова, который уже расправился с "полковником".

Маринину повезло: взвизгнув над ухом, пуля не попала в

него. И он, ослепленный яростью и чувством опасности, так и не успев перехватить в правую руку туго взводившийся пистолет, настиг своего противника за грузовиком и с остервенением рубанул его лопаткой по черепу...

В это время ахнул взрыв гранаты, оборвавший жизнь славной девушки Ани Велеховой... В колонне все ожило.

- Немцы! - испуганно закричал кто-то из солдат.

На Маринина и Маслюкова тотчас же набросились. Миг - и Петр был сшиблен наземь.

- Разойдись, дай стрельну в заразу! - кричал кто-то, загоняя патрон в патронник.

- Стой, хлопцы, не стреляй! - Маринин, закрывая руками от ударов лицо, старался говорить спокойно. - Посмотрите сперва, кого я убил...

Красноармейцы расстегнули на убитом гимнастерку. Под ней - уже знакомая многим черная эсэсовская форма...

В том месте, где набросились на Маслюкова, продолжалась свалка.

- Отойди, дурак, это начподив наш! - вопил кто-то.

- Маринин!.. Сюда! - звал на помощь Маслюков.

Когда Петр подбежал к Маслюкову, его уже поставили на ноги, с виноватым видом отряхивали.

- Сгоряча не признали, товарищ старший батальонный комиссар! оправдывался кто-то из бойцов.

И тут на Петра вихрем налетела Люба. Она услышала, как Маслюков назвал знакомую фамилию, и, не опомнившись еще от ужаса, какой охватил ее после взрыва гранаты в щели, где лежала Аня, кинулась искать Петра. Увидела его среди солдат, растолкала их и бросилась к нему на шею.

- Петька! Петенька!.. - В эти слова она вкладывала и радость встречи, и горечь пережитого, и все то, что переполняло ее сердце. Невольно брызнули слезы.

А Петр, не успев даже осмыслить, что произошло и почему повис у него на шее этот маленький солдатик в новом обмундировании, вдруг узнал знакомый, заставивший встрепенуться сердце голос, узнал мелькнувшие перед его лицом такие родные глаза и понял, что нашел наконец Любу. Ошпаренный внезапно свалившейся радостью, вытолкнувшей из груди все другие чувства страх, который испытал в схватке с диверсантом, нечеловеческое напряжение, - он ошалело целовал Любу в глаза, в нос, в губы и шептал что-то глупое, ненужное и трогательное.

Опомнился, когда рядом уже не было Маслюкова, а от головы колонны донеслась его команда: "Приготовиться к атаке!" В это

время в воздухе зашуршало и недалеко от машин ухнул, снаряд, второй... Все, кто был вокруг, кинулись к окопам. Петр тоже подтолкнул Любу к кювету, где военврач Савченко перевязывал раненого и где сидел, ожидая Петра, Морозов.

Люба и Петр не знали, о чем говорить, потому что сказать надо было очень многое. И еще не давала сосредоточиться, собраться с мыслями команда: "Приготовиться к атаке". Петру надо было уходить. И он уже сказал Любе, что после боя разыщет ее и они будут вместе.

Но только Петр поднялся, чтобы бежать в голову колонны, как увидел капитана Емельянова.

- Меня ранило! - истерично закричал Емельянов, подбежав к Савченко и зажимая рукой окровавленное плечо.

- Вижу, товарищ красноармеец, садитесь, - ответил Савченко.

- Я капитан, - уточнил Емельянов, позабыв от страха, что на нем нет знаков различия.

- А вот этого не вижу, - сухо проговорил Савченко, глянув в его посеревшее, с трясущимися губами лицо.

- У него баки заменяют шпалы в петлицах, - пошутил младший политрук Морозов.

И только теперь Петр обратил внимание на Морозова.

- Витька! И ты здесь?

20

Оказывается, не так легко развернуть в атаку людей, растянувшихся вместе с автоколонной на несколько километров. Проще было построиться в боевой порядок тем, которые находились в голове колонны, ближе к противнику. Красноармейцам же из самых задних машин, чтобы стать в общую цепь, пришлось подаваться вправо километра на два.

Однако люди, держа локтевую связь, развертывались дружно. И тут случилось непредвиденное. Справа, километрах в двух от дороги, паслись лошади. Их заметили давно. Но никакого подозрения они не вызывали, хотя ночью с той стороны тоже кто-то стрелял по колонне. И сейчас, когда бойцы из задних машин, чтобы развернуться для атаки, поравнялись с лошадьми, во фланг им ударил пулемет. Внезапность ошеломила людей, и они, не обстрелянные, не бывшие в бою, побежали в направлении передних машин, начав свертывать цепь.

- Ложись! - что есть мочи закричал Маринин, которого Маслюков послал на правый фланг обеспечивать атаку. Вместе с младшим политруком Марининым пошел и раненый Морозов.

- Ложись! - передавалась по полю команда.

Красноармейцы залегли.

Маринин вырвал из рук лежавшего рядом солдата связку

гранат и, прикрикнув на Морозова, чтоб лежал на месте, пополз к высотке, где метались испуганные стрельбой лошади.

"Для маскировки приколоты", - догадался Петр.

Действительно, вскоре он заметил темнеющую массу легкого танка, а на ней мигающий светлячок - вспышки выстрелов.

Лошади теперь укрывали Маринина от глаз и огня противника. Пользуясь этим, он привстал и стремительно перебежал к ним. Когда упал, ближайшая лошадь испуганно всхрапнула, метнулась в сторону и сорвалась с прикола. Петр прижался к земле и увидел фашистский танк с черным крестом на башне совсем рядом - в десяти метрах. И все так просто. А враг представлялся каким-то грозным, непонятным. И хотя Петр уже видел солдат в мундирах темно-пепельного цвета, когда с лейтенантом Баскаковым ездил на броневике в разведку, хотя сталкивался с переодетыми диверсантами, ему казалось, что все это не то и не так, как должно быть. А здесь - черный, зловещий крест на броне. Это враг настоящий, фашисты могут вот-вот заметить его, а может, уже заметили и приникли к прицелам. Но пулемет бьет в сторону, туда, где залегли наши.

Петр чувствовал, как бешено колотится его сердце, как напряглось все тело, а правая рука намертво зажала связку гранат. Одна только связка! Метнешь под гусеницу - танк будет стрелять с места, ударишь по башне гусеницы тоже для солдат страшны.

Над головой пропело несколько пуль.

"Еще свои убьют!" - кольнула неприятная мысль.

Одна лошадь вдруг вздыбилась, потом грохнулась на землю. Пуля попала ей в голову. Маринин переполз к затихшей лошади и оттуда заметил: сзади танка следы костра - две рогатки из дерева, перекладина, пепел. Рядом бачок из-под горючего.

"Дрова соляркой поливали", - догадался Петр.

Башня танка повернулась, и Петру уже не были видны вспышки пулемета. Воспользовавшись этим, он быстро подполз к самому танку. Броня мелко дрожала от неугомонного клекота пулемета. Поднял бачок, взболтнул.

"Хватит фашистов напоить". Торопливо снял сапог, сдернул с ноги портянку и надел сапог на босу ногу. Все это делал будто во сне, еле сдерживая озноб, в котором билось его тело. Было страшно. Очень страшно!.. Но танк стрелял, а там гибли люди... Портянку обильно полил горючим, а остальное выплеснул на щели в броне - жалюзи, под которыми находился мотор. Сверху положил портянку и зажег спичку. Как взрыв, вспыхнуло пламя.

Маринин отбежал от горящего танка и с ожесточением метнул в башню, в открывшийся люк, связку гранат.

На востоке все больше разливался багрянец, загорались кромки облаков, расступались сумерки.

- В атаку, вперед! - пронеслась команда.

- В атаку-у!.. - повторил Петр Маринин, вскакивая с земли. Вскоре он уже был рядом с Морозовым, впереди цепи.

После того как поджег немецкий танк, он был переполнен чувством, похожим на озорство и злобную радость. Ему казалось, что с ним теперь ничего не случится, что самое главное, трудное, опасное он уже сделал и новые трудности нипочем. Что-то подобное испытывает только что побывавший в проруби человек, и второй раз ему уже не так страшно окунаться в ледяную воду.

- Ур-р-а! - кричал Петр, не узнавая своего голоса, но радуясь, что ему повинуются.

Вся масса людей, обозленная, остро ощущающая каждой клеткой тела опасность, ринулась вперед. Неотвратимость схватки с врагом заставляла до скрежета зубов, до боли напрячься каждый нерв, каждый мускул. С побледневшими, перекошенными от напряжения лицами, со страшными глазами они неслись, как горная лавина. Каждый чувствовал, что его жизнь зависит сейчас от его силы, ярости, смелости...

Маринин, задыхаясь от бега и сжимая в руках наган, различил на опушке леса окопы, заметил вспышки над их брустверами: фашисты стреляли из автоматов. За окопами шевельнулись кусты, и показалась башня танка. В башню врезался снаряд; взрыв разметал зелень и поджег танк.

Оказывается, машины фашистов - с легкой броней, поэтому-то гитлеровцы и не нападали первыми.

Во вражеские окопы полетели гранаты.

- А-а-а! - протяжно неслось по полю.

В несколько минут фашисты, засевшие в окопах, были смяты.

Маринин стоял на бруствере окопа и вертел в руках черный немецкий автомат. С детской радостью рассматривал он свой первый трофей, добытый в бою. Рядом с Петром топтался младший политрук Морозов, завистливо поглядывая на автомат и причмокивая губами.

Все. Казалось, бой кончился. К дороге уже брели толпы разгоряченных боем людей, вели и несли раненых, стояли над убитыми, не зная, что с ними делать.

Зашагали к дороге Маринин и Морозов. Петру хотелось скорее явиться к Любе с новеньким немецким автоматом.

Никто в эти минуты не думал, что вражеский десант не добит...

Из недалекого леса выползли семь легких танков с черными крестами на башнях и бортах. За ними бежала цепь автоматчиков.

Хлестнули из танков пулеметы, ударили пушки.

- Ложись!.. Ложись!.. - Эта команда Маслюкова бросила всех на землю. - Гранатометчики, впе-ре-ед!.. Огонь по смотровым щелям!..

И бой с новой силой загрохотал над полем. Со стороны дороги опять ударили прямой наводкой три пушки (четвертая была разбита немецким снарядом). Несколько солдат быстро ползли навстречу танкам.

Никто не знал имени красноармейца, бросившегося с гранатами под гусеницы передней машины. Многие не видели, как он подбирался к танку. Заметили только столб огня и услышали оглушительный взрыв.

Нужен был еще бросок в атаку... Наступил момент, от которого зависело все. Или бой примет затяжную форму, и тогда с первыми лучами солнца неизбежно ударят по густой колонне наших машин бомбардировщики; или, еще хуже, уцелевшим немецким танкам вместе со своими автоматчиками удастся смять атакующих, а затем растрепать колонну. Но был и третий выход: еще усилие с нашей стороны, еще несколько человеческих жизней оборвется под гусеницами вместе с грохотом гранатных ударов, еще схватка с автоматчиками - и тогда победа, путь вперед открыт.

Это понимали все. Понимал и старший батальонный комиссар Маслюков, чей голос - зычный и такой нужный для оробевших и нужный для всех - не умолкал в цепи атакующих, которая вновь поднялась над полем боя и устремилась к опушке леса, где опять укрылись, получив отпор от артиллеристов и гранатометчиков, немецкие танки и автоматчики.

Морозов!.. И зачем он, раненный, пошел в атаку? Без него Петру было бы куда легче. Маринин бежал вперед и чувствовал, что у него общий ритм дыхания со всеми атакующими, одинаковое напряжение, одно чувство опасности. А бежавший рядом Морозов часто спотыкался на кочковатой земле, из его горла вырывался свистящий хрип: тяжело было Морозову. И Петр не мог заставить его остаться в колонне. Понимал: каждый человек должен уважать сам себя. А разве будет младший политрук Морозов уважать себя, если, имея возможность держать в здоровой правой руке пистолет, отсидится в тылу, не пойдет в атаку?..

Петр чуть сбавил шаг, и Морозов оказался рядом с ним. Стволом пистолета он на бегу поправляет сползшую на глаза повязку, жадно глотает воздух широко открытым ртом; но глаза - ликующие, озорные. И вдруг Морозов точно споткнулся. С размаху тяжело упал, ударившись лицом о сухие комья земли.

Выскользнул из его руки пистолет, и пальцы судорожно заскребли чернозем. Петр кинулся к другу, повернул его лицом вверх и увидел помутневшие, сатанеющие в смертной муке глаза... Не хотелось верить, что случилось непоправимое.

- Пе-тя... - прерывисто выдохнул Морозов. - Я уже не жилец... Знамя... знамя... возь...

И все. Просто и быстро. Застыли в смертной тоске глаза, на полуслове задубели побелевшие губы... Уже не было Морозова... А ведь смерть всегда казалась чем-то непостижимым, таинственным, потрясающе-ужасным...

Визжат над головой пули. Где-то недалеко ревет танк, захлебывается в свинцовом лае пулемет.

Петр быстро расстегнул на Морозове гимнастерку, достал знамя и спрятал его у себя на груди. Что же делать дальше? Оглянулся и увидел, что прямо на него несется танк - приземистый, крестатый и... совсем нестрашный. Петр даже не подумал о себе, не догадался об опасности: танк мчался на мертвого Морозова.

- Стой, гадина! - дико закричал Маринин и, вскинув автомат, бросился навстречу танку.

Почувствовал, как толкнуло что-то в левую ногу выше колена, а затем поползла в сапог горячая струйка. Споткнулся и всем телом упал в окоп. И тотчас над головой - грохот и лязг железа. Стало темно и смрадно, дохнуло горячим. А потом страшный взрыв и после этого... ничего, пустота.

Младший политрук Маринин очнулся от боли в ноге и от тишины. Может, еще от приторного запаха горелой краски. В окопе было сумрачно и душно. Виднелась вверху небольшая краюшка неба. Петр понял, что танк так и остался над окопом. Но почему тихо? В груди прокатился холодок страха. Встав на ноги, он прикладом автомата начал поддалбливать выход из окопа, перекрытого гусеницей.

Когда выбрался наружу, увидел, что борт танка разворочен снарядом... Вокруг - пустынное поле. Дорога тоже пустынная, вроде и не было на ней сотен машин. Только вон там, далеко впереди, виднеется чей-то "пикап" полугрузовая машина, а возле нее - люди.

Наспех забинтовав левую ногу поверх брюк (к счастью, пуля не задела кости), повесив на шею автомат, Петр побрел к дороге.

Подошел к одинокому "пикапу", возле которого суматошно хлопотал шофер. Увидел в кабине техника-интенданта Либкина. Он опасливо оглядывался по сторонам и торопил шофера:

- Крути... крути, может, заведется.

- Искры нет? - с горькой усмешкой спросил Маринин.

Либкин кинул на Петра негодующий взгляд:

- Далась всем эта искра!..

Маринин познакомился с Либкиным несколько дней назад, когда колонна переправлялась через какую-то речушку. У одной машины, как раз на мосту, отказало зажигание. Шофер суетился, проверял электропроводку, гривенником натирал контакты. Вокруг собралась группа людей. Одни пытались помочь делом и советом, другие озлобленно ругали шофера.

От хвоста колонны подбежал низкорослый, плотный, с явно обозначавшимся животиком человек, запыхавшийся, рассерженный. Это был техник-интендант Семен Либкин. На его носу прочно сидели очки в большой желтой роговой оправе, лишавшие круглое бледное лицо мужской суровости.

- Что такое? Почему не едете?! - напустился он на шофера.

- Искра в колесо ушла, - спокойно бросил тот устаревшую шутку водителей.

- Так возьмите запасную, - невозмутимо посоветовал Либкин, не вникая в смысл услышанного и не подозревая насмешки.

Кругом дружно засмеялись.

- Чего ржете? У меня секретные отчеты в интендантство, а сзади немецкие танки...

- Что же, интендантский склад оставил фашистам, а отчеты спасаешь? едко спросил кто-то.

Либкин посмотрел на всех удивленными, наивными, почти детскими глазами. Конфузливая улыбка расплылась по его лицу.

Маринин знал, что Либкин побаивается бомбардировщиков. Шум моторов заставлял техника-интенданта тревожно осматриваться по сторонам. В такие минуты на его лице была написана беспомощность. Близорукие глаза не могли увидеть в небе самолет. И Либкин наблюдал, как ведут себя окружающие. Стоило кому-нибудь соскочить с машины или побежать в сторону, как техник-интендант приказывал шоферу сворачивать с дороги и маскировать машину.

Ночью, когда колонна у деревни Боровая попала в ловушку, Либкин штыком (именно штыком, потому что лопатки у него не оказалось) вырыл себе щель под своим "пикапом". Там просидел до рассвета. Потом, наказав шоферу не задерживаться на дороге, Семен вместе со всеми побежал в атаку.

И вот сейчас нужно ехать вперед, не задерживаться, а мотор у машины не заводится.

Услышав, что Маринин просит подвезти его, Либкин развел руками:

- Я что, машина бы не возражала.

Маринин с трудом забрался в невысокий кузов, где на

мешках и ящиках с интендантскими бумагами сидели солдаты.

21

Седьмой день войны.

Штаб мотострелковой дивизии полковника Рябова пережидал светлое время в лесу на берегу Птичи. Дзержинск уже остался на западе, по его улицам патрулировали немецкие танки. И теперь всем было ясно, что дивизия не успела перекрыть фашистам дорогу на Минск и что главное сейчас - оторвать полки от противника.

Об этом и вел разговор полковник Рябов, собрав старших командиров у своей "эмки".

- Трудно, товарищи, - говорил он. - Мы потеряли большинство танков бригады, поредели наши полки. Утеряно знамя бригады, которое должно было стать знаменем дивизии. Очень трудно... Помимо тяжелейшей обстановки на фронте, у всех нас и личное горе: мы не знаем, где наши жены, дети, удалось ли им выбраться из опасной зоны...

Лица командиров суровые, сосредоточенные, усталые. В глазах каждого гнездились тоска, раздумье, тревога. Каждый был углублен в тяжелые думы.

- Но мы - солдаты, - продолжал Рябов. - Никакая боль, никакая беда не должны помешать нам выполнить наш долг. Ведь мы не только солдаты нашей армии, но и солдаты партии большевиков... Итак, каждый едет в намеченный ему полк. Задача для всех одна: любыми средствами сберечь личный состав, технику и вывести их из-под удара.

- Разрешите доложить, товарищ полковник! - прервал Рябова чей-то звонкий голос.

Командиры расступились, и к Рябову протиснулся капитан Емельянов. Но не тот Емельянов - жалкий, растерянный, переодетый в замусоленную солдатскую гимнастерку, каким он был в колонне под деревней Боровая. Этот - при знаках различия, бравый и подтянутый, с прямым, говорящим о готовности к повиновению взглядом. Из-под его небрежно расстегнутой гимнастерки виднелись бинты; левая рука покоилась на подвязке.

Рябов оживился, шагнул навстречу Емельянову, спросил:

- Вы один или с оторвавшейся частью колонны?

- Почти все прибыли, товарищ полковник.

- Что же случилось? Отстали или вперед проскочили? Почему разведчики не могли разыскать вас?

- Нас увели с маршрута.

- Кто?

- Переодетые диверсанты.

- Ну...

- Затянули колонну в засаду. Но ничего у них не вышло. Мы спешились, развернулись в боевой порядок и атаковали. Уничтожили восемь фашистских танков, отряд пехоты, две минометные батареи...

- Одна тактика у фашистов!.. - воскликнул Рябов, оглядываясь на командиров. Он думал сейчас о том, что вчера и позавчера переодетые в нашу форму немцы пытались уничтожить командование артиллерийского и одного мотострелкового полков дивизии и захватить материальную часть. Но командный состав полков не дал себя одурачить: диверсанты были разоблачены и перебиты... Конечно, в полках - там проще, там во главе каждого подразделения командир. А здесь - огромнейшая сборная колонна, в которой, кроме малорасторопного штабного офицера Емельянова, кажется, и командовать-то некому было.

- А начальник политотдела разве не с вами был? - обратился Рябов к капитану Емельянову.

- Старший батальонный комиссар Маслюков? - переспросил Емельянов, силясь что-то припомнить и морща лоб. - Кажется, был... Вроде видел я его.

- М-да... - озадаченно произнес Рябов, потупив глаза. - Вас-то в атаке ранило?!

- Да, но это пустяки! - бодро ответил капитан, уставив преданные глаза на полковника.

А тот молчал, размышляя о чем-то другом, видать о старшем батальонном комиссаре Маслюкове. Наконец вспомнил, что надо закончить разговор с Емельяновым, снова обратился к нему:

- Ну, молодцом! - и с теплой улыбкой похлопал капитана по здоровому плечу. - Я так и полагал: в оторвавшейся колонне есть командиры, политработники, значит, порядок будет. Только вот что, капитан, сбрейте-ка вы баки! Такой геройский командир, и вдруг... гусарский вид.

- Есть сбрить баки! - с готовностью повторил Емельянов под смех оживившихся офицеров. - Разрешите выполнять?

- Выполняйте.

И только ушел Емельянов, как возле "эмки" появились старший батальонный комиссар Маслюков, военврач Савченко, Люба. Все отдали Рябову честь, кроме Любы, которая, казалось, ничего не замечала вокруг и ко всему была безразлична. Только нервически подрагивавшие тонкие дуги бровей да сухой блеск в зеленоватых глазах выдавали ее душевную муку.

Маслюков коротко доложил:

- Прибыли, товарищ полковник...

- Мне уже известно, - сухо оборвал его Рябов.

- Я должен повиниться, - грустно усмехнулся Маслюков. - Не

распознал переодетых немцев... Позволил вначале командовать... - и осекся под тяжелым взглядом комдива.

- Потери большие? - сурово спросил Рябов, но тут заметил подошедшего военврача Велехова. - Впрочем, об этом начсандив доложит. Подсчитали потери, товарищ Велехов?

- Одиннадцать убито и сорок ранено, - уверенно ответил начсандив.

Взгляд Любы чуть оживился, и она толкнула локтем Савченко.

- Велехов - отец Ани... - И зажала ладонью рот, заметив, как Савченко приложил к губам палец.

- Так, так... - задумчиво произнес Рябов.

Наступило тягостное молчание. Его нарушил Маслюков:

- Редактор газеты Лоб погиб... Младший политрук Маринин тоже... Маринина танк подмял...

22

Солнце уже поднялось высоко. Давно улеглась пыль на дороге после прошедшей автоколонны. Только тогда тронулась с места машина техника-интенданта Либкина. Катилась она легко и быстро по широкому, ровному проселку. Вокруг стояла зловещая тишина. От земли, увлажненной росой, поднимался теплый, еле уловимый пар, неся с собой запахи ромашки и полыни. Как будто бы и не было пыльных людных дорог, не было ночного боя.

На душе у Маринина муторно. Где враг? Не столкнуться бы вот так один на один, внезапно... Где колонна?..

Вскоре машина поднялась на пригорок. Впереди раскинулась широкая лощина, посреди которой сверкал ручей. Вниз к ручью коленом спадал тракт. Он стлался через мосток и там, далеко, на противоположном склоне, поднимался вверх. Вся дорога по эту сторону ручья на два-три километра была запружена машинами. Влево, на примыкавшем к тракту небольшом проселке, сгрудилась вторая автоколонна. Все - без движения.

В чем дело?

"Пикап" техника-интенданта Либкина пристроился к хвосту колонны. Шофер побежал вперед выяснять обстановку. И тут же вернулся.

- Мост диверсанты повредили, - сообщил он. - Ремонт заканчивается.

Через час колонна двинулась вперед. Но это была уже другая колонна, не та, которую увел после боя старший батальонный комиссар Маслюков. В машинах, ехавших на восток, теснились главным образом женщины, ребятишки и раненые красноармейцы. Ехали без остановки несколько часов. Объезжали по проселочным дорогам занятый немцами Дзержинск. Машины

тряслись по кочкам, переваливали кюветы и уходили в поле, чтобы выехать на другую дорогу.

Прислонившись спиной к кабине, Маринин прислушивался, как ныла рана. Туго стянутая бинтами нога особенно не беспокоила, если машина шла ровно. Но при толчках Петру казалось, что на больное место давят чем-то тупым.

Наконец колонна выехала на ровную дорогу. Дзержинск остался позади. И вдруг мотор машины опять закапризничал - зачихал, стал оглушительно стрелять, тянуть рывками. Съехали на обочину. Шофер начал копаться в моторе. А время шло. Давно промчалась мимо последняя машина. Кончился день, наступила ночь. Вокруг стояла необычайная для этих дней тишина. Только где-то высоко прерывисто гудели немецкие бомбардировщики, а в стороне Минска тяжело бухало. Маринин видел, как там устремлялись в ночное небо пунктирные дорожки трассирующих пуль.

Наконец мотор машины заработал, и "пикап" тронулся с места. Через полчаса догнали длинную вереницу подвод с узлами, чемоданами, среди которых сидели женщины и ребятишки.

Снова остановка. Дорога здесь раздваивалась.

- Куда теперь: прямо или направо? - спрашивал шофер, разглядывая на пыльной дороге следы машин. Но здесь успела пройти голова обоза беженцев, и трудно было разобраться, по какому пути направилась колонна.

- Поворачивай куда-нибудь, не стой, - нервно торопил Либкин. - Сейчас все дороги на восток ведут.

- Очень плохо, что они туда ведут, - угрюмо ответил шофер и повел машину вправо.

..."Пикап" выехал на широкий тракт, по которому, поднимая облака пыли, проходила автоколонна. Вклинившись в нее, машина уменьшила скорость, ибо колонна двигалась не очень быстро. Изредка она останавливалась, и тогда спереди был слышен рев мощных моторов. Маринин решил, что в голове колонны идут танки, и поделился своими соображениями с соседями. Это подбодрило всех. Солдаты оживились, полезли в карманы за табачком.

- У кого есть прикурить?

Спичек в машине больше не оказалось.

Когда колонна остановилась, один красноармеец перемахнул через борт наземь. Через минуту он возвратился и дрожащим голосом прошептал:

- Братцы, колонна-то немецкая! Фашисты... Самые настоящие...

По телу Петра пробежал холодок. У кого-то рядом дробно застучали зубы.

Не успели сидевшие в машине оправиться от неожиданности, собраться с мыслями, как к "пикапу" подошел солдат в немецкой форме. Взявшись рукой за борт, он что-то спросил. На него тотчас же навалились. Кто-то ударил гранатой по голове, тускло блеснул в чьей-то руке штык. Но фашист успел пронзительно закричать.

Спереди и сзади к "пикапу" побежали немцы.

Машина мгновенно опустела. Треснули ружейные выстрелы. Полоснула автоматная очередь. Маринин перевалился через борт на правую сторону "пикапа" и от боли скрипнул зубами. Заскорузлая повязка сдвинулась с места во время прыжка и разбередила рану. По ноге в сапог побежала теплая струйка.

Не успел он сделать и шагу, как на него сразу налетело несколько человек...

Петр, позабыв о боли в ноге, направо и налево бил автоматом. Непослушные руки не могли нащупать и поставить на боевой взвод спуск. На Петра наседали. Упала под ноги сорванная планшетка. Треснула гимнастерка на груди: чья-то сильная рука вырвала карман, в котором лежали документы. И вдруг его автомат заработал. Хлестнула длинная очередь, трассирующие пули ударили в упор по врагам.

Кольцо вокруг Петра раздвинулось вмиг: немцы прятались за машину, падали в кювет, а автомат не утихал. Рывок, и Маринин уже был во ржи. Остервенело трещали сзади автоматы. Но Петр бежал, падал, полз, опять бежал...

Техник-интендант Семен Либкин не сообразил, что случилось. Злой шуткой показалось ему появление гитлеровцев у машины. Сквозь тяжелую дрему слышал стрельбу, возню у машины и никак не мог понять - снится это или наяву. Догадался, что попал в руки врага, лишь тогда, когда его выволокли из кабины "пикапа" и бросили на землю. Близорукими недоумевающими глазами смотрел Семен на людей в зеленых тужурках, и больше всего его сейчас занимал вопрос: "Откуда они так неожиданно свалились?" И оттого, что враги появились так внезапно, Либкин даже не успел испугаться. Мысли разбежались бог весть куда. Ни одну из них Семен не мог поймать, чтобы найти себя, чтобы, зацепившись за нее, начать думать, соображать, что же в конце концов произошло.

- Комиссар? - на ломаном русском языке спросил Либкина высокий молодой немец.

- Ко-ми-сса-ар, - растерянно, не то утверждая, не то переспрашивая, проговорил Семен, совсем позабыв о своем интендантском чине.

Гитлеровцы вокруг зашумели, оживленно заговорили.

- Предупредите конвойных, чтобы не пристрелили комиссара. Его нужно доставить в штаб живым, - распорядился кто-то из офицеров.

Либкин свободно владел немецким языком. Услышав такие слова, он сразу не догадался, что речь идет о нем. Когда его ткнули автоматом в грудь, приказывая идти к машине, Семен съежился, посмотрел в сторону офицера и обиженно по-немецки промолвил:

- Почему у вас допускают хулиганство?

В ответ раздался дружный смех. А офицер, подойдя вплотную к Либкину, посмотрел ему в лицо и сказал:

- Совсем удачная добыча: комиссар, владеющий немецким языком.

Под усиленным конвоем Либкина везли на запад. Большой крытый брезентом грузовик, прерывисто воя мотором, катил по шоссейной дороге, омытой ночным дождем. Навстречу нескончаемой лавиной шли немецкие войска танки, артиллерия, мотопехота.

Либкин сидел в углу огромного кузова и остановившимися глазами глядел на запруженную войсками ночную дорогу, которая была видна сквозь откинутую стенку заднего брезента, словно на экране. На боковых скамейках примостились два автоматчика. У стенки кабины, рядом с Либкиным, на подушке, снятой с какой-то разбитой советской машины, сидел офицер.

Только теперь Семен Либкин понял безвыходность положения, в которое он попал. До этого он, привыкший мыслить медленно, смотреть на все вокруг добродушно, надеялся, что все само собой сложится хорошо.

Офицер, молчавший всю дорогу, вдруг обратился к Либкину:

- Разве известно было русским, что мы собираемся нападать?

Либкин посмотрел на гитлеровца спокойными глазами и ответил:

- Еще как известно...

Офицер вздохнул и, отвернувшись, про себя забормотал:

- Черт возьми! Теперь понятно, почему мы до сих пор не в Смоленске.

В первом же местечке грузовик свернул резко на юг и запетлял по малонаезженным проселкам. Колеса часто громыхали по бревнам мостков, перекинутых через речушку, буксовали в мокром песке на бродах. Либкину было странно, что его увозят куда-то в глушь, далеко в сторону от больших дорог и населенных пунктов.

Ехали через луга, перелески и наконец остановились на

опушке небольшой рощи. Здесь Либкину приказали сойти с машины.

Роща, через которую два солдата и офицер конвоировали Либкина, была небольшой. Сразу же, ступив под сень деревьев, можно было увидеть, как впереди, в прогалинах между стволами, светилось небо - виднелась противоположная опушка, за которой раскинулся огромнейший луг.

Вот и опушка. Здесь Либкин увидел два транспортных самолета, забросанных ветками. Недалеко от них были сложены ящики, бочки - склад боеприпасов и горючего.

На лугу Либкин заметил множество следов от гусениц. Догадался, что легкие танки немцы перебрасывали тоже по воздуху... "Так вот как они оказались в нашем тылу!.." Но о другом не догадывался Либкин: этот аэродром основали переодетые в форму командиров Красной Армии фашистские диверсанты за два дня до начала войны... Никто еще не знал о войне, а на глухой луг, оцепленный "красноармейскими постами", садились по ночам немецкие самолеты... Но об этом - потом...

В лесу взревели моторы. Огромная машина, сбрасывая с плоскостей ветки, вырулила из тени.

Открылся люк, на землю упал трап.

- Быстрей, морда жидовская! - крикнул на Либкина офицер.

Потемневшими глазами смотрел Семен в лицо врагу. За всю жизнь его впервые хлестнули такими словами. Но не от слов было больно. Они, давно отжившие, забытые в Советской стране, утратили всякий смысл и были пустым звуком. Было больно, что вдруг на своей земле, в родном доме его хотят оскорбить, унизить.

Либкин нервным движением руки снял очки, зачем-то протер их и спрятал в карман.

Фашист толкнул пленного к трапу, и Семен медленно начал подниматься по ступенькам.

- Быстрей, свинья! - И гитлеровец снизу больно ударил его в бок.

Либкин резко повернулся. Его бледное лицо выражало ярость. Казалось, он сейчас нанесет фашисту страшный удар сапогом в лицо. Но от неумелого поворота нога Семена соскользнула со ступеньки, и он, беспомощно хватаясь за обшивку самолета, свалился офицеру на грудь. На пленного посыпались удары - тяжелые, остервенелые.

Когда самолет вырулил на край луга, чтобы развернуться и взять разбег, Либкин пришел в чувство. Он увидел себя лежащим на гофрированном, как и вся обшивка машины, полу. Рядом на откидной скамейке сидел автоматчик, прильнув к квадратному

целлулоидному окну и следя, как уползала под крылья огромной металлической птицы трава.

Не поднимаясь, Семен достал из кармана очки и надел их. Самолет потряхивало на неровностях... Каким далеким казался сейчас Либкину его интендантский кабинет, каким далеким был тот добродушный, безобидный Либкин - техник-интендант... Медленно поднялся, ступил к автоматчику и, внезапно навалившись на него всем своим плотным телом, ухватил обеими руками за горло.

Солдат забился, пытаясь вывернуться, жадно ловя ртом воздух. Его правая рука тянулась к рукоятке затвора автомата.

Прочно упершись ногами в гофрированную нижнюю обшивку, Семен душил врага.

Немец задохнулся, посинел, и по его телу волной прокатилась последняя судорога. Тогда Либкин осторожно, как бы боясь разбудить своего противника, отпрянул, поднял скользнувший на пол автомат.

В передней части "юнкерса", за узкой перегородкой, в которой чуть обозначалась дверца, находился экипаж. Не успел Семен сообразить, что делать дальше, как узкая дверца вдруг распахнулась и в ней показался сопровождавший его офицер.

Самолет в это время приблизился к противоположной стороне луга и медленно стал разворачиваться, чтобы потом начать разбег для взлета.

Либкин и не подозревал о присутствии в самолете офицера. При неожиданном появлении фашиста Семен напрягся, подбросил автомат и нажал на спуск. Но автомат не стрелял. Либкин забыл, что вначале нужно оттянуть рукоятку затвора. А фашистский майор, увидев направленное на него оружие, побледнел и, ступив шаг назад, вдруг метнулся в кабину экипажа, захлопнув за собой дверь. Либкин, в свою очередь, кинулся искать выходной люк самолета...

Превозмогая режущую боль в ноге, Петр Маринин все дальше убегал от дороги. В лицо били ядреные колосья не то ржи, не то пшеницы.

...Дорога осталась далеко позади. Там еще трещали выстрелы. Над полем прошуршало несколько снарядов, и тяжелые взрывы ухнули где-то далеко.

Вокруг - ни души. Красноармейцы, устремившиеся вправо и влево от дороги, рассеялись, разбрелись по ночному полю.

Рана не давала покоя. Маринин шел медленно, заметно хромая. В сапоге хлюпало. Нужно было перевязать рану. Но он продолжал идти подальше от дороги. Да и перевязывать было нечем.

И все думал... Вчера, до боя у деревни Боровая, казалось, что самое трудное позади, что дивизия скоро достигнет Дзержинска, займет оборону, подойдут с востока новые силы, и тогда не пройти фашистам. А сейчас? Что же случилось? Гитлеровцы прорвались к Минску. Далеко ли еще удастся им продвинуться? Ведь не может же быть, чтоб они победили! Не может хотя бы потому, что он, Петр Маринин, парень из крестьянской семьи, ставший вместе с миллионами других простых людей хозяином в своей стране, не мыслит для себя иной жизни, чем та, которой он жил.

И вдруг... "Где партбилет?!" - эта мысль ударила, словно током, обожгла, заставила остановиться. Петр судорожно схватился за грудь, где висели клочья гимнастерки.

Правый наружный карман болтался на уголке. Удостоверение личности исчезло. Потрогал левую сторону груди и, счастливый, тихо засмеялся. Потайной карман, пришитый к гимнастерке изнутри (по курсантской привычке), цел. А в нем прощупывалась жесткая книжечка... Под гимнастеркой и широким командирским ремнем плотно облегало тело знамя... Вроде темнота раздвинулась вокруг и боль раны притихла. Кажется, и земля под ногами стала тверже. Сердце забилось ровно и спокойно. Ощутил в руке автомат, а в мускулах силу...

Но что делать ему сейчас? Переодеться? Где-нибудь в деревне выбросить свою военную форму?

Вспомнилось, как совсем недавно, 30 мая, он впервые надел ее и стал офицером. Два года в военном училище от рассвета до темна учился в классах, в поле, на стрельбище, в лагере. Очень тяжело было. Но он твердо решил посвятить себя армии. И после того как сбылась его мечта, как стал он командиром - воспитателем защитников Родины, - снять с себя военную форму, лишить себя высокого звания, уронить честь? Ни за что! Ну а как же? Ранен ведь. Вспомнил, как надевал парадное обмундирование, когда собирался встречать Любу... Люба... Где она? Что думает о своем Петре?..

Петр не знал, что ему делать. Нужно дождаться утра, осмотреться.

Рана ныла все сильнее. Боль наконец взяла верх, и Маринин, подмяв стебли пшеницы, сел на землю. Стрельба на дороге прекратилась. Колонна, видимо, ушла, так как воцарилась тишина, нарушаемая только шуршанием колосьев и порывами ветра. Темнота сгущалась, небо заволакивалось тучами. Надвигалась гроза.

Где-то далеко бесновались собаки. Петр прислушался к этим вестникам людского жилья и сел лицом в сторону, откуда

доносился лай. После передышки решил держать туда путь.

...Через час Маринин стучался в окно крайнего дома деревни. Вышел старик - босиком, в белых полотняных штанах и расстегнутой рубахе.

- Чего? - угрюмо спросил старик, покосившись на немецкий автомат в руках младшего политрука.

- Ранен я, папаша. Перевязаться нужно...

- Сильно ранен?

- Не очень, в ногу.

- Коли не сильно, терпится, могу свести к фершалу, а коли сильно, сюда дохтора позову.

- Фашистов не было у вас?

- Покуда нет. Но раз бежите, ждать долго не придется.

Старик возвратился в сени и крикнул в хату:

- Степка, за фершалом!

Через минуту из хаты выбежал мальчишка лет восьми и, метнув на Петра любопытный взгляд, припустился по темной улице. Старик зашел за угол дома и стал прислушиваться к далекой канонаде у Минска.

Вскоре вернулся Степка.

- Уехал фершал!.. Вакуировался!.. - выпалил он, переводя дыхание.

В сухую землю ударили первые капли дождя. Старик позвал Маринина в хату, завесил окна, зажег лампу и, обернувшись к Петру, ахнул: вся грудь под его разорванной гимнастеркой была красная. Но это не кровь, это пламенело боевое знамя...

Из другой комнаты выглянуло заспанное лицо женщины.

- Мария, поставь на стол еду! - повелительно промолвил хозяин.

Пока Мария ходила за молоком, Маринин начал перевязывать рану. Хозяин достал из сундука чистую холстину, нашелся в доме и йод.

Когда рана была перевязана, старик положил на лавку черные штаны, рубаху и обратился к Петру:

- Надень. Твои Мария постирает и зашьет. А то вишь, гимнастерка рванье одно, а галифе не прогнешь от крови...

В окна барабанил дождь. Хорошо быть в такое время под крышей, есть ржаной хлеб, аппетитно хрустящий под зубами корочкой, и запивать его молоком. Глаза Петра слипались.

- Мария, приготовь постель, - распорядился хозяин.

Наступал восьмой день войны...

- Хлопец, а хлопец! Не знаю, как по имени чествуют тебя. Проснись!

Маринин открыл глаза и увидел над собой хозяина дома.

- Иди глянь в окно. По дороге кого-то несет. Может, упаси господь, немцы? - озабоченно промолвил он.

Приковыляв к окну, Петр увидел, как с пригорка к селу по размокшей за ночь дороге медленно спускались бронетранспортеры с пехотой и машины.

- Немцы!

Оберегая раненую ногу, Маринин быстро оделся. Его обмундирование было выстирано, высушено, отремонтировано и отглажено. Хозяин пытливо смотрел на Маринина, который прятал под гимнастерку знамя.

- Куда пойдешь?

- Наверное, в поле, а там в лес.

- Негоже. С твоей ногой далеко не ускачешь. Ступай за мной.

Пришли на гумно.

- Лезь к стенке, за сено!

Маринин втиснулся между сеном и бревенчатой стеной гумна. В нос ударил запах моха, прелой соломы и мышиного помета. Энергично пошевелив плечами, раздвинул сено и сделал пещерку. Пощупав пальцами стену, догадался, что мохом законопачены щели между бревнами. Из одной щели Петр выковырял мох и начал смотреть на улицу, где вот-вот должна была появиться колонна врага.

Но фашисты остановили свои бронетранспортеры и машины на околице. Солдаты спешились и разошлись по хатам, сгоняя народ на окраину. Над селом висели лай собак, кудахтанье кур, визг поросят. Иногда трещали короткие автоматные очереди. Враги хозяйничали.

Через полчаса на улице, как раз против гумна, где нашел убежище Петр Маринин, собрались женщины, старики, подростки. Толпу крестьян оцепили автоматчики.

Перед людьми появился офицер - маленького роста, с узкими серебряными погонами на мундире.

- Мы пришель вас освободить, - сказал он, - вы нас будете встречать. Мы вас будет фотограф. Поняль?

Крестьяне угрюмо молчали.

- Вы нас будет встречать клеб, соль. Поняль?

Из толпы вышел высокий старик - в капелюхе, сапогах, суконном армяке. Пошлепывая палкой по раскисшей дороге, теребя рукой бороду, он промолвил:

- Понять-то понял, гражданин немец или как там тебя. Но вот что понял? Если слушать тебя - значит, стыд под каблук, а совесть под подошву?

- Никс подошву, никс! Клеб, соль... - распинался гитлеровец, приподнимаясь на носках, словно стараясь казаться выше. - Мы

будем фотограф делай.

Решив, что крестьяне не могут его понять, офицер отдал распоряжение солдату. Тот быстро побежал в дом, в котором Маринин провел ночь, и через минуту вынес оттуда большую круглую буханку хлеба, вышитый рушник и солонку.

Взяв у солдата хлеб, офицер подошел к крестьянам.

- На, матка, клеб, - гитлеровец сунул буханку в руки пожилой женщине и вытолкал ее на середину улицы. Женщина испуганно смотрела на офицера, не зная, что делать ей с хлебом.

- Дожила, Меланья, врагов хлебом-солью встречаешь! - промолвил из толпы тот же высокий старик.

Не успела Меланья ответить, как где-то над крышами соседних домов грохнул выстрел. По селу опять залаяли собаки. Офицер, намеревавшийся было положить Меланье на руки рушник, упал. Меланья вскрикнула и бросилась в толпу, уронив буханку в грязь.

Загалдели, забегали солдаты. На околице фыркнули моторы бронетранспортеров.

Оправившись от испуга, поднялся офицер. Стряхивая грязь, он что-то взволнованно говорил солдатам, указывая пальцем на буханку. Потом поднял хлеб и внимательно осмотрел в нем след пули.

Крестьяне, пораженные таким "чудом", затаив дыхание смотрели на гитлеровцев. Только одна старушка крестилась и шамкала:

- Слава тебе господи... Хорошая примета, хорошая. Не есть им нашего хлебушка! Горький он будет для них, с дымом, с огнем, как эта буханочка...

В щель Петр видел, что солдаты начали шнырять по селу, обыскивая дома, сараи, огороды. Надеялись поймать стрелявшего.

Но поиски были тщетны. Тогда, отделив от толпы крестьян человек двадцать мужиков и баб, фашисты окружили их плотным кольцом.

- Всем остальным ушель! - объявил офицер. - Через десять минут будем стрелять заложников, если не приведете того, кто нас стрелял.

Крестьяне не двигались с места. Толпа словно онемела. Десятки пар глаз напряженно, недобро смотрели на гитлеровцев.

- Ну, пшоль! - закричал офицер.

Солдаты принялись расталкивать, разгонять людей.

Маринину из своего убежища хорошо были видны крестьяне-заложники. Одни были угрюмы, сосредоточенны, другие растерянно смотрели по сторонам, третьи, казалось, спокойно посасывали люльки. Женщины, утирая слезы, теснились

отдельной стайкой.

До сих пор Петр Маринин, наблюдая за тем, что происходит на улице, не мог остановиться ни на одной мысли. Смотрел, стараясь расслышать слова, и чувствовал, что его руки и ноги онемели, сделались непослушными, а где-то в груди сосало, щемило. Казалось, там образовалась какая-то непонятная пустота, и было очень тяжело, тяжело так, что мозг отказывался мыслить, а перед глазами плыли темные пятна, в ушах нудно гудело.

Когда гитлеровцы отделили от толпы крестьян группу мужчин и женщин, Петр понял, что сейчас произойдет что-то ужасное, непоправимое. И стало мучительно больно, стыдно, досадно от своей беспомощности. И страшно оттого, что он оказался в тылу врага, хоть и на своей земле, оказался один, без товарищей, без патронов (в магазине трофейного автомата осталось два патрона), раненый, и не было у него твердого понимания, что он должен делать, как поступать. Петр знал одно: он ни за что не снимет с себя военной формы, не смирится со своим положением... Нужно что-то делать. Но что?.. Главное - не попасть в руки фашистов...

Внимание Петра отвлек появившийся на улице красноармеец. Опираясь на винтовку, он прыгал на одной ноге. Вторая нога - вся в бинтах. Сквозь них выступили пятна сукровицы. Правая рука также забинтована.

Приблизившись к офицеру, красноармеец промолвил хриплым слабым голосом:

- Я стрелял, людей отпустите. - А затем повернулся к крестьянам, как бы извиняясь, добавил: - Один патрон для себя берег... Увидел гада, не удержался. Жаль, что промахнулся. Левой рукой несподручно стрелять.

Офицер с некоторым страхом смотрел на красноармейца, потом повернул его к себе спиной и, подняв пистолет, выстрелил в затылок...

В середине дня, когда гитлеровцы уехали из села, двустворчатые двери гумна скрипнули, и появился хозяин, неся в руках глиняную крынку. За ним, виляя хвостом, плелся рыжий пес. Хозяин был молчалив, угрюм. Косматые, густые брови сдвинулись над переносицей. Из-под них смотрели затуманенные горем глаза.

- Снимай тряпки с болячки! - потребовал сердито.

Маринин поднял удивленный взгляд.

- Снимай, снимай. Лекарь пришел... - И старик потрепал рукой рыжешерстную собаку. - Тебе, товарищ командир, засиживаться в селе нечего, а с такой ногой далеко не уйдешь.

Хозяин сел и поставил рядом на сено наполненную чем-то

крынку.

Петр начал разбинтовывать ногу.

- Ты слышал такую притчу: "Заживет, как на собаке"? - спросил старик.

- Слышал.

- А вот скажи, почему на собаке рана быстро зарастает? Не знаешь?

С этими словами старик поднял крынку и наклонил ее. На разорванную ногу Петра полилась густая холодная сметана. Собака завиляла хвостом и начала облизываться.

- Лижи, Рыжий, не жалко. - Старик взял собаку за ухо и подтащил к сметане. Пес начал лакать языком, а затем вылизывать ногу, рану...

- Так разочка три в сутки полечит, и завтра-послезавтра от твоей болячки останется только рубец, - пояснил хозяин.

Петр старательно перебинтовал ногу, а хозяин все молчал, уставив отсутствующий взгляд в угол сарая.

- Что же делать? Как жить будем? - наконец прервал молчание старик. Нельзя же ему, идолу, спуску давать.

Петр ждал этого вопроса. Конечно, он же политработник, представитель партии в армии, и кому, как не ему, правильно разбираться в происходящем. Он обязан сказать этому суровому и доброму старику, что надо делать. И Петр уверенно произнес:

- Видали, как они сегодня с красноармейцем? То же и с ними нужно. Стрелять надо.

- Оно-то так, - промолвил старик, - сами знаем. Но медведя руками не изнудишь. Вот и я гадаю: может, не следует тебе уходить отсюда? Если много таких здесь останется, не будет идолу спокойствия.

- Нет, - возразил Маринин. - Так можно всю армию распылить, а фашисты тем временем до Смоленска, Киева доберутся. - Худшего Маринин не предполагал. - Я вот, папаша, другое хотел у вас выяснить.

Старик вопросительно посмотрел на Петра.

- Много ли в вашем селе осталось хлопцев, которые могут служить в армии?

- Кто его знает... Есть, - ответил хозяин.

- Их нужно обязательно оповестить: кто сегодня вечером не явится ко мне, тех буду считать дезертирами.

Старик хмыкнул.

- Да, да, дезертирами...

- Ты не стращай! - отрубил вдруг старик. - Они и сами уже оружие собирают...

Деревня, в которой задержался раненый Маринин, лежала в

стороне от больших дорог, по которым устремились к Минску части 39-го танкового корпуса гитлеровцев. Вот-вот можно было ожидать, что в деревне опять появятся фашисты. И Петр спешил скорее стать на ноги.

Вечером рыжая собака опять лизала его рану. Наложив повязку, Петр, опираясь на палку, попробовал ходить по гумну.

- Больно? - спросил хозяин.

- Немного чувствуется, но идти можно. А если удастся коня раздобыть совсем хорошо будет.

Разговор прервали шаги, донесшиеся со двора. На гумно вошел низкорослый мужчина в соломенном капелюхе. Разглядеть его лицо в полумраке было трудно.

- Куда будем собирать хлопцев? - спросил он.

- Много их? - отозвался Маринин.

- Покуда еще неизвестно. Десятка три наберется.

- Хорошо. Тогда пускай захватят харчи, оружие, если у кого есть, и на рассвете собираются на выходе из села...

Когда на дворе стемнело, на гумно прибежал Степка.

- Мать велела вечерять идти.

Маринин зашел в хату. На столе стояла большая глиняная миска, наполненная блинами, рядом поменьше - со сметаной.

Петр отодвинул от себя миску, которая поменьше, и начал жевать душистые, пухлые блины.

- Кушайте со сметаной, - упрашивала хозяйка. Но Петр упрямо отказывался. Перед его глазами стояла крынка, из которой хозяин поливал раненую ногу.

В сенцах стукнула дверь. В хату зашел мужчина в соломенном капелюхе. При свете лампы Маринин вгляделся в его загорелое, заросшее светлой щетиной лицо. Раздвоенный подбородок, глаза - строгие, умные, брови густые, вылинявшие.

Мужчина присел на лавку, снял капелюх, рукавом рубахи вытер со лба пот.

- Сорок шесть человек на рассвете будут готовы, - сказал он. - Село наше большое, народу много.

- Сорок шесть человек! - обрадованно воскликнул Петр.

Кто-то постучал в окно. Мужчина со стариком, который молча готовил для своего временного постояльца мешок с продуктами, переглянулись и вышли в сенцы. Через минуту они вернулись, пропуская через порог впереди себя двух красноармейцев.

Увидев младшего политрука, солдаты остановились, насторожились.

Все молчали, сверля друг друга испытующими взглядами.

- Долго будем так переглядываться? - спросил Маринин.

- А как знать, наши вы или немецкие? - ответил один из солдат.

- Вы одни или есть командир? - спросил Маринин.

Солдаты молчали.

- Зовите сюда командира. С ним мы быстрее договоримся.

Один красноармеец вышел и вскоре возвратился с военным невысокого роста, в накинутой на плечи плащ-палатке.

- Сержант Стогов, - представился вошедший. - Пробиваемся проселочными дорогами на восток.

- Младший политрук Маринин. - Петр протянул сержанту руку. Стогов неуверенно пожал ее и потребовал:

- Разрешите удостоверение личности...

Маринин машинально пощупал нагрудный карман и вдруг сник. Уронив голову, он дрогнувшим голосом сказал:

- Нет удостоверения... Фашисты с мясом вырвали... Вот и ранен.

Стогов пристально смотрел на младшего политрука и с сомнением качал головой.

- Так, так... - затем взял на скамейке автомат Маринина, с любопытством повертел его в руках. - А автоматик-то немецкий...

- В атаке добыл, - пояснил Петр.

- Слушайте вы его! - сердито бросил от порога один из солдат. - Мы уже насмотрелись на таких в нашей форме!.. А этот еще и со своим автоматом. К стенке его!

- Ишь какой скорый на расправу! - вступился хозяин дома. - Эдак ты и меня за чужого примешь.

- Верно, хлопцы, разобраться надо, - поддержал хозяина мужчина с капелюхом в руках.

Вдруг распахнулась дверь, и в дом влетел боец.

- Товарищ сержант, немцы! - взволнованно выпалил он.

Сержант Стогов заколебался, глядя на Маринина:

- Ходить можешь?

- Смогу, если надо.

- Пошли! Вздумаешь бежать - пристрелю.

- Полегче, сержант, - строго сказал ему Маринин. Еще хотел что-то сказать, притронувшись рукой к левой стороне груди, где под гимнастеркой, в потайном кармане, был спрятан партбилет, но его перебил хозяин дома:

- А как же с хлопцами нашими? - старик стоял у порога и требовательно смотрел на Маринина, на Стогов а.

- Возьми пополнение, сержант, - посоветовал. Маринин. - Четыре десятка парней деревенских.

- Ха! - хмыкнул Стогов. - Я вон бойцов с оружием в отряд свой не принимаю...

- Ну и дурак! - негодующе сверкнул глазами Маринин. - Хозяин, спасибо за хлеб-соль. Может, увидимся еще. А ребята ваши пусть сами действуют, не маленькие.

И ушли...

- Ящук, посчитай, сколько нас, - устало говорил утром сержант Стогов, сидя на стволе сваленного, полуистлевшего дерева. На его коленях немецкий автомат, отобранный у Маринина. Вокруг - глухой лес, просвечиваемый косыми лучами только что взошедшего солнца.

- Тридцать два штыка! И семеро раненых, - ответил Ящук - высокий, худой, заросший рыжей щетиной пулеметчик. Он лежал на траве среди таких же смертельно усталых, испачканных землей и кровью бойцов. Белели свежие повязки раненых...

- А этот - в форме младшего политрука - не сбежал? Давай-ка его сюда.

Привели под ружьем Маринина - без фуражки, усталого, злого.

- Ну? - повысил голос сержант Стогов.

- Что "ну"? - сердито переспросил Петр. - Воевать не умеете. Кто же переходит через шоссейную дорогу без разведки? Ведь в тылу противника!

- Мои люди, я командую, - раздраженно ответил сержант.

Маринин едко улыбнулся, покачал головой и повернулся к солдатам:

- А по-моему, тут ни моих, ни твоих нет. Есть наши, советские люди, красноармейцы...

- Ну, допустим, - Стогов недобро скосил глаза на Маринина. - А как знать, кто ты такой?..

- Да наш, чего сомневаться! - сказал кто-то из бойцов. - Разве не видели, как в бою он?..

- Верно! - раздался еще чей-то голос.

- Товарищи, не митинговать! - поднял руку Маринин. - Сержанта Стогова смущает то, что при мне не оказалось удостоверения. Подозрение законное. Однако нельзя забывать, что немцы своих диверсантов в наши тылы без документов не забрасывают. А во-вторых, я вам могу доказать, что... Ну, в общем, сами судите... - Маринин расстегнул пояс и из-под гимнастерки достал знамя, развернул его.

При виде знамени сержант Стогов недоуменно захлопал глазами, затем вскочил на ноги, принял стойку "смирно"; торопливо поднялись с земли и вытянули руки по швам все бойцы, даже раненые.

- Это боевое знамя танковой бригады, которая первой приняла на себя удар фашистов под Гродно, - вдохновенно заговорил Петр. - Бригада остановила врага, уничтожила более ста его танков, но затем была окружена... Мы обязаны сохранить знамя и доставить командованию...

Маринин бережно свернул красный атлас.

- Товарищи, - продолжал он, - наша задача не только сберечь знамя... Представьте себе, что сейчас по лесам движется сто таких отрядов, как наш. И если каждый отряд будет хоть как-нибудь мешать врагу, почувствуют немцы нашу силу?

- Почувствуют, - вразнобой ответили солдаты.

- Да, почувствуют, - подтвердил Маринин. - А мы с вами этой ночью только прятались от немцев, да и то троих человек потеряли. А надо делать так, чтоб враг нес потери, товарищ сержант Стогов! - Голос Маринина зазвучал тверже: - Надо, чтоб для фашистов со всех сторон был фронт... Отряд, слушай мою команду!

- У нас свой командир есть, - недобро сверкнув глазами, подал голос пулеметчик Ящук.

- Свой командир? - переспросил Маринин и, чуть

задумавшись, обратился к Стогову: - Постройте, сержант, свой отряд.

Стогов испытующе смотрел на Маринина и молчал. Заметно было, что сержант колеблется, не знает, как поступить. Наконец, вздохнув, скомандовал:

- В две шеренги становись! Раненые - на левый фланг!.. Равняйсь!.. Смирно... - и, повернувшись к Маринину, четко доложил: - Товарищ младший политрук, по вашему приказанию отряд построен.

- Вольно! - разрешил Маринин.

- Вольно! - скомандовал отряду сержант и пристроился на правый фланг.

Маринин стал перед строем, молча расстегнул гимнастерку и из нагрудного потайного кармана извлек красную книжечку, заклеенную в целлофан. Развернул целлофан и поднял красную книжечку над головой.

- Все вы знаете, - сказал он, - что политработники Красной Армии это представители партии в наших войсках. Вот мой партбилет! Он удостоверяет мою принадлежность к партии большевиков.

Маринин медленно шел вдоль строя, держа на уровне солдатских глаз раскрытый партбилет. И видел, как в десятках глаз загорались трепетные огоньки, выдавая чувства людей. Нетрудно было догадаться, что это за чувства. Парни - дети рабочих, крестьян, служащих, - выросшие при Советской власти, научились понимать, что такое партия большевиков, кто такой коммунист.

- Эта книжечка, - продолжал Маринин, - не дает мне права командовать вами. Она дает мне другое право: быть впереди в бою, быть там, где трудно и опасно. И это не только право, но и обязанность коммуниста. Я ее буду выполнять...

Петр помедлил, повел взглядом по лицам затихших в строю людей.

- Но у меня есть и другая обязанность... Повторяю - обязанность! Маринин, подтянутый, с посуровевшим лицом, повернулся к Стогову: - Сколько вы, сержант, служите в армии?

- Полтора года! - отрубил Стогов.

- Ну, а я три, - улыбнулся Маринин. Заулыбались и солдаты в строю. Но дело, товарищи, не в арифметике. Дело в том, что из трех лет службы я два года учился в военном училище. Командовать учился и солдат воспитывать. Об этом свидетельствует мое воинское звание. Вот оно-то воинское звание - и обязывает меня взять на себя ответственность за судьбу каждого из вас... Итак, принимаю командование отрядом! Своим

заместителем назначаю сержанта Стогова.

- Есть! - с готовностью воскликнул сержант.

- Вопросы будут?

- Нет!.. - дружно выдохнул отряд. И разноголосо: - Все ясно!.. Понятно!.. Командуйте.

- Предупреждаю всех, - напомнил Маринин. - В силу чрезвычайных условий, в которых действует отряд, за нарушение порядка, за невыполнение приказаний буду принимать самые суровые меры, вплоть до расстрела... Сержант Стогов, назначьте головной и боковые дозоры!

- Есть!..

23

Сердце, обожженное пламенем войны... Так часто пишут в книгах. Красиво звучит. А вот если подумать, каково было человеку, когда сердце его только опалялось, когда обугливалась от постигшего несчастья его живая плоть? Не дай бог кому-нибудь узнать эту боль...

И все же сколько людей испытало ее! Испытала ее и Люба Яковлева.

Совсем недавно - восемь дней назад - она сидела в вагоне пассажирского поезда, глядела в окно и мечтала. Мечтала о своем будущем, мечтала о Петре, о всем том новом, загадочном и желанном, что называется счастьем... И вдруг - ужасные взрывы бомб, треск пулеметов, душераздирающие крики. Поезд остановился, из вагонов высыпали люди. А в небе кружили два самолета и хлестали по разбегавшимся пассажирам из пулеметов.

У вагона Люба увидела лежавшего на земле с раскинутыми руками мальчика и женщину, которая, еще не веря, что случилось страшное, непоправимое, судорожно ощупывала дрожащими руками безжизненное тельце.

Пешком добиралась до Лиды. Всю дорогу перед ее глазами стояла леденящая кровь картина: распластавшееся тельце мальчика и рыдающая мать.

А затем - случайная встреча в Лиде с хирургом Савченко, Ильча, Аня Велехова, страшная ночь под деревней Боровая, встреча с Петей и потеря его...

Только восьмой день шла война. Восьмой день!.. А кажется, что позади целая вечность страданий и душевной боли.

И вот наконец они сдали своих исстрадавшихся раненых в полевой госпиталь и сами остались в нем работать.

Госпиталь размещался в двухэтажной деревянной школе и в окружающих ее сельских домах. Жизнь в госпитале, хотя он только позавчера переехал сюда из-под Столбцов, шла своим чередом. Принимали раненых, сортировали, распределяли по

палатам.

В палате тяжелораненых - большом светлом классе на втором этаже дежурила Люба. В воздухе висел знакомый и уже опостылевший запах лекарств. Сидя у окна, Люба задумчивым взглядом смотрела в сторону недалекой автострады, пролегавшей между Минском и Могилевом. Автострада запружена людьми. Нескончаемый пестрый людской поток лился в сторону Могилева...

В раскрытое окно донесся еле уловимый прерывистый шум моторов. Еще несколько томительных минут - и завывающее урчание наполнило палату. Раненые, до этого переговаривавшиеся между собой, умолкли. Наступила тишина...

Люба уловила знакомый нарастающий свист бомбы. Нет ничего хуже, если не видишь, куда она падает, эта свистящая бомба. Поэтому так страшны бомбежки в лесу и в населенных пунктах.

Люба отпрянула от окна, прижалась к стене, съежилась в напряженном ожидании. В такие мгновения хочется стать горошинкой, чтобы в тебя не попал осколок.

Страшный взрыв тряхнул стены. С потолка обвалилась штукатурка, колючими слезами брызнули из окон стекла. Люба кинулась к открывшейся двери. Но на пороге остановилась. Что-то заставило ее оглянуться, и она увидела десяток пар устремленных на нее глаз.

Воздух всколыхнулся от нового близкого взрыва. Люба метнулась к лестнице. Ей казалось, что взгляды тяжелораненых сверлили ей спину и тогда, когда она стремглав бежала по ступенькам вниз, когда вынырнула из завешенной одеялом двери во двор. Но побороть страх и остановиться не хватало сил.

Люба не помнила, как она попала в глубокую щель, вырытую под дощатым забором. Но страх ее не проходил и здесь. Прижавшись к глинистому углу щели, она смотрела вверх - на пикировавший бомбардировщик. Любе казалось, что если бомба упадет даже рядом, то земляные стенки щели сдвинутся и раздавят ее.

Вой самолета уже над самой головой. От его брюха отделился рой черных точек. Мелкие зажигательные бомбы устремились к земле.

Деревянное здание школы вспыхнуло мгновенно. Из щели Любе было видно, как над крышей заплясало пламя. Слух и сердце резанули крики, несшиеся со второго этажа. Перед глазами встала палата, раненые на койках, напряженные взгляды, устремленные на нее, убегающую вниз по лестнице. Люба вскочила на ноги и тут же увидела, как из окон нижнего этажа

выскакивали легкораненые. Им помогали санитары.

- В палаты! На второй этаж! Не трусить! - раздался знакомый голос Виктора Степановича Савченко.

Это "не трусить" точно вытолкнуло Любу из убежища. Когда бежала к завешенным одеялом дверям школы, почему-то вспомнила спор ведущего хирурга госпиталя с дежурным врачом о том, где размещать тяжелораненых - на первом или втором этаже. Решили, что тяжелораненые задержатся надолго в госпитале и им спокойнее будет на втором. А зря...

Согнутая фигурка девушки в белом халате скрылась в дверях горящего дома.

Навстречу дохнуло жаром, в нос, в глаза ударил едкий дым. Люба стремглав пронеслась вверх по знакомой лестнице. Вбежав в палату, наткнулась на ползущих к дверям раненых.

Но какую надо иметь девушке силу, чтоб поднять взрослого беспомощного мужчину? Люба попыталась взять на руки первого попавшегося на пути раненого, однако ей удалось только приподнять его. Волоком потащила к краю лестницы. Потом бросилась за вторым, третьим, четвертым... Израненные люди, превозмогая рвущую тело боль, стараясь заглушить ее диким, нечеловеческим криком, катились вниз по ступенькам, где их подхватывали санитары. Некоторые задерживались на лестнице, их толкали катившиеся сверху.

Грохотали взрывы фугасок. Огонь свирепел с каждой секундой. Горел потолок, горели матрацы на кроватях, еще откуда-то било пламя - в дыму не разберешь. А Люба, тяжело переступая, задыхаясь в дыму, продолжала выносить к лестнице раненых. Уже осталось немного. Две койки, и на них стонущие, задыхающиеся люди... Жгло лицо, шею, приторно пахли обгорелые волосы. Тлела одежда раненого и обжигала руки. Люба слышала над головой треск и, задыхаясь, спешила к лестнице. Казалось, еще минута, и она упадет.

С грохотом рухнул потолок. В лицо ударил сноп искр - колючих, злых. Люба кинулась вниз, вслед за раненым, по уже горящей лестнице. В дыму на ощупь искала дверь. В горячке ударилась головой о какой-то выступ, и тупая боль заставила до дрожи напрячься все тело.

В это время рука наткнулась на дверную ручку. Люба, собравшись с силами, дернула ее. Дверь распахнулась, но это была дверь в какой-то класс. Оттуда в лицо, в глаза Любы с гулом и треском ударило пламя.

От нестерпимой боли она дико закричала и, зажав ладонями обожженные глаза, отпрянула назад... Ее подхватили чьи-то руки.

Вскоре Люба Яковлева лежала на операционном столе. Две

медсестры, с красными от слез глазами, заканчивали накладывать повязки на обожженное тело своей подруги. Все лицо Любы было тоже перебинтовано.

У окна стоял госпитальный окулист - высокий сутулый мужчина - и, разводя руками, говорил Виктору Степановичу Савченко:

- Надежды на сохранение зрения мало.

24

Отряд младшего политрука Петра Маринина действовал так, как десятки других подобных ему отрядов. Больше шли ночью, нападали на фашистов; днем двигались только лесом, не показываясь на открытых местах. Отдыхали урывками. Уже на вторую ночь у большинства бойцов, не имевших раньше оружия, появились винтовки, немецкие автоматы.

Самое трудное было переходить шоссейные дороги. Терпеливо выжидали, выслеживали врага. Держали путь туда, где ночью висели в небе ракеты, куда днем пикировали немецкие бомбардировщики.

Отряд заметно увеличился. В него вливались мелкие группы "окруженцев", пробивающихся на восток.

Возле большой деревни Ячейки взяли у колхозников для нужд Красной Армии шесть лошадей. Колхозники с радостью отдали коней и еще принесли в лес три седла, только взамен потребовали оружие - хотя бы по винтовке за лошадь.

Теперь часть боеприпасов и продукты вьючили на лошадей. Один конь шел под младшим политруком Марининым: раненая нога Петра давала себя знать.

Лес, лес и лес... В верхушках сосен резвится ветер. Шумя и посвистывая, он спадает вниз и перебирает невидимыми руками листья густого подлеска - орешника, клена, граба. Петру чудится, что где-то недалеко шумит водопад. И странно - этот лесной шум кажется ему зеленым... Зеленый лесной шум. И жужжание пчелы - зеленое, и грива коня... И запах прелой листвы, взбитой десятками солдатских ног и копытами лошадей, тоже кажется зеленым. Перед глазами чертит замысловатые линии зеленая искра... Петр уже ничего не видит и не слышит. Лес навеял на него зеленую дрёму, и он забылся в коротком тревожном сне.

Позади трудная, полная опасностей ночь. Вчера немецкий самолет разбросал над лесом листовки. В них предлагалось красноармейцам сдаваться в плен. А на обороте листовок - инструкция о том, как выводить из строя автомашины, принадлежащие воинским красноармейским частям. Немецкие специалисты рекомендовали бросать в баки с горючим по щепотке сахару... Вот Маринин и решил воспользоваться этим

советом при первой же встрече с немецкими машинами.

Но сахару в отряде не оказалось. Маринин решил заменить его солью, которую добыли в одной деревушке.

А когда наступила ночь, начали действовать. Заприметили огромную немецкую автоколонну, остановившуюся на ночевку на окраине какой-то деревни... Удалось засыпать соли в баки всего лишь двенадцати машин. А потом немцы обнаружили убитого часового и подняли тревогу. Но сержант Стогов с группой бойцов, прежде чем скрыться в лесу, успел высыпать остатки соли в два бензовоза...

Маринин услышал, как зачавкало под ногами лошади болото, и проснулся. Пропустил мимо себя отряд, шедший вразброд, колонной по два. Увидел, что люди устали. Особенно тяжело было раненым. Когда снова вошли в чащобу соснового леса, передал по цепи команду:

- Стой!.. Привал!

Солдаты, сняв оружие, молча валились на траву. Маринин спешился и, пустив пастись коня, достал топографическую карту. Вместе со Стоговым вышел на опушку леса.

Из густой поросли молодого ельника смотрели на дорогу, которая в километре от них простерлась за ржаным полем. На дороге застыла огромная колонна немецких грузовиков. У всех подняты капоты, и было видно, как, забравшись под них, копались в моторах водители.

- Не зря ночь поработали! - Маринин радостно хлопнул по плечу сержанта. - Стоят!..

Отряд тем временем продолжал отдыхать на поляне.

Никто не придал значения тому, что высокий рыжий солдат по фамилии Ящук, оставив на траве свой ручной пулемет и прихватив вещевой мешок, воровато оглянувшись на товарищей, подался в кусты.

- Ты куда, Ящук? - окликнул его кто-то.

- До ветру.

За кустами он остановился, прислушался, не идет ли кто следом за ним, и вдруг кинулся бежать в глубь леса...

Вскоре на поляну возвратились младший политрук Маринин и сержант Стогов.

- Барахлят фашистские машины, товарищи! - радостно сообщил Маринин.

- Вся колонна загорает, - подтвердил Стогов.

И тут сержант заметил сиротливо лежавший на траве ручной пулемет.

- А где Ящук? - удивился он. - Ящук!

Ответа не было. Стогов и Маринин прошлись в глубь леса и в

кустах наткнулись на брошенное красноармейское обмундирование. Ясно: здесь дезертир переодевался в гражданский костюм... Это первое дезертирство из отряда.

Сержант Стогов в ярости бросился бежать дальше в чащу леса, надеясь настигнуть подлеца.

Вдруг он остановился и взмахом руки позвал к себе младшего политрука. Вскоре они уже вдвоем сквозь кусты орешника смотрели на небольшую поляну, сплошь занятую отдыхающими красноармейцами.

- Оцепить! - коротко приказал Маринин сержанту, а сам, держа наготове автомат, вышел на поляну.

Красноармейцы, заметив неизвестного, вскочили на ноги, схватились за оружие.

- Кто старший? - строго спросил Петр.

- Нету старших.

- Здесь каждый сам себе начальник, - послышались в ответ голоса.

- Это как же? - недоумевал Петр. - Ну, а кто хотя бы охранение назначает?

- Зачем здесь охранение? - ответил коренастый боец с чуть раскосыми глазами. - В лесу все слышно. Треснет сучок, мы в ружье.

- Эх вы, вояки... А ну, слушай мою команду! В две шеренги становись!

Солдаты переглянулись. Некоторые пытались строиться, но большинство стояли на месте.

- Зачем же строиться? - спросил кто-то.

- Что значит "зачем"? - нахмурился Петр. - Или считаете, что уже конец, крышка?

- Насчет конца никто не говорит, - ответил тот же боец. - Кишка тонка у фашистов, чтоб русских побороть. А нам, верно, крышка, видать.

- Больно спешите панихиду по себе петь. - Маринин оглядел суровым взглядом солдат. - Кто отказывается выполнять мой приказ, отойдите вправо. Вон туда, под охрану.

Бойцы с недоумением посмотрели в ту сторону, куда указывал рукой младший политрук, и заметили, что там из кустов на них направлены стволы винтовок, пулеметов. Оторопело оглянулись вокруг и увидели, что вся поляна окружена. После минутного замешательства, сконфуженные, начали проворно становиться в строй.

- Ну вот, так-то лучше, - заключил довольный Маринин, оглядывая строй. - Можно хоть поговорить, как военный с военными.

Подошел сержант Стогов.

- Составьте список пополнения нашего отряда, - приказал ему Маринин. - По красноармейским книжкам - с указанием частей, места рождения, призыва и времени принятия воинской присяги. Документы смотреть внимательно.

- Есть!

Стогов принялся за дело, а Маринин продолжал знакомиться с отрядом.

- Коммунисты есть?

- Нет, молодежь все. Комсомольцы есть.

- Я комсомолец!

- И я.

- И я.

- Я тоже! - раздавались голоса.

- Прекрасно, - радовался Петр.

Вдруг его внимание привлек стоявший на левом фланге человек с зелеными петлицами на гимнастерке; в каждой петлице - по два кубика. Сам коренастый, плотный, и очень знакомое лицо... Вглядевшись в него, Маринин вдруг узнал... Семена Либкина! На носу техника-интенданта не было, как всегда, очков, и от этого лицо его казалось каким-то странным, чужим. Близорукие глаза непрерывно щурились.

- Техник-интендант Либкин? - шагнул к нему Петр.

- Ах, это вы, юноша? - без особого энтузиазма ответил тот. - Слышу знакомый голос, а распознать без очков не могу... Теперь узнаю.

Отошли в сторонку, чтобы не мешать сержанту Стогову составлять списки.

- Удивительная встреча! - все еще не мог прийти в себя Петр.

- А чему удивляться? - устало ответил Семен. - Я сейчас бы не удивился, если б даже самого себя в лесу встретил.

25

Начались взаимные расспросы.

Либкин поведал Маринину историю своего побега из плена.

- Задушил одного гада, а майора перепугал до смерти и выскочил из самолета. Добро, что взлететь "юнкерс" не успел... Ну а потом - в рожь, в кустарник. Удирал, сколько сил было. Только вот очки потерял! - сокрушался Семен. - Теперь слепой. Заметил ночью в поле коня, хотел поймать, чтобы подъехать на нем. А подойти боюсь - никак не разберу, где у него хвост, а где грива. Вдруг цапну за зад, а он ногой в зубы. Так и пошел пешком... А под утро познакомился с председателем колхоза, - Либкин указал глазами на пожилого красноармейца-усача, который разговаривал со Стоговым. Любопытные вещи рассказывает!

Стогов же недоумевал: перед ним стоял в красноармейской форме усатый дядька с морщинистым, загорелым лицом и, показывая военный билет, убеждал, что он добровольно вступил в Красную Армию, разжился по дороге обмундированием и сейчас пробирается на фронт.

"Диверсант", - с холодком в сердце подумал сержант Стогов, но не знал, как убедиться в своей догадке.

В это время подошел Маринин. Взял военный билет усача, полистал его, посмотрел на новенькое, чуть примятое обмундирование, в которое был одет председатель колхоза, и приказал: "Пойдем, поговорим".

Председатель рассказал действительно невероятную историю... Родом он из небольшого села, которое затерялось среди лугов и болот в средней пойме Припяти. Колхоз его из-за недостатка пахотной земли маломощный. Главное богатство артели - сенокосные луга.

И вот за два дня до начала войны в село пришли три командира - майор и два капитана, все в летной форме. Потребовали собрать правление колхоза.

На правлении показали свои документы и объявили: дальние луга колхоза занимаются на неделю для нужд Красной Армии. Будут маневры. За потраву сена командование вносит в кассу артели компенсацию - сумму денег, которую назначит колхоз.

Председатель колебался: с районом надо бы посоветоваться. Но тут же майор объяснил, что вопрос согласован с областью и, больше того, луга уже оцеплены красноармейскими постами. Надо объявить населению, что появляться там никому не разрешается.

Делать было нечего. И если говорить по правде, колхоз даже выигрывал: сено в этом году зародило так, что не хватит рабочих рук вовремя убрать его. К тому же командиры не торговались - согласились уплатить сумму, которую назначило правление. Затем подписали договор в двух экземплярах, закрепили его гербовой печатью. Оформили бумагу для перечисления воинской частью денег на банковский счет колхоза.

А ночью крестьяне видели, как мигали на дальних лугах огни, слышали рокот приземлявшихся там самолетов.

Только спустя несколько дней после того, как началась война, председатель узнал ужасную правду: на луга его колхоза садились немецкие самолеты, выгружали они там отряды автоматчиков, легкие танки, горючее, боеприпасы. Узнал случайно, после того как в селе появились немецкие мотоциклисты, и председатель, сев на лошадь, умчался в луга, чтобы предупредить своих. Но вместо своих увидел пепельные

мундиры гитлеровцев и желтокрылые "юнкерсы" с черными крестами на фюзеляжах.

Маринин был потрясен. Как все просто! И как все страшно! Многое фашисты взвесили: любовь и доверие народа к Красной Армии, чью-то беспечность, оторванность далекого села от районного центра... Но ведь самолеты немцев пересекали нашу границу не один и не два раза! А самолет не муха! Замечали же их, докладывали... Неужели никого не беспокоило, куда и зачем они летают? Где и кто те люди, которые должны отвечать за это?.. Многое казалось непонятным. Ведь слышал же Петр, что первые часы после начала войны не было приказа открывать огонь по врагу. Где-то в высших штабах не верили, что на границе не провокация, а решительные боевые действия германской армии...

А сейчас, когда Петр услышал рассказ председателя колхоза, ему впервые стало страшно оттого, что он может погибнуть. Казалось, он узнал, понял такое, чего не знают, не поняли там, за линией фронта, да и в самой Москве... Надо обязательно выйти к своим, чтобы рассказать все.

Вдруг вспомнил, что из отряда дезертировал пулеметчик Ящук. Скорее, скорее уходить от этого места, запутать следы!..

Не стали дожидаться ночи. Назначив головной и боковые дозоры, Маринин скомандовал отряду двигаться вперед.

26

Одиннадцатый день шла война...

Отдых в глубине леса близ шоссе, по которому катился непрерывный поток немецких танков, артиллерии, грузовиков, был тревожным. Отряд Маринина ждал ночи, чтобы незаметно переправиться через небольшую с заболоченными берегами речку Птичь - приток Припяти.

Перед вечером из разведки вернулась группа солдат. Старший группы доложил Петру:

- Путь разведан до дороги, что идет за Птичью с севера на юг. Дорогу можно перейти в любое время. Когда возвращались, то в лесу, в двух километрах отсюда, обнаружили замаскированную машину. На посту стоит красноармеец - уже пятый день. Ждет, что за ним вернутся...

- Что в машине?

- Не говорит...

- Может, продовольствие? - забеспокоился Либкин. Он теперь ведал продснабжением отряда.

Через двадцать минут Маринин, Либкин и пять бойцов были у машины.

Вид у красноармейца, охранявшего грузовик, был страшный: потемневшее, густо заросшее лицо с ввалившимися щеками, глаза

точно больные трахомой; гимнастерка заскорузла от пота и пыли, и, может быть, поэтому комсомольский значок на ней сверкал такой неестественной свежестью и чистотой.

Красноармеец вначале подпустил только Маринина.

- Документы, - потребовал он.

- Не видишь разве? - Петр указал на звезду на рукаве своей гимнастерки.

- А родом откуда?

- Из-под Винницы.

- Может, земляк, товарищ младший политрук?! - издали бросил кто-то в шутку.

Услышав слово "товарищ", красноармеец оживился. Губы его растянулись в улыбке, измученное, посеревшее лицо прояснилось.

- Свои, свои! - радостно повторил он несколько раз, а затем осторожно вынул из гранаты запал. - Это я приготовил, чтобы в машину бросить, если фашисты придут, - пояснил боец и жадно посмотрел на флягу, висящую на ремне Маринина, облизнул сухие, потрескавшиеся губы.

Петр перехватил его взгляд, подал флягу. Солдат пил жадно, долго. Потом рассказал о себе.

Оказывается, пять дней назад на Бобруйск отступал какой-то саперный батальон. Невдалеке отсюда колонну атаковали немецкие бомбардировщики. Несколько машин и этот грузовик с саперным имуществом были повреждены. Грузовик оттащили в глубь леса. Командир роты поручил охранять его бойцу Скорикову.

- Ждите здесь, пока не пришлем машину под груз, - приказал он.

Сейчас Скориков не знал, как быть. Он и сам уже не верил, что смогут вернуться за имуществом. Но приказ...

- Снимаю вас с поста и зачисляю в отряд, - объяснил солдату Маринин.

Из машины выгрузили часть взрывчатки, бикфордов шнур. Остальное вечером, перед уходом, облили бензином и подожгли.

В пути Маринин услышал, как один парень, белорус, сказал Скорикову:

- Командир-то твой хорош! Оставил, мол, под охраной, и с плеч долой. А сколько ты еще стоял бы?

- Сколько нужно, - сердито ответил Скориков.

- Пока фашисты смену не прислали бы, - бросил кто-то.

На привале Маринин построил отряд. Ночь звездная, непривычно тихая. Рядом на поляне аппетитно щипали траву лошади.

- Красноармеец Скориков, пять шагов вперед! - скомандовал

младший политрук.

Боец вышел из строя и повернулся лицом к товарищам.

Маринин не умел говорить красивых речей. Но на этот раз слова его проняли душу каждого. На самом деле, разве не подвиг совершил Скориков? Зная, что кругом враги, что каждую минуту его могут обнаружить, он все же не покидал своего поста, свято выполняя приказ командира.

- За честное служение Советской Родине, - заканчивал свое слово Петр, - за отличное выполнение боевого задания от лица службы красноармейцу Скорикову объявляю благодарность!

- Служу Советскому Союзу! - взволнованно ответил солдат.

Идти стало труднее. Взрывчатка, которую взяли в автомашине, хотя и была распределена между тремя десятками солдат, легла на плечи отряда тяжелым грузом. Вскоре Маринин вынужден был спешиться и отдать свою лошадь под вьюки. Рана беспокоила уже меньше, и, если не встречалось на пути болото или непролазь мелколесья, Петр шел бодро.

Великое дело карта и компас!.. Как идти по ночному лесу, по бездорожью, не рискуя попасть в трясину, в карьеры торфоразработок или войти в деревню, занятую врагом? Как узнать, что ждет впереди, какие неожиданные преграды?

Спасали топографическая карта Ц компас. Засветло сориентировавшись на местности, проложив по карте маршрут и определив азимуты на каждый отрезок пути, Маринин выделял счетчиков шагов. Солдат, которому поручено было отсчитывать шаги на глухих, безориентирных участках, через каждые сто пятьдесят шагов клал в специально освобождавшийся карман палочку. Десять палочек - километр пройденного пути... И это позволяло в любую минуту знать, где, в какой точке находится отряд, позволяло намечать наиболее короткий и безопасный путь. Если же впереди отряду предстояло пересечь дорогу или речонку, шагов не считали, а шли напрямик, сверяя направление своего движения с компасом. Впрочем, таких отрезков пути было больше.

Этой ночью тоже шли напрямик, через лес, перелески, луга и массивы хлебов, зная, что к рассвету должны упереться в небольшую речушку. А там еще несколько переходов, форсирование Птичи - и Березина! Все были уверены, что на Березине стоит фронт.

Говорят, что в летние месяцы туман рождается на рассвете. Ничего подобного. Уже к середине этой ночи туман стоял на каждой поляне, клубился в низинах - даже самых маленьких. Он пластался по земле и до того был густой, что, шагая в нем, солдаты не видели своих ног, и чудилось, что ты несешь свое тело

по воздуху.

На рассвете вышли к речке. Она вся тоже утопала в белесом тумане. Вроде и речки самой не было, а стоял между двумя стенами леса туман густой, белый. Казалось, войдя в него, взмахни руками - и поплывешь.

Где-то недалеко слева грохотали моторы. Привычным ухом Маринин легко различил танки. Посмотрели на карту. Если не отклонились в сторону, то рядом деревня Залужье. Через нее пролегает дорога, которая затем раздваивается и одним рукавом уходит на север, к автостраде Минск Могилев, другим - на юго-восток, к Бобруйскому шоссе. На краю деревни мост через речку; это, видать, у моста грохочут танки.

Вскоре вернулся из разведки сержант Стогов с двумя бойцами. Доложил, что рядом действительно деревня, но, как называется, не выяснил. Мост через речку у деревни взорван. Рядом с ним немцы навели понтонную переправу. По ней проходят сейчас танки и тягачи с пушками.

Бойцы отряда, разлегшись на росной траве, отдыхали, кормили размоченными сухарями лошадей.

Маринин подозвал к себе Скорикова - солдата, которого сняли с поста у машины со взрывчаткой.

- Вы сапер? - спросил у него.

- Да.

- Сумеете точно рассчитать количество бикфордова шнура, чтоб горел он, пока плот со взрывчаткой доплывет к мосту?

- Один момент, товарищ младший политрук, сейчас проверю скорость течения воды...

Через час все было готово. Точно рассчитали расстояние к понтонной переправе немцев, отмерили нужное количество бикфордова шнура, связали плот и уложили на него почти всю взрывчатку, которая была в отряде. Затем подсоединили шнур к капсюлю-детонатору, заложили зажигательные трубки в толовые шашки, и... огонек от спички побежал в глубь шнура. Оттолкнули плот со взрывчаткой на середину речки и сами - быстрее к броду, на ту сторону...

Ускоренным шагом шли в глубь леса, стараясь скорее оказаться подальше от речки, и напряженно прислушивались к тому, что делалось там, на переправе. Не прибьет ли плот к берегу? Не заметят ли его фашисты раньше времени? Но не должны бы. Русло речки прямое, и туман такой - в двух шагах ничего не видно...

В стороне переправы по-прежнему урчали моторы, раздавались выкрики команд. И вдруг лес озарился яркой вспышкой. Кажется, в чистом небе полыхнула молния. И тотчас

тяжелый грохот подмял, сдавил все живое. Дохнуло упругим ветром, всколыхнуло на полянах туман. Грохот оборвался, а затем снова родился где-то впереди, в лесной чаще. Но это уже было эхо.

Моторы на переправе утихли, и оттуда донеслись истошные вопли. Было ясно, что плавучая мина достигла цели...

Когда рассвело, отряд находился уже далеко от деревни Залужье. Над лесом несколько раз пролетал самолет-разведчик, и Маринин отдал приказ усилить маскировку.

В это утро еще одно событие взволновало отряд.

Дозорные наткнулись на дом лесника, и, когда доложили об этом Маринину, он принял решение наполнить фляги колодезной водой - всем уже надоела пахнущая болотом и торфом речная вода.

Сержант Стогов зашел в дом, чтобы попросить ведро, и вдруг увидел там... пулеметчика Ящука, сбежавшего из отряда. Ящук, переодетый в измятый гражданский костюм, заросший и усталый, сидел за столом и жадно хлебал щи. У печки возилась старуха хозяйка.

- Руки вверх! - грозно скомандовал дезертиру Стогов.

Под ружьем привел Ящука к месту стоянки отряда. Его тотчас окружили солдаты.

- Братушки... товарищи... - срывающимся голосом шептал Ящук, затравленно озираясь по сторонам. Вокруг - хмурые лица, негодующие глаза.

- Змея тебе товарищ! - оборвал его Маринин. - Куда собрался?

- У меня дом рядом... Мать старая, куда же я пойду с вами? - Ящук упал на колени, поднял трясущиеся руки. - Братушки... Пощадите...

- Шкура!

- Предатель!

- Пулю ему! - раздавались возгласы.

- Становись! - сурово, отрывисто скомандовал Маринин отряду. Равняйсь!.. Смирно!.. - Затем повернулся к Ящуку, все еще стоявшему на коленях: - Встать!

Вид дезертира был жалок - у него тряслись колени, руки, дрожали губы, глаза безумно метались из стороны в сторону.

- Военную присягу принимал? - спросил Маринин. Потемневшие глаза Петра - грозные, колючие.

- Принимал... - еле выдавил из себя Ящук.

- Как наказать предателя? - обратился младший политрук к отряду.

- Расстрелять! - твердо ответил Стогов.

- Расстрелять, - повторил Скориков.

- Расстрелять... - прошептал Либкин.

- Расстрелять... Расстрелять... Расстрелять... - перекатывалось от человека к человеку вдоль строя. Лица людей суровые, полны решимости и воли. Нет, это не остатки разбитых войск, не деморализованные силы. Это солдаты, которых ничто не сломит.

- Именем Советской Родины приказываю: расстрелять дезертира Ящука! сухо произнес Маринин.

- Расстрелять из его же пулемета, - добавил кто-то.

- Братцы... братушки! - Яшук ляскал зубами, задыхался. - Как же так сразу?.. Братушки... пощадите... Я в бою лучше, я что угодно сделаю...

Но ни тени сочувствия в десятках глаз. Только презрение и ненависть. И Ящук, точно в нем что-то надломилось, безвольно уронил голову, обмяк весь. Он понял, что пощады не будет.

Короткая пулеметная очередь оборвала жизнь дезертира.

Тревожно шумели ели... Отряд продолжал путь.

Маринин вел своего коня на поводу и поддерживал разговор с Либкиным. Семен, впервые видевший, как расстреливают человека, не мог прийти в себя.

- Как можно в такое время дома отсиживаться?! - возмущался он. - И вообще... Побыл я одну ночь в руках фашистов и многое понял... Не умели мы ценить ту жизнь, которой жили.

- Положим, не все не умели, - перебил его Петр.

- Не знаю, кто как. Я о себе скажу, - волновался Либкин. - Вот призвали меня зимой в армию, и я готов был жалобу писать. "Какой же из меня, очкарика, военный?!" - думал я. А сейчас понимаю: не хотелось мне расставаться со всем привычным. У меня в Нежине семья, квартира большая, старики родители... Хорошо жилось. Каждое лето в Одессу или в Крым на курорт ездили.

- А я никогда моря не видел, - вздохнул Маринин.

- Да ну?..

- Во сне только видел море, курорт, - продолжал какую-то свою мысль Маринин. - Бывало, мальчонкой, проснусь и думаю: стать бы мне сразу большим и сильным да поехать к морю...

- Летом красота там! - заметил Либкин.

- Я в селе рос. В селе самая работа летом. - Петр вздохнул. - А о курорте слышал я от нашего сельского фельдшера. И мечтал: стать большим, поехать к морю, отыскать тот курорт, где от туберкулеза лечат, и свезти туда мою покойную мать... Туберкулезом она болела...

- А я все о том, - перебил Либкин, - что не всегда ценили мы блага, которые нам дала Советская власть. Полагали, что иначе и быть не может. Понимаешь?.. А я понимаю. Я особенно понял,

когда фашист начал бить меня в морду и обзывать всякими непотребными словами. Я даже ужаснулся, что кто-то, оказывается, еще может так обращаться с человеком. Это же ужасно! Он себя считает человеком, а тебя скотом и заявляет, что тебе нет места на земле.

- В том-то и дело, - согласился Петр. - Драться надо... Иначе ни тебе, ни мне, никому, кто не захочет быть рабом, не найдется места под небом. В землю вгонят нас фашисты.

- Вот-вот! Я об этом и говорю. Фашистов мы победим, это факт. Но это еще не все. Ведь что было? Жили мы настоящей жизнью, а все же исподтишка поругивали ее. То нам не нравилось, что на базаре сало без шкурки продают, то в поездах казалось слишком тесно... Нет, побьем немцев, приеду я в свой Нежин, соберу родню и скажу: давайте жить лучше.

- В общем, ты правильно мыслишь, Семен. - И Маринин дружелюбно похлопал Либкина по плечу. Ему все больше нравился этот добродушный и откровенный человек.

27

Надвигался вечер, неся желанную прохладу.

Петр Маринин, взобравшись на грушу-дичок, что росла на опушке соснового бора, пристально всматривался в сторону недалекого села. Хорошо бы заскочить туда ночью да пополнить скудные запасы продуктов. Но надежд мало. По дороге, огибавшей село, часто проходили колонны грузовиков. Многие из них сворачивали на проселок, нырявший в невидимый отсюда овраг, над которым возвышалась четырехгранная верхушка трубы какого-то небольшого завода, не обозначенного на карте Петра. Что там, в овраге?

Было видно, что по селу разъезжают мотоциклисты, прохаживаются солдаты. Да, пробираться в село опасно.

Вдруг откуда-то со стороны донесся женский голос - протяжный, плачущий. Вскоре Петр заметил и саму женщину. Она вышла из лесу немного впереди того места, где залег отряд, и направилась через луг, поросший мелколесьем, к деревне. Вслушавшись в причитания женщины, Петр разобрал слова:

- ...Чтоб мать так плакала твоя!.. Чтоб твои дети без молока остались!.. Ворюга бессердечный!..

- Задержать! - приказал Маринин сержанту Стогову, стоявшему под грушей.

Через несколько минут немолодая женщина, всхлипывая, рассказывала Петру:

- Спрятала корову от немцев, так свои нашли. А чем мне детей кормить?.. Все фашисты забрали...

- Кто забрал корову?

- Наши хлопцы. За оврагом огонь расклали. Уже, наверное, зарезали Маньку.

- Ведите скорее туда, - распорядился Маринин и вместе со Стоговым и тремя бойцами направился в сторону, куда указала женщина.

Пробежали овраг, по дну которого протекал ручеек, и услышали запах дыма. Вскоре увидели пляшущее пламя костра; возле него сидело человек десять красноармейцев. Все обросшие, грязные, смертельно усталые. Недалеко стояла привязанная к дереву корова.

- Стойте, - тихо приказал Петр Стогову и бойцам. - А то сдуру стрелять начнут.

Подоспела отставшая было женщина.

- Вон тот басурман забрал корову, - взволнованно объяснила она, указывая из-под куста на огромного детину, что точил на камне плоский штык.

Совсем недалеко Маринин заметил часового. Он сидел на пне и, уставив невидящие глаза в землю, странно, точно спящий, покачивался. Услышав за кустом шорох, часовой с трудом приподнялся и тут же упал на землю, громыхнув винтовкой о пень.

- Голодный обморок, - вздохнул Петр и решительно направился к костру.

Огромный детина - грудастый, широкоплечий - оказался сержантом. Перестав точить штык, он скрестил напряженно-настороженный взгляд со строгим взглядом Маринина. Потом нехотя поднялся на ноги, сделал шаг навстречу Петру. Рассмотрев на его гимнастерке знаки отличия политработника, вдруг начал истерично хохотать.

- Братцы! Политрук к нам пожаловал! - сквозь хохот проговорил сержант. - Пришел политинформацию читать на тему "Ни шагу назад, вперед на Берлин!".

На лицах бойцов мелькнуло подобие улыбок - горьких, усталых, безразличных.

- Давай, товарищ политрук! - скоморошничал сержант, подступая к Маринину. - Засвети вопрос о солидарности мирового пролетариата. Только извини, конспектировать не станем, не то время. Крой, начинай с трехаршинной цитаты о том, что будем воевать только на чужой территории!..

Петр почувствовал, как стыд жаром обдал его лицо. Ощутил какую-то вину перед этими опустившимися парнями. И в то же время в груди шевельнулась злоба: сержант издевался над его, Маринина, душевной болью, глумился над общей бедой...

Петр не удержался, когда сержант надвинулся на него грудью

и приблизил в страшном оскале лицо, одним ударом свалил его на землю. Этот удар словно вернул сержанту силы: он мгновенно вскочил на ноги и поднял кулак, в котором был зажат штык. В дикой ярости Петр кинулся навстречу. Но в это время Стогов резко оттолкнул его в сторону и, рванув на своей груди гимнастерку, тихо сказал сержанту:

- На, бей...

Сержант будто протрезвел. Беспомощно оглянулся на своих товарищей, которые вскочили на ноги и схватились за оружие, опустил руку и, по-детски всхлипнув, обессиленно опустился на траву, выронив штык.

- Мародерствуете? - не мог прийти в себя Петр. - Своих грабите?

- А ты глазелки протри! - подал от костра голос щуплый, с перебинтованной рукой солдатик. - Мы у немцев корову отняли. Вон они!

Маринин вопросительно посмотрел на раненого красноармейца и перевел взгляд туда, куда тот указал рукой. Увидел под кустом распластанные тела двух гитлеровцев.

- Убили? - укрощая злость, с любопытством спросил Петр.

Женщина, до этого с испугом наблюдавшая за происходящим, робко подошла к Петру и извиняющимся голосом заговорила:

- Товарищ начальник... пусть режут корову. Мы перебьемся как-нибудь. Все равно не упрятать ее от немцев... У меня на огороде картошка молодая поспевает, муки трохи осталось... Пусть режут...

- Заберите корову, - хрипло ответил ей Маринин. Затем подошел к костру, к красноармейцам, смотревшим на него с недоуменной тревогой, и, приложив руку к козырьку, представился: - Младший политрук Маринин, командир боевого отряда!

Петр обратил внимание, что на гимнастерках красноармейцев черные петлицы.

- Артиллеристы? - спросил он, будто ни к кому не обращаясь.

- Минометчики, - ответил кто-то.

- Впрочем, все равно, - горько усмехнулся Маринин и повернулся к сержанту Стогову: - Накормите людей и включите в список личного состава. И пусть приведут себя в божеский вид...

Влившиеся в отряд красноармейцы были очень усталыми, и Маринин решил этой ночью не продвигаться на восток. После скудного ужина углубились в лес и, облюбовав песчаную высотку, поросшую молодыми сосенками, расположились на отдых. Для охраны выделили из отряда полевой караул и два секрета, выдвинув их в направлении опушки леса, откуда могла угрожать

опасность.

Петр чувствовал на себе хмурые взгляды сержанта, которого вгорячах свалил сегодня ударом на землю. Уже знал, что фамилия его Москалев. Хотелось заговорить с сержантом, но не находил повода. Было стыдно. С детства Петр никогда не дрался. Только в бою: на дороге под Скиделью, а затем под Боровой. Но одно дело бить врага, а другое - поднять руку на своего, хоть и озлобленного неудачами, поддавшегося панике. Нет, вины за собой Петр не чувствовал, однако все же ощущал неловкость, что не хватило выдержки, не сумел взглядом, словом, наконец, командой подчинить своей воле строптивого сержанта. Ну, не сумел!

Маринин сидел у небольшого костерка и при тусклых бликах пламени рассматривал карту. Надо было решить: нельзя ли завтра сделать бросок вперед не только на рассвете, но и днем?

А сержант Москалев развертывал под недалекой сосенкой скатку шинели собирался спать. Он помылся, побрился, отчего его щеки казались еще более впалыми, а глаза смотрели болезненно и устало...

Среди ночи Маринин сквозь сон услышал в стороне опушки непонятный шум: приглушенные возгласы, разговор, ржание лошади.

- Отряд, в ружье! - резко скомандовал Петр, вскакивая на ноги и хватая автомат. - Сержант Стогов, к полевому караулу!

Но тревога оказалась напрасной. Вскоре Стогов препроводил к месту расположения отряда повозку. На ней сидели, понукая лошадь, пожилой крестьянин-белорус и женщина, которой Маринин возвратил корову.

На повозке под соломой оказались мешки. В них - хлеб, картошка, сало, два окорока.

- Еле пробились к вам, - устало и невесело рассказывал крестьянин, разгружая повозку. - Полное село немцев.

- А на кирпичном заводе их как муравьев! - со страхом говорила женщина. - Все что-то таскают туда на грузовиках.

Оказывается, недалеко от села находился небольшой кирпичный завод. Вокруг него образовалось несколько глубоких карьеров, откуда годами выбирали глину.

- Доверху загрузили карьеры снарядами, минами, бочками с бензином, продолжал рассказ крестьянин. - Это сразу же за шоссейкой, в полукилометре.

Петр оглянулся на Стогова, на бойцов, заметно приободрившихся при виде хлеба и сала. Встретился с угрюмым взглядом сержанта Москалева. Понял, что все ждут от него какого-то решения.

Протянул крестьянину руку:

- Спасибо за помощь продуктами. И за все спасибо... - Затем пожал руку женщине и приказал двум бойцам: - Проводите их за опушку.

Когда повозка скрылась в лесу, Маринин обратился к Стогову:

- Ну, давайте думать... Не имеем права уйти отсюда, пока не взорвем склад.

- Как же до него дотянешься? - вздохнул Стогов.

Топтавшийся до этого в стороне сержант Москалев вдруг сказал:

- Недалеко отсюда минометы мы закопали... Может, вернуться за ними?

- Где?! - кинулся к нему Петр. - Какие минометы?

- Восьмидесятидвухмиллиметровые. Четыре ствола. И пять ящиков с минами. Минометы тащили на себе из-под самого Слонима.

- И мины из-под Слонима? - с недоверием спросил Стогов.

- Нет, на мины мы в лесу набрели. Штук сто выстрелили по немецкой колонне, а пять ящиков захватили с собой. Потом троих наших бойцов немецкие автоматчики накрыли и на наш след напали. Не было мочи нести дальше. Закопали... А буссоли с нами.

Маринин молчал, пораженный тем, что красноармейцы больше двухсот километров тащили на плечах минометы. А что это такое, он знает: в училище во время учений сам несколько раз вьючил на себя опорную плиту и, обливаясь потом, горбатился в солдатском строю до изнеможения. И сейчас понимал: иметь в отряде минометную батарею, - значит, не только удастся поднять в воздух склад боеприпасов врага, но, если посчастливится раздобыть мины, многое можно сделать.

- Найдете то место, где закопали? - спросил Петр у сержанта Москалева.

- Найду. Три часа ходу отсюда.

- А если там немцы?

- Что им в лесу делать? Немцы на дорогах и в деревнях.

Маринин задумчиво посмотрел в усталое лицо Москалева и после паузы коротко приказал:

- Собирайтесь. Поднимайте своих людей, берите две лошади и отправляйтесь за минометами.

- Сбегут же, товарищ младший политрук, - убежденно зашептал сержант Стогов Маринину, когда Москалев ушел к своим бойцам. - Верное слово, сбегут!.. Накормили их, сухарями наделили. Не видите разве, что этот сержант чертом смотрит?..

Да еще лошадей отдаете!

- Не сбегут.

- Ну меня с ними пошлите!

- Не надо. Зачем обижать недоверием?

Петр Маринин наблюдал за кирпичным заводом, который хорошо был виден ему с вершины высокой сосны. На сосну забрался с трудом - еще беспокоила рана. Здесь, в вышине, особенно заметен терпкий, дурманящий запах разомлевшей от жары хвои. На земле этот запах так не чувствовался, как среди ветвей. Коричневый ствол сосны облит смолой; она пачкала обмундирование, липла к рукам. Но Петр не обращал на это внимания: не отрывался от бинокля. Отчетливо видел карьер, заполненный штабелями ящиков; во втором карьере - множество бочек. Там же стояло несколько тучных бензовозов.

А сержант Москалев все не возвращался. Неужели оправдались опасения Стогова?.. Не хотелось верить. Петр в который раз определял по сетке бинокля расстояние к карьерам. Этому хорошо помогали телеграфные столбы у дороги. Знал, что высота столба - шесть метров. Шесть делил на угловую величину, которую показывала сетка бинокля, и умножал на тысячу. От опушки леса к дороге - шестьсот сорок метров. От дороги к заводу - метров пятьсот. Надо три-четыре мины для пристрелки, и склады будут накрыты.

Но минометов пока нет. Москалев и его солдаты, по расчетам Маринина, должны были возвратиться часа три назад. Чем же вызвана задержка? Возможно, ночью сбились с направления, не смогли отыскать место, где закопано оружие. А может, что другое?

В глубине леса томился от безделья отряд. Стогов нервно прохаживался среди лежавших под кустами бойцов. Либкин с тремя добровольными помощниками собирал на поляне заячий щавель: грозился на следующем привале покормить отряд зеленым борщом.

Солнце поднималось все выше. В лес заползала духота. И росла тревога: что стряслось с группой Москалева? Не опасно ли оставаться на месте?

Вдруг издали, с той стороны, откуда должны были прийти минометчики, донеслись звуки стрельбы: нетрудно было различить стрекот немецких автоматов, размеренную дробь нашего ручного пулемета, редкие щелчки ружейных выстрелов.

Это самое худшее, что мог предположить Петр. Ощутив холодок в груди и слабость в руках, он перевел бинокль влево, где опушка леса загибалась к самой дороге. Но ничего там не увидел.

Положил бинокль в чехол и, обдираясь о сучья, начал поспешно спускаться вниз, напряженно думая над тем, что он сейчас должен предпринять.

А стрельба не утихала. Но что это? Ухо Петра уловило хлопки минометных выстрелов. Взглянул на завод и глазам своим не поверил: увидел взметнувшиеся взрывы мин рядом с карьерами. Не обман ли зрения? Быстро достал бинокль... Совсем близко увидел султаны взрывов. Откуда летят мины? Чьи они? И вдруг перед самыми стеклами бинокля в небо вздыбилась огненно-черная стена...

Еще не осмыслил, что произошло, но инстинктивно крепко обхватил руками ствол дерева. И тут ужасающей силы грохот встряхнул лес, больно ударил по барабанным перепонкам. Взрывная волна упруго качнула ели; Петр даже скрежетнул зубами, так стиснул ствол, чтобы не слететь на землю.

Еще взрыв!.. Страшно было смотреть в сторону кирпичного завода. Над ним клубилась, будто перекипала, черная с огненными жилами туча, из которой во все стороны летели какие-то темные комья. Петр понял: это падали поднятые в воздух гильзы и неразорвавшиеся снаряды. Многие из них шлепались близ опушки, а некоторые, просвистев над головой, залетали даже в лес.

Через минуту Петр был на земле. Тут же к нему подбежал Стогов.

- Связной из группы сержанта Москалева! - с испугом доложил он, толкнув к Маринину запыхавшегося красноармейца.

Еле переводя дыхание, связной докладывал:

- Утром, после того как откопали и почистили минометы, столкнулись с немцами. Начали отступать. Чтоб не привести их сюда, сержант приказал всем занять оборону, а сам с наводчиками развернул минометы на опушке и ударил по кирпичному заводу. Вам надо уходить...

Маринину все было ясно.

- Сержант Стогов, остаетесь за меня, - начал он скороговоркой отдавать распоряжения. - Берите раненых, лошадей с грузами и идите строго на юг три километра. Там замаскируйтесь и ждите нас. Выставьте цепочку часовых постов фронтом на север, чтобы не разминуться. Остальным - в ружье!.. Пойдем выручать минометчиков.

Прямо здесь же отряд развернулся в линию и побежал вдоль опушки туда, где еще слышалась перестрелка.

Но вскоре перестрелка утихла, и это заставляло тревожиться еще больше. Не слышно было и минометов. По лесу стлался дым, пахло гарью: ветерок дул со стороны кирпичного завода.

Рядом с Марининым, тяжело дыша, бежал солдат-связной.

- Скоро канава, там надо осторожно! - предупредил он.

Но до канавы не добежали. Встретили сержанта Москалева и с ним четырех бойцов. Правый рукав сержанта был в крови, а сам он еле держался на ногах.

- Где остальные? - спросил Петр.

- Потом, - прохрипел Москалев. - Надо уходить.

Раненого Москалева и его солдат, которые тоже еле переводили дыхание, подхватили под мышки и всем отрядом повернули в глубь леса.

Нужно было спешить. Теперь, после взрыва склада, немцы всерьез займутся прочесыванием леса. Наверняка пойдут с собаками.

- Четырех наших убили, - на бегу докладывал сержант Москалев. Минометы пришлось бросить... Лошадей немцы постреляли.

28

Третьего июля ночью отряд младшего политрука Петра Маринина подошел к Березине. Лес здесь подступал вплотную к реке, тихо несшей свои воды меж буйной зеленью берегов. По ночной глади Березины стелился пар, лениво поднимаясь ввысь и тут же тая.

Маринин, прижавшись к толстому стволу ели, напряженно всматривался в противоположный берег, который казался безжизненным. Там мирно дремали густые кустарники, бросая на светлеющую кромку неба контуры своих кудрявых, плотно увенчанных листвой ветвей. Ничто не говорило о том, что за водной преградой расположились советские войска.

Зато на этой стороне Березины, где притаился в лесной чаще отряд Маринина, было неспокойно. Фашисты, оседлав дороги, непрерывно патрулировали вдоль реки на мотоциклах, танках, бронетранспортерах. Ракетчики, находясь где-то слева, то и дело стреляли из ракетниц, озаряя местность бледным мерцающим светом.

Маринин дожидался возвращения своих разведчиков, которым поручил исследовать берег реки. Наконец разведчики возвратились. Красноармеец Скориков доложил:

- Вот там, за изгибом, болото страшнющее! Прямо к берегу подходит. Самое место для переправы. Немцы туда ни-ни...

Через час отряд сосредоточился в зарослях, раскинувшихся на болоте. Даже лошади и те были надежно упрятаны от взора вражеских патрулей, носившихся на мотоциклах по дороге, за густым лозняком.

Солдаты деловито, без суеты, готовились к переправе:

опустошали и выворачивали карманы, снимали сапоги и плотно, голенищами вниз, пристегивали их ремнями к животу. Тот, кто плохо плавал, собирал хворост, сухой камыш и делал из них вязанки. Для раненых (их было в отряде девять человек) сооружали плот.

Только Либкин не находил себе дела в эти томительные минуты. Мысль, что ему неотвратимо придется шагнуть в неизвестную реку и перебраться через ее широкое русло на далекий противоположный берег, совершенно невидимый для него, приводила в смятение. Он не умел плавать. Даже вязанка сухого хвороста, которую предложили ему бойцы, не казалась надежной.

- А если я кувыркнусь под нее? - не унимался Либкин. - И вообще, что это за дикий способ переправы? Кто может мне гарантировать, что этот сноп поплывет вместе со мной через реку, а не вдоль нее - прямо к фашистам?..

Красноармейцы сдержанно посмеивались. Посмеивался и Маринин. Он уже решил переправить Либкина вместе с ранеными на плоту, но пока не говорил об этом. Хотелось до конца испытать людей в трудную минуту.

К переправе все было готово. Ожидали лишь сигнала с противоположного берега, куда Петр отправил сержанта Стогова с двумя бойцами. Наконец после томительного ожидания по ту сторону Березины в небо устремились три очереди трассирующих пуль. Это сигнал, о котором Маринин условился со своими посланцами. Он означал, что отряд может приступить к форсированию реки.

Маринин подал команду. Спустили плот, усадили на него раненых. Затем в воду шагнули лошади, неся на себе по одному седоку.

Маринин приказал Либкину сесть к раненым. Семен рьяно заартачился и самоотверженно шагнул в реку со своей вязанкой хвороста.

Когда люди отряда, переправлявшиеся последними, достигли середины Березины, Петр Маринин направил к реке своего коня. В это время фашисты обнаружили переправу. В ночном небе загорелись ракеты, вдоль русла ударили пулеметы, заухали взрывы мин. В ответ с другого берега на гитлеровцев обрушились огнем несколько советских артиллерийских и минометных батарей, застрочили станковые пулеметы.

Лошадь Маринина, поплясав на вязком берегу, испуганно всхрапывая, ступила в Березину.

Прильнув к гриве коня, Маринин напряженно всматривался вперед, туда, где добирались к противоположному берегу его

люди. Каждый фонтан воды, поднимавшийся над рекой от взрыва немецкой мины, болью отдавался в сердце. Кого недосчитается он на той стороне?..

Почти до середины реки беспрепятственно добрался Петр со своим конем, укрытый изгибом русла от вражеских глаз. А на середине, где ездока стало сносить по течению, вдруг справа и слева, впереди и сзади вздыбились в небо оглушительно рокочущие столбы воды и пены. Подводные взрывы мин, казавшиеся со стороны глухими, здесь тупо, больно били по барабанным перепонкам. В воздухе над бурлящей от взрывов рекой неслись навстречу Петру невидимые, мелкие, как пыль, облака водяных брызг.

Взрыв мины взметнулся рядом. Чудовищная сила схватила Маринина за плечи и вместе с лошадью, завертев, швырнула в водяную бездну. Задыхаясь, Петр вскочил на спину коня, оттолкнулся и усиленно начал грести руками. Еще несколько секунд, и его голова появилась над поверхностью реки.

В десяти метрах от Маринина вынырнула лошадь. Всхрапывая, она поплыла в обратную сторону.

В небе вновь загорелись ракеты, и новые взрывы заухали на реке. Петр лег на спину и, выставив над водой только лицо, энергично заработал руками и ногами. Стопудовыми казались сапоги на ногах, автомат на ремне, наган на боку...

Вдруг в то место, где был пристегнут наган, из-под воды чем-то больно ударило и одновременно оглушило страшным взрывом. Вздыбившийся в небо фонтан обрушился прямо на Маринина, вдавливая его в бурлящие воды Березины.

Тело словно схвачено железными путами. От удара в бок онемели руки и ноги, но мысль работала четко. Петр ясно понимал, что идет ко дну, что еще десяток секунд - и он начнет глотать воду. Нечеловеческими усилиями сбросил с себя железные путы. Почувствовал, что нет на шее автомата. Взмахнул руками и поставил тело в вертикальное положение. Начал грести. Еще взмах руками, еще два взмаха. А вода не размыкается над головой. Один бы глоток воздуха, одну бы секунду дать передышку легким. Но передышки нет, и он из последних сил рванулся вверх. И река расступилась...

Над Березиной воцарились тишина. Не ухали больше взрывы мин, не строчили пулеметы. А Петр Маринин все плыл к берегу, оставляя за собой кровавый след.

Где-то из глубины души, из тайников человеческого организма поднялись последние силы. Петр плыл. Словно в бреду почувствовал он, как его подхватили чьи-то руки.

- Знамя, - прошептал он. - У меня на груди знамя...

29

Наступил тринадцатый день войны.

В глубине леса, у зеленых шалашей, где размещался политотдел дивизии, собирались люди. Все переговаривались между собой и нетерпеливо посматривали в сторону грузовика, в кузове которого ожесточенно трещала пишущая машинка.

А над лесом, над примыкавшим к лесу полем с дозревающей пшеницей, над недалекой Березиной, зажатой с двух сторон буйной зеленью, стояла непривычная тишина. Еще не появлялись фашистские бомбардировщики, не неслись из-за реки вражеские снаряды.

Из шалаша показалась могучая фигура старшего батальонного комиссара Маслюкова. Он подошел к грузовику и у "машинистки Маши", как шутливо называли рыжеусого политотдельского писаря, взял страницы бумаги с уже знакомым ему свеженапечатанным текстом. Затем повернулся к столпившимся командирам и политработникам, окинул всех внимательным, оценивающим взглядом. Знакомые лица. И в то же время Маслюков видел перед собой совсем других людей, чем те, которых он знал тринадцать дней назад.

Остановил взгляд на младшем политруке Полищуке, своем помощнике по комсомолу. Это он вместе с комиссаром одного из мотострелковых полков организовал под огнем переправу двух батальонов через Березину. Что же изменилось в нем? Тот же острый, нетерпеливый взгляд, та же улыбка - то добрая, то едковатая, та же складка меж бровей. И все-таки это был другой Полищук, с горечью и решимостью в коричневых глазах, с сознанием своей ответственности за все, что происходит вокруг.

Но вокруг уже не та гнетущая атмосфера растерянности и подавленности, какая была в самые первые дни войны. Враг остановлен, хотя неизвестно надолго ли. Полки дивизии сумели, хотя и потеряв часть техники и личного состава, вырваться из клещей фашистских танковых колонн и уйти за Березину. Сейчас они закопались в землю и держат прочную оборону вдоль восточного берега.

Маслюков увидел, как через просеку переходил строй людей. Это спешил на позиции отряд, который сегодня ночью переправился через Березину из вражеского тыла. Люди усталые, но радостные, оживленные. Да, оправился народ от первого удара... Подошел полковник Рябов. Потемневшее лицо с ввалившимися, воспаленными глазами, жесткие складки у рта, усталый, озабоченный взгляд... Командиры подтянулись, отдали честь...

- Начнем? - обратился Маслюков к командиру дивизии.

Рябов молча кивнул.

- Товарищи! - голос Маслюкова зазвучал взволнованно, с нотками торжественности. - Получен приказ Военного совета фронта. Это приказ Родины, приказ партии, и каждое слово его, каждую букву мы обязаны донести до сознания, до сердца бойцов и командиров. Наш святой долг - выполнить приказ любой, даже самой дорогой ценой - ценой жизни.

Маслюков начал читать.

С волнением слушали собравшиеся суровые слова правды. В приказе говорилось, что части нашей армии, располагавшиеся в западных областях Белоруссии, приняли на себя мощный внезапный удар фашистских танковых колонн, что советские воины проявили беспримерные образцы мужества, героизма, самоотверженности. И хотя наряду с этим были случаи растерянности и паники, они пресекались самыми решительными мерами военного времени. В целом, говорилось в приказе, бойцы, командиры и политработники в схватках со злобным, численно превосходящим врагом продемонстрировали горячую любовь к Советской Родине, безграничную преданность Коммунистической партии и Советскому правительству. В числе соединений, сохранивших боеспособность, упоминалась и дивизия полковника Рябова.

В подтверждение этих слов старший батальонный комиссар Маслюков рассказал собравшимся и о том, что сегодня ночью работник политотдела дивизии младший политрук Маринин вывел из вражеского тыла крупный отряд бойцов и вынес с собой знамя танковой бригады, прославившейся в боях с фашистами близ границы.

И сейчас, когда враг рвался через Березину, где на основных участках его встретил сплошной фронт советских войск, Военный совет призывал:

"Не щадить крови и самой жизни во имя победы над врагом. Советская Родина в смертельной опасности!.."

30

Пять месяцев идет война.

Долгими днями лежала Люба на больничной койке - замкнувшаяся в себе. Иногда тишину палаты пробуждала песня, робкая, как первый ручеек весны, грустная. Это пела Люба. По вибрирующим ноткам ее мягкого голоса, по скорби, гнездившейся в уголках губ, медсестра Наташа догадывалась, что мысли, одна не радостней другой, бередят душу подруги. Но больше Люба молчала, и Наташа не знала, как развлечь ее, чем утешить.

Медсестра Наташа - худенькая, остроплечая девушка с маленькими юркими глазками на веснушчатом курносом лице.

Такой запомнила ее Люба Яковлева, когда они вместе всего лишь один день работали в госпитале. Знала еще, что Наташа бойка на язык и неутомима в споре.

И вот эта Наташа стала для ослепшей Любы самым близким человеком. Она привезла Любу с фронта в Москву - в клинику знаменитого профессора-окулиста. И уже сколько месяцев они неразлучны! Любе казалось, что рядом с ней - совсем другая Наташа. Не верилось, что у той языкатой и вездесущей Наташи может быть такой голос, полный искренней душевной доброты и ласки.

Сегодня день какой-то особенный. Люба чего-то ждала. На душе было тревожно и тоскливо.

- О чем ты все думаешь, Любашенька? - спросила Наташа, откладывая в сторону клубок шерстяных ниток и недовязанную варежку. - Почему не хочешь поговорить со мной? Или пой лучше. А то прямо плакать хочется...

О многом думала Люба. Часто до мельчайших деталей вспоминала те ужасные минуты, когда горел госпиталь, когда она выхватывала из тлеющих постелей тяжелораненых, беспомощных людей... Если бы раньше покинул ее тогда страх и она не убежала в окоп! Может быть, и горящий потолок рухнул бы лишь после того, как она успела вынести последнего раненого...

Где-то в потайном уголке души Любы теплилась надежда, что профессор вернет ей зрение. С этой надеждой легче было жить. Вот только Наташа... Милая Наташенька! Она все время старается утешить Любу... Не надо!.. В утешениях подруги, в ее робком голосе сквозили жалость и неверие в то, на что так надеялась Люба...

В палату часто заходил ассистент профессора. Люба угадывала его по шаркающим шагам, резкому запаху тройного одеколона, по нарочито уверенному голосу.

- Только не хандрить! - говорил ассистент. - Профессор соорудит вам такие глаза, что ни один парень не устоит...

Ох, зачем ее утешают? Ведь от этого еще труднее. К тому же Люба и не собиралась хандрить. Обида на судьбу, на нелепый случай еще не означала, что упали ее душевные силы. В коридоре раздались шаркающие шаги, потом в палате запахло тройным одеколоном.

- Как чувствует себя больная? - спросил ассистент. В его голосе Люба уловила что-то такое, что заставило насторожиться.

- Будете снимать повязку? - дрогнувшим голосом отозвалась Люба.

- Повязку? - деланно удивился ассистент. - Прошу в кабинет. Сейчас посмотрим, в каком состоянии ваши глаза. Может, скоро и

снимем.

Люба поняла, что наступило время, когда выяснится результат операции, когда решится ее судьба.

Наташа вела Любу по длинному коридору, и Люба чувствовала, как в мелкой дрожи бьется рука подруги. Когда вошли в кабинет профессора, Наташа заметила, что две санитарки, проверявшие, как закрываются темные шторы на окнах, вдруг замерли на месте.

Наташа взволнованно глядела на профессора, на санитарок. Усталое немолодое лицо профессора озабоченно. Он строго посмотрел на Наташу и приложил к губам палец. Затем обратился к Любе:

- Здравствуй, героиня!.. Не надоела тебе еще повязка?

Люба повернула к профессору забинтованное лицо, как бы намереваясь взглянуть ему в глаза, и выжидающе застыла в таком положении. Потом робко спросила:

- Скажите, профессор, это уже?..

- Нет, нет, мы только посмотрим, - ответил торопливо профессор. Медицина спешки не любит.

- Вы боитесь сказать мне правду?

- Не говори глупостей, садись!.. Не люблю экзальтированных девиц.

Но почему дрожат руки ассистента, снимающие повязку? И Наташа молчит...

- Открой глаза! - приказал профессор.

Люба почувствовала, что повязки на глазах нет, что непослушно открылись веки с обстриженными ресницами... Но глухая темнота не расступается, Люба ничего не видит...

31

Декабрь 1941 года. Шестой месяц идет война.

Младший политрук Петр Маринин возвращался из госпиталя на фронт...

Тяжело груженная пятитонка неслась по шоссе, непривычно оживленному для дневного времени. Грузовики со снарядами, тягачи с пушками, колонны танков, цепочки пехоты по обочинам - все это двигалось в том же направлении, куда ехал, сидя в кабине рядом с шофером пятитонки, Петр.

Упрямо продиралось сквозь стремительно несущуюся по небу рваную кисею туч обескровленное солнце. Стыли в морозном воздухе заиндевелые сосны Подмосковья. Зима сковала землю. Зиму сковала война. Поперек заснеженного шоссе - узкий проезд в частоколе ежей из сваренных рельсов и в стене из мешков с песком. Ежи, перемахнув через кюветы в разные стороны, схлестывались с линией проволочных заграждений и убегали в

белесую хмурь поля.

Давно остались позади Химки. Шоссе было все таким же запруженным, и Петр опасливо посматривал сквозь боковое стекло в мглистое небо.

- Не бомбят? - спросил он у молчаливого немолодого шофера с потемневшим от усталости лицом и воспаленными глазами.

- Отбомбились, - коротко простуженным голосом ответил тот. - Теперь сами на брюхе ползают под нашими бомбами.

Петру хотелось расспросить шофера о делах на фронте: ведь уже второй день идет наступление. Но шофер был не из разговорчивых. И Маринин начал читать на пробегавших мимо машины фанерных щитах надписи, звавшие не щадить жизни в борьбе с фашистскими захватчиками.

Вправо и влево от шоссе, по унылому заснеженному полю, тянулись уходящие вдаль все новые линии железных ежей, опутанных колючей проволокой. Местами громоздились пирамидальные глыбы железобетона - тоже противотанковые препятствия.

Петр перенесся мыслями в Москву. Только сегодня на рассвете приехал он в столицу, и она уже позади. Шумно вздохнув, Маринин поморщился... Досадно. И нужно же было так случиться, что пассажирский поезд, которым он ехал из тылового госпиталя, на двое суток опоздал! Уступал дорогу воинским эшелонам, спешащим на фронт. А Петр не догадался где-нибудь на станции зайти в военную комендатуру и поставить на предписании отметку, что задерживается он не по своей вине.

В Москве его остановил комендантский патруль, потребовал документы. Затем объяснения в комендатуре, сердитый, раздраженный голос майора, рассматривавшего его направление из госпиталя, подозрения в том, что он, младший политрук Маринин, умышленно не спешит на фронт. Нечего было и думать о том, что ему удастся повидаться в Москве с Любой Яковлевой...

Наконец-то он нашел ее. С благодарностью подумал о незнакомом городе Бугуруслане, в котором находилось Центральное справочное бюро. Узнав, что существует такое, Петр из госпиталя написал туда письмо, надеясь узнать, удалось ли выехать из Киева его старшему брату с семьей. И получил ответ: брат в Ридере Восточно-Казахстанской области. Наладилась переписка. Брат сообщил Петру адрес Любы Яковлевой. Она разыскала его тоже через справочное бюро. Спрашивала о нем, Пете, писала, что встречалась с ним за Минском, слышала о его гибели, но не верила в нее. Надеялась, сама не зная на что.

А сердитый майор из комендатуры выговаривал Петру за опоздание и грозился трибуналом. В это время привели еще двух

задержанных командиров. Они приехали в Москву тем же поездом, что и Петр Маринин. Недоразумение стало очевидным, и майор сменил гнев на милость. Петр даже осмелился спросить у него, не знает ли он, где находится клиника известного профессора-окулиста, и объяснил, что ему очень нужно справиться о здоровье одной медсестры. Майор подозрительно покосился на Петра и начал кому-то звонить по телефону.

- Медсестра Яковлева находится у вас на излечении? - наконец спросил он в телефонную трубку.

Петр затаил дыхание, не спуская глаз с усталого лица майора, которое было совсем не злым.

- Переключите, пожалуйста, - сказал майор и протянул телефонную трубку Петру. - Садитесь, можете поговорить. Сейчас соединят с тем отделением, где находится она.

И Петр услышал знакомый грустный голос Любы...

Он не мог толком припомнить, что говорил ей, что она отвечала. Все как во сне. Голос его скованный, деревянный; совсем не такой представлялась ему встреча с Любой.

А она плакала и смеялась, бессвязно рассказывала о хирурге-окулисте, который наконец вернул зрение ее одному глазу и обещает спасти второй. Просила писать, но заходить к ней не разрешила. Люба не хотела, чтобы Петр увидел ее со следами ожогов на лице, с повязкой на глазах. В ответ на это Петр назвал ее дурой. Хотел еще что-то сказать, но услышал недовольное покашливание майора: нужно было заканчивать разговор...

За воспоминаниями не заметил, как грузовик свернул с шоссе и уже с трудом пробирался по ухабистой дороге. Наступал вечер, и нужно было успеть разыскать штаб своей дивизии, в которую посчастливилось получить назначение. А машина все медленнее и медленнее ползла по разбитой колее. Впереди, перед полусгоревшей деревней, - фанерная будка контрольно-пропускного пункта. Девушка-регулировщик в белом полушубке, валенках и шапке-ушанке флажком остановила машину и приказала свернуть в сторону. Почему? Петр нетерпеливо ерзал на сиденье: надо же спешить!

Но из деревни показалась колонна людей. Вели пленных гитлеровцев. Куцые шинельки с поднятыми воротниками, замотанные тряпьем шеи. Петр всматривался в посиневшие от холода, заросшие щетиной лица пленных... Да, это были не те немцы, которых он видел в Белоруссии, не тот вид у них. И Петру стало радостно. Он открыл дверцу кабины и с подножки начал всматриваться вперед. Колонне пленных не видно конца.

- Девушка! - крикнул Петр регулировщице. - А может, господа фашисты посторонятся? Куда им спешить? А у нас снаряды!

Девушка засмеялась и, озорно сверкнув глазами, махнула флажком. Шофер резко тронул машину с места. Пленные шарахнулись в сторону, по колено увязая в снегу.

Деревня осталась позади. Справа и слева к дороге подступал лес. В лесу снег вытоптан, местами чернели закопченные воронки. Петр осматривался. Скоро лес должен кончиться, а там, как ему рассказывали, находится дачный поселок, в котором разместился штаб дивизии.

Чуть в стороне от дороги, за мелким сосняком, заметны неясные очертания каких-то машин. Это совсем рядом. Вдруг там раздался невероятной силы грохот, сверкнули столбы огня, взметнулись облака снега. От неожиданности шофер выпустил из рук руль, и грузовик рванулся в кювет. Петр выскочил из кабины и плюхнулся в снег. Когда грохот утих, послышался плачущий голос шофера:

- Черти окаянные! Не могут маяка выставить, чтоб предупреждал...

- Что случилось? Что это? - недоумевал Маринин, оправившись от испуга.

- "Катюши", будь они неладны! - стонал шофер.

Петр, сконфуженный, отряхнулся от снега и только теперь толком разглядел длинную шеренгу машин с какими-то рельсами над кабинами. Вот они какие, "катюши"!..

Грузовик со снарядами безнадежно застрял в кювете. Петр зашел на огневые позиции "катюш", попросил, чтоб помогли вытащить машину, а сам, захватив сидор - вещевой мешок, пошел вперед. Нужно было спешить, ведь и так опоздал.

И вот он - дачный поселок, в котором разместился штаб. Разыскал домик политотдела. Но застал там одного писаря - незнакомого Маринину солдата в очках. Писарь сказал, что все политотдельцы в полках, а полковой комиссар Маслюков вот-вот должен приехать. Когда писарь узнал, что Маринин прибыл из резерва "для назначения на вакантную должность по усмотрению командования дивизии", то посоветовал, не теряя времени, идти в четвертую часть штаба и предъявить там предписание, чтобы "стать на довольствие".

Очень пожалел Петр, что послушался совета писаря. Начальником четвертой части оказался Емельянов. Тот самый капитан Емельянов, который под деревней Боровая в конце июня срывал с себя знаки различия командира Красной Армии. Только теперь он уже стал майором. Как ни странно, встретил майор Емельянов младшего политрука Маринина на первый взгляд радушно. Выслушал рапорт, посмотрел предписание и усадил на табурет перед своим столом.

- Что же мы будем делать? - озабоченно спросил Емельянов, потирая пальцами высокий лоб.

Петр уловил фальшь в голосе майора и напряженно смотрел в его увертливые глаза - холодные, бесстрастные и действительно встревоженные. Отведя взгляд в сторону, Емельянов забарабанил пальцами по столу.

- Понимаете, какая петрушка... Использовать вас нет сейчас никакой возможности...

Петр молча смотрел в красивое, уже без бакенбард, как было в июне, лицо Емельянова. Красивые, полные, четко очерченные губы под смоляного цвета усиками. Но какими-то деревянными были эти губы. Кажется, все детали точеного лица Емельянова жили самостоятельно. Глаза его не подтверждали того, что он говорил. Усмешка, в которой вытягивались губы, не передавалась глазам. Вроде кто-то другой выглядывал сквозь глазные щели из этого человека.

- Я политработник, - наконец заговорил и Маринин. - Нет места в газете, пойду в роту...

- Да не в этом дело. - Емельянов от огорчения сморщил лицо. Понимаете... вы были в окружении, вышли оттуда без удостоверения личности. И непонятно, как еще уцелел партбилет...

- Это что, недоверие? - холодно спросил Петр, еще более насторожившись.

Емельянов передернул плечами, помедлил, всем своим видом подтверждая, что Маринин понял его правильно. Потом сказал:

- Давайте не будем усложнять этот вопрос. Я вам советую возвратиться в резерв политотдела армии, а там решат, где вас лучше использовать.

- В резерве мне делать нечего... А во-вторых, я зашел к вам только для того, чтобы включили меня в строевую записку. А где служить буду начальник политотдела решит...

- Зря, зря вы горячитесь, - миролюбиво ответил Емельянов. - Я ведь тоже здесь что-то да значу... И боюсь, что все-таки вам придется...

- Вам нечего за меня бояться! - вскипел вдруг Маринин. И, гневно глядя в глаза Емельянову, уже не владея собой, со слезами в голосе твердо выговорил: - Я никогда в бою не трусил, никогда не снимал с себя формы, в которую меня одела Родина, не бросал с этой формой документов, как это делали некоторые военные за Минском...

Ни Емельянов, ни Маринин не видели, что в полуоткрытых дверях стояли Маслюков и Рябов, прислушиваясь к их разговору.

- Встать! - заорал на Маринина побагровевший Емельянов. -

Что это за дурацкие намеки?!

Маринин медленно поднялся, принял стойку "смирно" и, овладев собой, уже спокойно смотрел на майора.

И тут Емельянов заметил начальство. После короткого замешательства он выскочил из-за стола, попытался доложить Рябову:

- Товарищ генерал-майор...

Рябов махнул на него рукой, заставив умолкнуть, а Маслюков шагнул к Маринину, обнял за плечи.

- Наконец-то явился, бродяга!.. Ну, основательно подремонтировали тебя? - рокотал бас начальника политотдела.

- Здравствуйте, товарищ полковой комиссар! - обрадовался и смутился Петр. - Стою, как видите, крепко.

- Стой, стой! Держись, не поддавайся! - добродушно посмеивался Рябов, пожимая Маринину руку. Затем, кивнув в сторону Емельянова, спросил: - Чего сцепились?

- Недостойно дерзит, товарищ генерал! - пожаловался Емельянов командиру дивизии.

- Ай, Маринин, Маринин... - качал головой Рябов, похохатывая. Дерзите, да еще недостойно. Достойно надо дерзить!

А Маслюков почему-то умолк, посуровел, над чем-то раздумывая. Вдруг он уставил твердый взгляд на майора Емельянова и, обращаясь к Маринину, промолвил:

- Ты сейчас говорил о людях, которые за Минском сбрасывали с себя командирскую форму. А ну уточни-ка.

Петр опустил глаза, приглушенно сказал:

- Разрешите мне не отвечать на этот вопрос... Старая история.

- Старая история... - задумчиво произнес Маслюков, все еще не спуская сурового взгляда с растерянного Емельянова. - Я думал, что тогда речь шла о чужом капитане, не из нашего штаба. И очень жалел, что не добрался до него...

- А-а, понятно, - перебил его Рябов, что-то припоминая. - Речь идет о ловушке под Боровой?

Наступило неловкое молчание. Его нарушил Рябов. Он положил руку на плечо Маринину и задумчиво произнес:

- Запомните, младший политрук, если в бою кто-нибудь струсил, то это не история и тем более не старая. Это напрасно пролитая кровь людская. И никогда, никому ее прощать нельзя. Верно?

Маринин, прямо глядя в глаза Рябова - суровые и вопрошающие, - в знак согласия кивнул. А тот, в белом полушубке, шапке, румяный с мороза, весь дыша силой и энергией, продолжал:

- Вот вы, коммунист, не испугались врага, хотя в июне там, за Минском, за Березиной, было очень, очень страшно. Верю: не струсите и впредь... Партия воспитала молодежь с крепким позвонком и гордым сердцем. Не зазнавайтесь только. Я, как старый коммунист, бывший рабочий, говорю вам эти слова для того, чтобы их суть такие, как вы, в чьих руках будущее, всегда напоминали молодежи. Когда наступит мирное, светлое завтра, обязательно скажите ей: "Товарищи! Не забывайте, что счастье... ковать... трудно... Умейте ценить жизнь, которой вы живете! Помните, что она принесена вам в муках и крови. И если среди вас найдутся нытики и хлюпики - презирайте их! В трудную минуту они спрячутся за ваши спины, они не пойдут первыми в атаку на врага! Настоящий человек не должен сдаваться..." - Генерал Рябов резко повернулся к Емельянову: - А вы в первом же бою сдались! Потом еще за героя себя выдали. Придется начинать вам все сначала...

Раскинувшийся на склонах небольшой речки дачный поселок содрогался от рева моторов. Из недалекого леса на центральную улицу поселка выползала нескончаемая вереница тракторов-тягачей с тяжелыми пушками на прицепе. Петр Маринин стоял на обочине и с восхищением смотрел на массивные стволы орудий, на оживленные лица артиллеристов. Западный фронт наступал, тот самый фронт, который из Западной Белоруссии откатился под Москву... Да, пришли другие времена.

Облегченно вздохнув и выбив ударом сапога вмерзшую в лед еловую шишку, Маринин направился вслед за тягачами разыскивать полк, куда он назначен комсоргом. Полк находился в движении, и его придется догонять, может, целую ночь пешком или на попутных машинах, по заминированной местности. И пусть! Ведь вперед, на запад пошли, в ту сторону, откуда начали наступать фашисты.

И хотя еще много, ой как много беды на нашей земле, беды, принесенной фашистами, уже не давит сердце гнетущее чувство. Тверже земля под ногами, зорче взгляд, крепче рука. А вокруг несметные силы: первоклассная техника, выкованная на советских заводах, и люди, полные решимости и отваги. Теперь можно помериться силами с фашистами, пора отплатить им за все: смерть, пожарища, за позор отступления, который перенес Петр Маринин и тысячи таких, как он.

Никогда больше не повторится для Советской Армии июнь 1941 года!

1946 - 1955 гг.

(Симферополь - Москва)

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть "Человек не сдается" Иван Стаднюк начал писать осенью 1945 года, а летом 1946 года был закончен ее первый вариант и отправлен из Симферополя, где автор продолжал службу в армии, в один из московских журналов. Рукопись была отвергнута, а ее содержание рецензент журнала осудил, как предвзятое. Тогда автор показал повесть жившему в Крыму П. А. Павленко. После ее прочтения известный писатель сказал начинающему литератору:

"...Я поверил всему, что здесь написано. Это - свидетельство очевидца... Но еще не время для появления такой повести или романа... Народ наш живет сейчас чувствами Победы. И пока не стоит омрачать эти чувства воспоминаниями о днях наших трагических неудач... А вот пройдет лет десять, может, чуть больше, ты заново перечитаешь повесть, и тогда она окажется ко времени".

Иван Стаднюк последовал совету опытного художника, и в 1955 году закончил работу над новой редакцией повести "Человек не сдается".

В этом раннем, но крупном в творческой биографии писателя произведении рассказывается о военных событиях двух первых недель после вторжения войск фашистской Германии на территорию СССР.

Впервые повесть была опубликована в 1956 году в сборнике "Люди с оружием" (изд-во "Молодая гвардия") и нашла широкий отклик у читателей, и известных критиков, и литераторов. Михаил Алексеев, например, писал, что, изображая картины боев 1941 года, И. Стаднюк "не приукрашивает действительность, не скрывает от читателей тяжких, порою трагических положений, в которых оказывались советские воины в начальный период фашистского нашествия. Но и не сгущает красок, не идет по ложному пути некоторых литераторов, которые в последнее время стали изображать 1941 год как сплошное беспорядочное бегство нашей армии, как сплошную неразбериху. Автор повести "Человек не сдается" показывает этот период, как самое тяжкое испытание моральных качеств советских людей, из которого они в конце концов вышли с честью" (Михаил Алексеев. "Слово в строю", издательство "Современник", 1975 г.).

Критик Борис Леонов в своей книге "Главный объект", посвященной творчеству Ивана Стаднюка ("Московский рабочий", 1979), говорит о повести "Человек не сдается": "Но еще более убедительным кажется мне в выяснении художественных достоинств повести И. Стаднюка тот внутренний, сквозной лейтмотив произведения, который я назвал, используя слова Л. Толстого, мыслью народною о подвиге советского человека в годы

великих испытаний (1941 - 1945). Это суровое слово большой правды человека, который прошел всю войну по фронтовым дорогам с первого ее дня и до последнего, победного. Завидная, счастливая судьба человека запечатлена в судьбе героя повести. Она определила и счастливую судьбу самой повести, которая много раз переиздавалась, переведена за рубежом, экранизирована и по сей день пользуется неизменным успехом у читателей".

Фильм "Человек не сдается" (производство белорусской киностудии "Беларусьфильм", 1960 г.) был первой художественной кинолентой в советском кинематографе о самом начальном периоде Великой Отечественной войны.